БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.
№ 343.

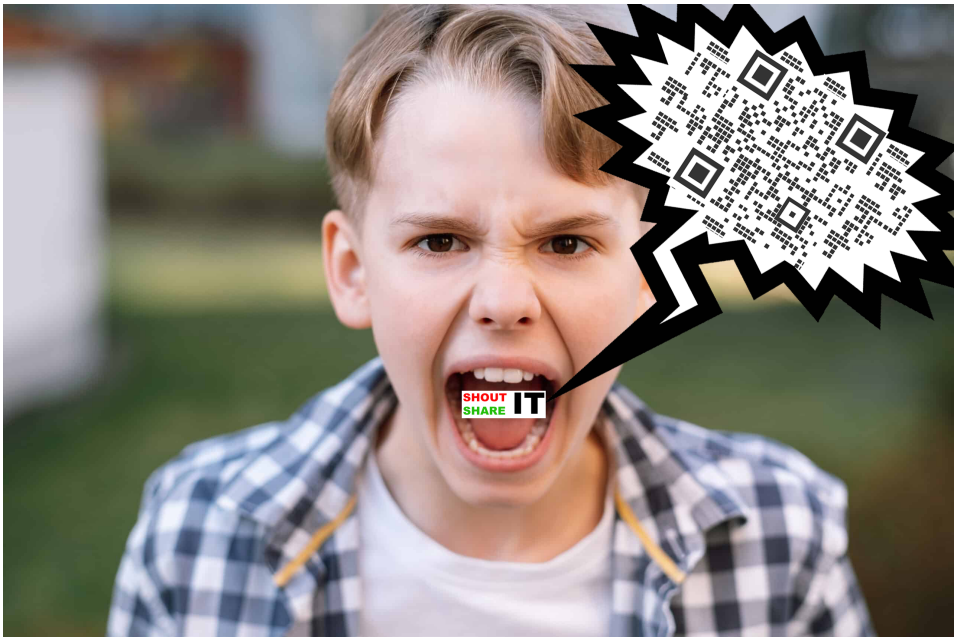
Жанъ Гравъ.

УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ НОНО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
Грикуровой.

СЪ РИСУНКАМИ.

Типо-литогр. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ** и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА — 1918.


SHOUT
SHARE IT

Annotation

Первый детский политический памфлет.

Цитата из письма учеников Современной школы Барселоны, приведённого в книге товарища Франциско Феррера «Современная школа»:

«Вкратце: приключения Ноно — поучительная книга, которую следует читать очень внимательно, и ее основной смысл в том, что страна, в которой все работают для каждого и каждый для всех, где нет ни денег, ни воров, ни тех, кто принимает лишь угодные себе законы, ни оружия, и где развиваются науки и искусства — это то, каким должен быть наш мир.»

fb2: иллюстрации в русском переводе выбраны из французского оригинала. Использован полный оригинальный ряд.

- Жанъ Гравъ
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV

    - XXV
    - XXVI
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

Жанъ Гравъ
Удивительныя приключенія Ноно

I
Желаніе

Ноно — девятилѣтній мальчикъ, умный, шаловливый, но не злой. Какъ у всѣхъ вообще дѣтей, бываютъ и у него иногда минуты, когда онъ кричитъ и шумитъ. Его маленькое, неудержимо рвущееся къ движенію существо выдѣлываетъ прыжки, испускаетъ крики радости, измышляетъ шалости, ничуть не заботясь о томъ, расположены ли его родители переносить ихъ.

Одно нѣсколько портитъ хорошую натуру Ноно: онъ страшно упрямъ, и часто нѣтъ возможности съ нимъ сговориться. Если разъ онъ забралъ себѣ въ голову, что не хочетъ чего-либо сдѣлать, — кончено, нѣтъ никакой возможности его заставить: брань, побои, разсужденія, сладости, обѣщанія, — ничто на него не дѣйствуетъ. Онъ самъ сознаетъ, что не правъ, и все же ничего съ собой не можетъ подѣлать.

Часто съ упрямыми дѣтьми родители не знаютъ другого средства, какъ побои, такъ какъ легче дать шлепка, чѣмъ доказать справедливость своихъ требованій; иные родители прибѣгаютъ къ шлепкамъ даже слишкомъ часто; потому что, если бъ нужно было приводить каждый разъ основанія, — многимъ родителямъ пришлось бы сознаться, что у нихъ нѣтъ никакого иного основанія, кромѣ ихъ личнаго каприза, никакого иного права, кромѣ права сильнаго. Когда вы въ дурномъ расположеніи духа, вамъ хочется выместить его на комъ-нибудь, и легче это сдѣлать на безотвѣтномъ.

Но родители Ноно, если и не совсѣмъ свободны отъ этого недостатка, если временами и черезчуръ скоры на руку, не слишкомъ все же злоупотребляютъ этимъ способомъ убѣжденія, они пытаются большей частью вразумить маленькаго упрямца,

стараясь дать ему понять, что если онъ хочетъ жить свободно и удобно, то онъ долженъ подумать, что и другіе хотятъ того же самаго.

Ноно сознаетъ, что не правъ, отказываясь что-нибудь сдѣлать, но считаетъ какъ бы вопросомъ чести не мѣнять того, что разъ сказалъ. Если онъ отказывается исполнить чью-либо просьбу, лучшій способъ заставить его перемѣнить свое рѣшеніе, — это предоставить ему свободно дуться въ своемъ углу.

А потомъ вѣдь надо помнить, что если родители нерѣдко бываютъ въ дурномъ расположеніи духа, то и дѣти, со своей стороны, не могутъ быть всегда хорошо настроены.

У родителей заботы по хозяйству, непріятности по службѣ: въ мастерской хозяинъ былъ несправедливъ, и нельзя было всего прямо сказать ему, — домой возвращаешься въ дурномъ расположеніи духа и срываешь досаду на женѣ и на дѣтяхъ. Въ такихъ случаяхъ иногда родители, сами того не замѣчая, отдаютъ свои приказанія черезчуръ повелительнымъ тономъ.

Ноно этотъ тонъ сильно оскорбляетъ, и онъ даже тогда, когда особенно хорошо настроенъ и расположенъ исполнять какія угодно порученія, повинуется нехотя и съ ворчаніемъ.

Часто также, когда ему не совсѣмъ понятна необходимость какого-либо приказанія, — нельзя же, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, въ девять лѣтъ знать столько же, сколько знаютъ родители; достаточно было бы одного слова объясненія, но родители слишкомъ привыкли думать, что дѣти должны повиноваться безъ разсужденія, и очень часто, не умѣя говорить съ дѣтьми просто и понятно и воображая, что дѣти ничего не понимаютъ, даже не стараются подумать надъ тѣмъ, какъ говорить съ ребенкомъ. «Дѣти должны повиноваться своимъ родителямъ безъ разсужденія», — эта мысль избавляетъ отъ всякихъ объясненій.

Много книгъ написано уже съ цѣлью научить дѣтей быть умными и послушными, — но, къ сожалѣнію, книги эти написаны родителями, — и еще очень мало написано книгъ, которыя бы старались научить родителей требовать отъ дѣтей лишь то, что доступно ихъ возрасту и пониманію. Быть-можетъ, кто-нибудь изъ дѣтей, читающихъ меня сейчасъ, припомнитъ, когда вырастетъ, что въ отношеніяхъ его родителей къ нему казалось ему особенно несправедливымъ, и самъ напишетъ такую книгу.

Ребенку часто бываетъ жаль оторваться отъ чтенія ради того, чтобы итти купить на гривенникъ масла или мѣрку картофеля, — да еще оторваться на самомъ интересномъ мѣстѣ въ тотъ моментъ, когда герой разсказа захваченъ разбойниками или готовъ потерпѣть кораблекрушеніе: трудно его покинуть въ такомъ критическомъ положеніи. Или еще, — вы, напримѣръ,

сильно увлечены занимательной игрой въ прятки, и вдругъ мать безпокоитъ васъ просьбой купить на пятачокъ соли или зоветъ васъ наверхъ мыть посуду. Вотъ по этимъ-то причинамъ и Ноно случалось иногда не особенно быстро исполнять приказанія, не слушаться съ перваго раза, ворчать и волочить ноги по землѣ въ знакъ неудовольствія.

Случается иногда Ноно подраться со своимъ старшимъ братомъ Александромъ, — его обыкновенно зовутъ Тити, — и съ сестренкой Сандриной. Тити гораздо старше Ноно, но ничуть не разумнѣе, и они иногда бранятся, какъ два тряпичника.

Сандрина старше Ноно всего на годъ и часто его сердитъ. Но такъ какъ Ноно моложе ея, то отъ нея требуютъ, чтобъ она во всемъ уступала младшему брату. Она же совсѣмъ не расположена это дѣлать и совсѣмъ не убѣждена, что это нужно.

Начинается обыкновенно съ небольшой ссоры; дѣти вырываютъ другъ у друга изъ рукъ игрушки, а тамъ пускаютъ въ ходъ и кулаки, пока пара безпристрастно распредѣленныхъ затрещинъ не водворяетъ мира между враждующими сторонами.

Есть, правда, еще другой маленькій братъ — Поло, но онъ такъ малъ, — годъ всего, что съ нимъ еще совсѣмъ невозможно спорить; и Ноно бываетъ даже очень радъ присматривать за нимъ, потому что тогда всегда можно полакомиться его кашкой и сухариками.

Но вообще говоря, родители Ноно любятъ своихъ дѣтей, и недостатки ихъ зависятъ скорѣй отъ старыхъ предразсудковъ и привычекъ, привитыхъ имъ воспитаніемъ, чѣмъ отъ нихъ самихъ: въ характерѣ ихъ много доброты.

Ноно любитъ своихъ родителей и умѣетъ, особенно если хочетъ чего-нибудь попросить у нихъ, находить ласковыя слова, которыя всегда достигаютъ цѣли.

Если не считать тѣхъ непріятныхъ минутъ, о которыхъ мы говорили выше, жизнь дома течетъ довольно тихо, и грозы скоро забываются, потому что никто не хочетъ помнить зла.

Въ моментъ нашего знакомства съ семьей Ноно ведетъ себя примѣрно. Ему давно хочется, чтобъ отецъ купилъ ему книжку сказокъ съ раскрашенными картинками! Отмѣтки за недѣлю у него прекрасныя; дома онъ быстро и не ворча, — развѣ про себя, чтобъ не совсѣмъ потерять привычку, — исполняетъ всѣ данныя ему порученія, такъ что отецъ обѣщалъ даже взять его завтра съ собой, — завтра какъ разъ воскресенье, — а пойти въ лавки съ папой, гдѣ Ноно можетъ выбрать себѣ, что ему только понравится, не слишкомъ только дорогое, потому что родители Ноно — рабочіе, а богатые тратятъ на свои прихоти такъ много денегъ, что рабочимъ почти ничего не остается на покупку

своимъ дѣтямъ даже самаго необходимаго, — большое удовольствіе. Но на этотъ разъ отецъ хочетъ быть щедръ и обѣщаетъ пожертвовать на покупки Ноно цѣлыхъ семьдесятъ пять копеекъ!

Сегодня Ноно ложится спать, исполненный надеждъ, рисуя себѣ назавтра всевозможныя чудеса. Пока мать укрываетъ его въ постелькѣ, Ноно спрашиваетъ ее:

— Скажи, мама, что будетъ стоить книжка сказокъ, какъ та, что давалъ мнѣ Жанъ, съ красивыми картинками?

— Отецъ, — спрашиваетъ мать, — что можетъ стоить книжка сказокъ съ красивыми раскрашенными картинками?

— Не знаю. Рубля полтора — самое меньшее.

— Мама, — говоритъ Ноно, — обвивая шею матери ручонками и привлекая ее къ себѣ для поцѣлуя, — папа обѣщалъ мнѣ на книжку съ картинками семьдесятъ пять копеекъ, а чего недостанетъ, ты дашь? Попроси папу, пусть купитъ мнѣ сказки съ раскрашенными картинками!

— Ты хорошо умѣешь просить! А будешь ли ты всегда умникомъ?

— Буду, буду, обѣщаю тебѣ, — говоритъ мальчикъ, удваивая ласки.

— Буду, буду! Ты скоръ на обѣщанія, только не всегда ты ихъ держишь.

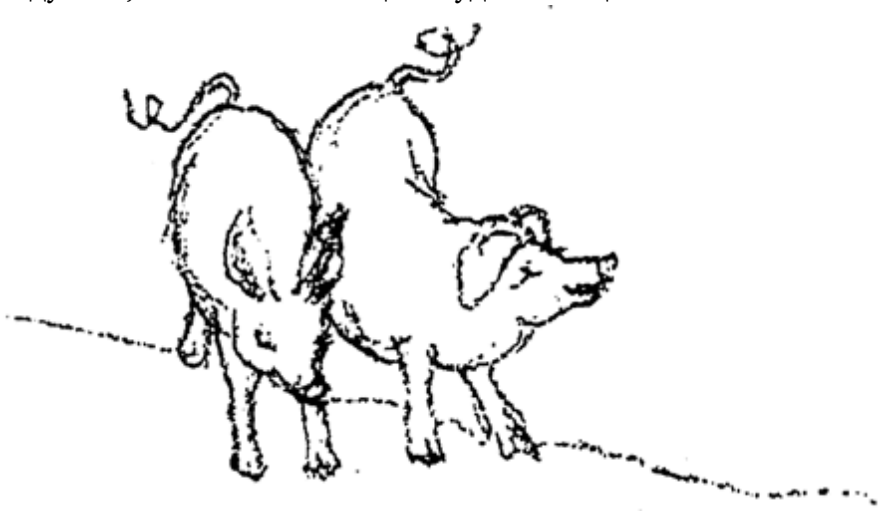
— Вотъ ты увидишь, мама, вотъ увидишь!

— Ну, хорошо, спи! Завтра увидимъ. Попросимъ папу.

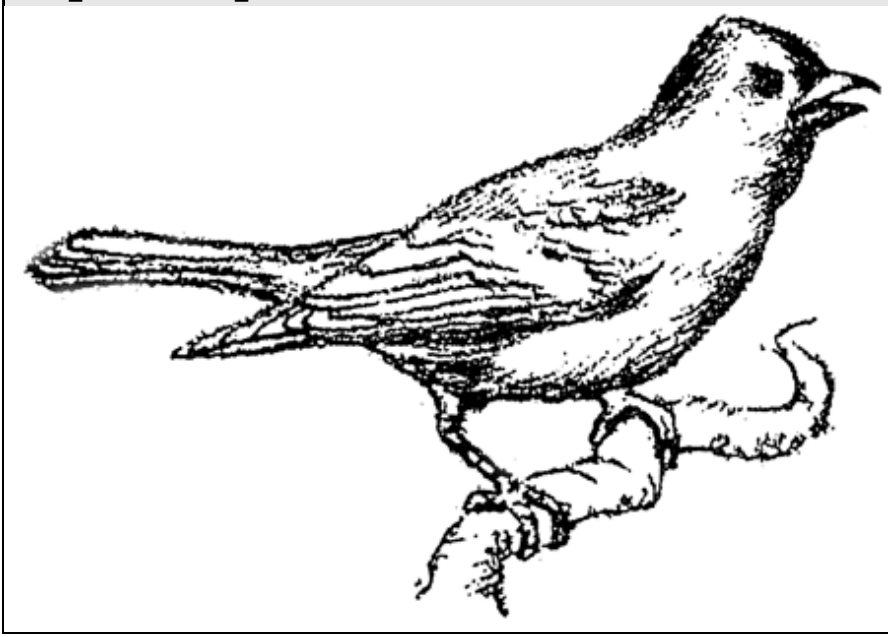
И два сладкихъ поцѣлуя въ глазки съ увѣщаніемъ не слишкомъ ворочаться, чтобы не раскрываться.

Забившись съ головой подъ одѣяло, Ноно мечтаетъ о всѣхъ видѣнныхъ имъ книжкахъ и не знаетъ, которой отдать предпочтеніе. Воображеніе рисуетъ ему цѣлое море томовъ, и онъ не знаетъ, на которомъ остановить свой выборъ. Мало-по-малу

все оживаетъ и одушевляется. «Ослиная кожа», «Донъ-Кихотъ», «Али-Баба», «Красная шапочка», «Жаръ-Птица» — принимаются плясать вокругъ него. Постепенно онъ засыпаетъ среди огромнаго множества фей, геніевъ, домовыхъ, волшебниковъ, гномовъ, колдуновъ, волшебныхъ птицъ и чудесныхъ цвѣтовъ.



II
Первыя приключенія



Когда Ноно проснулся, было уже свѣтло. Но, удивительное дѣло, — вмѣсто своей кроватки онъ лежалъ на лужайкѣ, покрытой красивыми цвѣтами.

Солнце освѣщало лужайку, зажигало искры на лепесткахъ цвѣтовъ и отражалось въ блестящихъ крылышкахъ безсчисленныхъ бабочекъ и жуковъ, мелькавшихъ въ его золотыхъ лучахъ или озабоченно сновавшихъ среди былинокъ. Небо, глубокое, синее, было безоблачно.

Ноно приподнялся на локтѣ и вытаращенными отъ удивленія глазами смотрѣлъ вокругъ себя. Мѣсто было ему совершенно незнакомо.

Въ воздухѣ, мягкомъ и нѣжномъ, носился чудный запахъ полевыхъ цвѣтовъ. Въ листвѣ деревьевъ, въ кустахъ, всюду щебетали птички. Видно было, что онѣ живутъ тутъ въ полной безопасности.

Чтобъ понять, наконецъ, гдѣ онъ находится, Ноно всталъ и снова оглядѣлся. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ чудный воздухъ; но скоро пустота въ желудкѣ заставила его вспомнить о супѣ, который его мать разогрѣвала для него каждое утро, и Ноно еще старательнѣе сталъ искать глазами вокругъ себя слѣдовъ своего дома. Но никакихъ слѣдовъ ни своего ни чужого жилья Ноно такъ

и не увидалъ. Ноно никакъ не могъ понять, какъ могъ онъ попасть одинъ въ совершенно незнакомую ему страну. Не видитъ ли онъ во снѣ все это? Неужели какой-нибудь злой духъ или злая волшебница унесли его далеко отъ дому и родителей? Вдругъ ему придется претерпѣть какое-нибудь удивительное превращеніе! И Ноно ощупалъ всего себя, чтобъ убѣдиться, что онъ все тотъ же Ноно, что онъ не обращенъ ни въ обезьяну, ни въ какое другое животное.

Нѣтъ, онъ все тотъ же, даже платье на немъ его обычное, домашнее платье. Ноно опять посмотрѣлъ вокругъ себя, и опять кругомъ никого не было.

Ноно былъ смѣлый мальчикъ и боялся только темноты, — въ темнотѣ онъ начиналъ громко пѣть, чтобы придать себѣ храбрости. И теперь Ноно еще не боялся, онъ только никакъ не могъ сообразить, что съ нимъ случилось. Онъ рѣшилъ поискать какую-нибудь тропинку или дорогу, по дорогѣ-то онъ ужъ добрался бы до жилья человѣка.

Послѣ недолгихъ поисковъ Ноно увидалъ какую-то тропинку и пошелъ по ней.

Опустивъ руку въ карманъ, онъ нашелъ тамъ перочинный ножъ, который подарилъ ему дядя. Это открытіе навело Ноно на мысль срѣзать себѣ тросточку, и Ноно принялся за дѣло. Трость вышла на славу.

Ноно вертѣлъ ее во всѣ стороны, сбивалъ ею верхушки травы по краямъ дорожки и шелъ по тропинкѣ, не думая о томъ, куда она его приведетъ. Должно быть, онъ проснулся очень поздно, потому что солнце теперь было уже высоко, и лучи его, хотя и смягченные листвой, сильно нагрѣвали воздухъ. Ноно захотѣлось пить; онъ сталъ искать, нѣтъ ли гдѣ по близости ключа или какихъ-нибудь плодовъ, ягодъ, которые утолили бы его жажду. Можетъ-быть, тогда ему и ѣсть ужъ не такъ бы сильно хотѣлось.

Но кругомъ не было ничего, кромѣ обыкновенныхъ лѣсныхъ деревьевъ. Вдругъ Ноно услыхалъ жалобный пискъ и увидалъ на полянкѣ зяблика. Птичка старалась спрятаться въ вѣтвяхъ дерева, а огромный ястребъ медленно спускался, разглядывая, какъ бы поудобнѣе ему было броситься на перепуганную пташку.

Ноно кинулся на помощь зяблику, замахнулся своей палкой и въ тотъ моментъ, когда ястребъ приготовился схватить свою добычу, мѣткимъ ударомъ отбросилъ его въ сторону. Зябликъ отъ страха упалъ на землю, вздрагивая всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ. Ноно поднялъ птичку, бережно взялъ ее въ руки и поцѣловалъ.

Мало-по-малу птичка оправилась и запищала слабымъ жалобнымъ голоскомъ. Ноно понялъ, что ей хочется быть на

свободѣ. Онъ разжалъ руки, птичка расправила крылышки, взвилась въ высь, насвистывая на прощанье веселую пѣсенку.

Это маленькое приключеніе заставило Ноно забыть на время мучившую его жажду; но когда зябликъ скрылся, онъ почувствовалъ ее съ новой силой, и Ноно снова пустился въ путь, продолжая высматривать, гдѣ бы можно было напиться. Но глазъ его замѣтилъ только маленькаго жука, который зацѣпился за что-то ножкой въ вѣтвяхъ кустарника. Онъ лежалъ вверхъ своимъ черненькимъ брюшкомъ и отчаянно бился.

Онъ, видимо, усталъ, силы его слабѣли, и онъ едва двигался. На вѣткѣ надъ нимъ сидѣла синица и точила свой клювъ.

Ноно подбѣжалъ къ кусту, спугнулъ синицу и осторожно высвободилъ жука. Это была красивая жужелица съ золотисто-зелеными надкрыльями.

Ноно посадилъ жужелицу на землю, она провела ножками по своимъ усикамъ, какъ будто хотѣла поблагодарить своего спасителя, и исчезла въ зеленой травѣ. А Ноно пошелъ дальше.

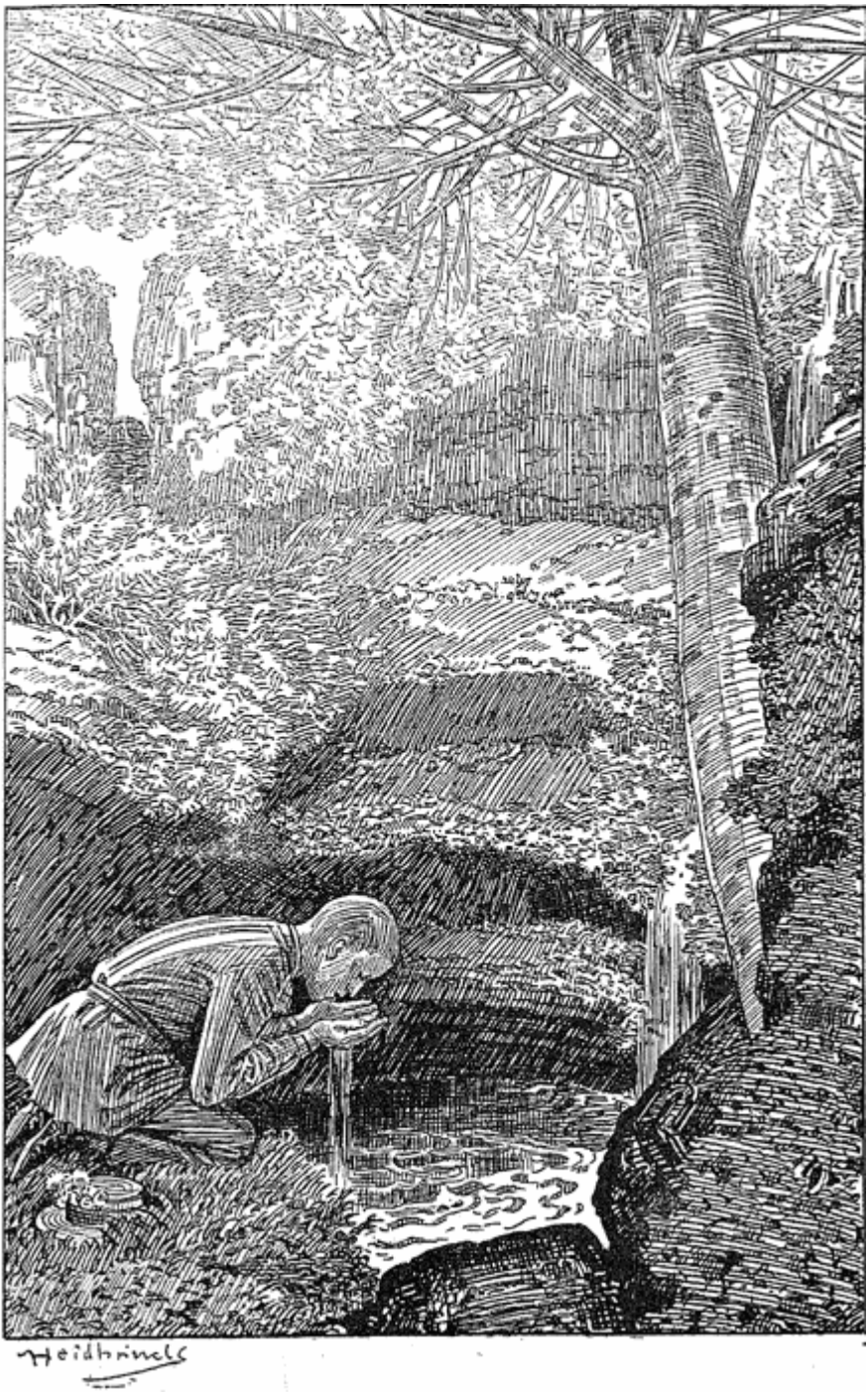
На перекресткѣ двухъ дорожекъ Ноно увидалъ зяблика. Птичка сидѣла, какъ будто поджидала его. Когда онъ поровнялся съ ней, зябликъ полетѣлъ вдоль новой дорожки. Ноно пошелъ за нимъ. Зябликъ перелетѣлъ на слѣдующее дерево, и сѣлъ тамъ, расправляя крылышки, какъ бы снова поджидая своего спасителя.

— Ты боишься меня? — сказалъ Ноно.

И птичка, казалось, поняла его, стала летать вокругъ него, сѣла къ нему на плечо, но, все еще недовѣрчивая, тотчасъ снова вспорхнула и полетѣла впередъ.

Мѣстность была совершенно незнакома Ноно, и потому ему было все равно, по какой дорогѣ итти. Наконецъ, они вышли на большую поляну, и Ноно на другомъ концѣ ея увидалъ красноватыя скалы, покрытыя мохомъ, лишаями и верескомъ. А среди кустовъ вереска струился свѣтлый, быстрый ключъ.

Ноно подбѣжалъ къ ручью, сталъ на колѣни, зачерпнулъ руками воды и сталъ жадно пить. Вода показалась ему лучше всѣхъ напитковъ.



«А вѣдь безъ зяблика, — подумалъ Ноно, — я бы не пришелъ сюда. Вѣдь это онъ показалъ мнѣ дорожку сюда». — И онъ сталъ искать глазами птичку, чтобы поблагодарить ее. Но она уже исчезла.

Ноно снова наклонился къ ручью, чтобъ вволю напиться свѣжей, чистой воды; вдругъ онъ замѣтилъ посреди ручья большую пчелу. Теченіе уносило ее. Ноно тросточкой вынулъ пчелку изъ воды, осторожно положилъ ее на мохъ, чтобы она могла обсушить на солнышкѣ свои крылья, и наклонился надъ ней, чтобы посмотрѣть, что она станетъ дѣлать. А голодъ по прежнему мучилъ Ноно.

Сначала пчела едва держалась на ногахъ, съ трудомъ передвигая по мху свое отяжелѣвшее отъ сырости тѣльце съ помятыми, мокрыми крылышками. Потомъ она стала проводить задними ножками по крылышкамъ, какъ будто хотѣла ихъ разгладить. Наконецъ, она почувствовала себя достаточно сильной, взвилась вверхъ и утонула въ синевѣ неба. Пчелы не было видно, но жужжаніе ея доносилось до Ноно, и, странное дѣло, мальчику казалось, что онъ понимаетъ это жужжаніе. Ему казалось, что пчела говоритъ: «Тебѣ хотѣлось пить, — птичка, спасенная тобою, привела тебя къ ручью, гдѣ ты могъ напиться и гдѣ бы я утонула безъ твоей помощи. Иди за мною, я поведу тебя туда, гдѣ ты сможешь наѣсться».

Ноно прекрасно зналъ, что насѣкомыя не говорятъ, но онъ прочелъ столько сказокъ, въ которыхъ говорятъ не только мельчайшія насѣкомыя, а даже растенія и минералы, камни, поэтому онъ не былъ ужъ черезчуръ удивленъ, что пчелка заговорила, и онъ пошелъ за ней. Они миновали лѣсъ, начавшійся за скалами, и пришли на лѣсную лужайку, покрытую полевыми цвѣтами.

Цвѣтовъ было такое множество и такъ они были красивы и ярки, что Ноно остановился въ восхищеніи. Но голодъ не далъ ему долго любоваться великолѣпными цвѣтами, и Ноно началъ осматриваться, нѣтъ ли тутъ чего-нибудь такого, что можно бы съѣсть.

Пчела, увидавъ, что Ноно остановился, вернулась и еще сильнѣе зажужжала около него. Ноно снова пустился въ путь. Пчела подлетѣла къ толстому дереву на опушкѣ лѣса, вокругъ вилось много другихъ пчелъ. Онѣ тотчасъ же полетѣли навстрѣчу къ новоприбывшей. Но едва онѣ узнали ее, какъ перемѣнили свое сердитое жужжанье на нѣжное, какъ будто радовались ея возвращенію и ласково упрекали ее за долгое отсутствіе.

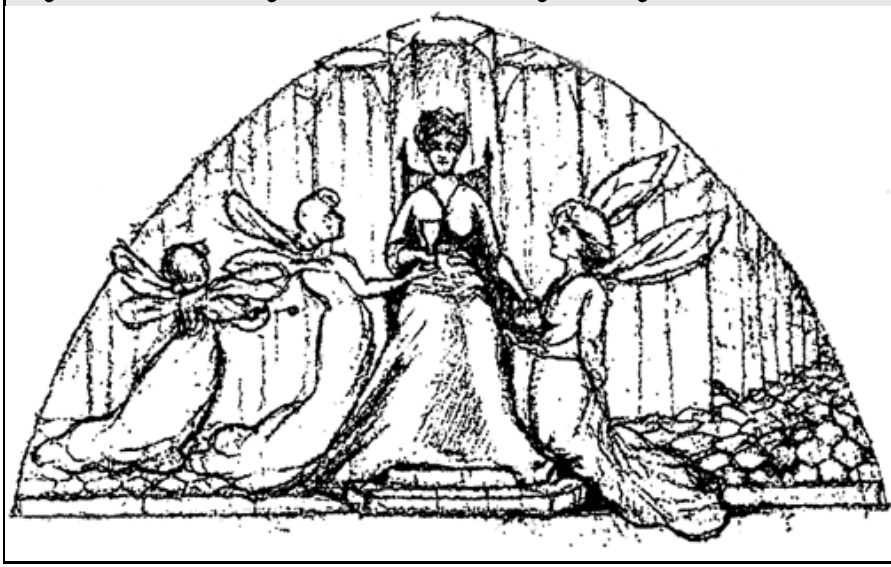
Ноно съ любопытствомъ разсматривалъ пчелъ и слѣдилъ, какъ онѣ, здороваясь, терлись другъ о друга усиками. Когда пчелы всѣ узнали о томъ, что случилось съ пчелкой и какъ ее спасъ Ноно, онѣ стали летать вокругъ Ноно, какъ будто съ любопытствомъ его разсматривая и ничуть не собираясь его ужалить. Но Ноно, хорошо зная, какъ больно кусаютъ пчелы,

предупредительно отступилъ назадъ.

Вдругъ всѣ пчелы направились къ дереву, гдѣ были у нихъ соты. Нѣкоторыя изъ нихъ возвращались къ Ноно и снова летѣли къ улью, какъ бы звали его подойти поближе.

Ноно не хотѣлъ ихъ понять. Онъ хорошо помнилъ разсказы тѣхъ, кто осмѣливался залѣзать въ ульи. Нѣтъ, онъ не хочетъ, чтобы на него набросился цѣлый рой разъяренныхъ насѣкомыхъ. Въ этомъ живомъ потокѣ пчелъ, совершенно одинаковыхъ, — онъ уже болѣе не различалъ той, которую онъ спасъ. Онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, всѣми покинутымъ, что въ отчаяніи опустился на лежавший на землѣ стволъ дерева и со страхомъ спрашивалъ себя, что будетъ съ нимъ дальше?

III
Путешествуя, многому научаешься



Невеселы были размышленія нашего маленькаго друга: въ какой странѣ онъ очутился? Не погибнетъ ли онъ здѣсь съ голоду или онъ, какъ новый Робинзонъ, будетъ принужденъ устроить свою жизнь вдали отъ другихъ людей, одинъ, совершенно одинъ.

Робинзонъ могъ спасти послѣ кораблекрушенія оружіе, припасы, разныя орудія; онъ присталъ къ острову, гдѣ было много плодовъ. Ноно же до сихъ поръ не видалъ никого, кромѣ птицъ, жуковъ, пчелъ, цвѣтовъ, ничего, ничего съѣдобнаго. А изъ орудій и оружія у него былъ одинъ лишь перочинный ножичекъ, которымъ нельзя было ни срубить дерева, ни напилить досокъ, ничего нельзя было сдѣлать.

Погруженный въ свои думы, Ноно не замѣчалъ того, что происходило вокругъ него. Вдругъ громкое жужжаніе вывело его изъ задумчивости: надъ нимъ вилась маленькая пчелка, стараясь жужжаньемъ привлечь его вниманіе.

Къ удивленію Ноно, глухое и неясное жужжаніе пчелки мало-по-малу начало принимать форму рѣчи и становилось понятнымъ:

«…Не грусти, — слышалось ему, — мы тебя не оставимъ. Пойдемъ къ моимъ сестрамъ, я представлю тебя нашей матери, и мы утѣшимъ тебя».

Поднявъ голову, Ноно увидалъ спасенную имъ пчелку. Пчела звала его встать и итти за ней.

И Ноно пошелъ. Пчелка полетѣла къ большому дуплистому дереву. Но чѣмъ ближе подходилъ Ноно, тѣмъ болѣе измѣнялся видъ стараго ствола, какъ будто его заволакивало туманомъ, и вдругъ, когда Ноно былъ отъ него всего въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ увидалъ передъ собой великолѣпный дворецъ съ широкой террасой, на которую вела лѣстница съ мраморными перилами.

Во дворцѣ суетилось множество озабоченныхъ пчелокъ. Однѣ изъ нихъ были заняты провѣтриваніемъ комнатъ дворца, другія размѣщали принесенную съ полей и луговъ добычу, третьи исправляли стѣны дворца или перестраивали его комнаты для какого-то новаго назначенія.

Но что было всего удивительнѣе, это то, что пчелы не были уже болѣе простыми насѣкомыми: по мѣрѣ того, какъ стволъ превращался въ дворецъ, пчелы росли и превращались мало-по-малу въ людей, но за спинами этихъ людей попрежнему оставались прозрачныя крылышки, и они свободно носились по воздуху.

Пчелка, за которой шелъ Ноно, также измѣнилась. Она летѣла, а Ноно вслѣдъ за ней подымался по ступенямъ большой лѣстницы. Во дворцѣ они оба остановились предъ феей, сидѣвшей на роскошномъ креслѣ. Вокругъ феи суетилась толпа пчелъ, — онѣ подкладывали ей подушки, на которыя бы она могла облокотиться, приносили изысканную благоухающую пищу, ароматное питье.

Лицо феи дышало кротостью. Она посмотрѣла привѣтливо на Ноно и сдѣлала ему знакъ приблизиться. Но Ноно не могъ двинуться съ мѣста отъ удивленія.

— Ты боишься меня, дитя мое? — сказала фея нѣжнымъ голосомъ.

Въ семьѣ своей Ноно слыхалъ, что короли и королевы, императоры и императрицы сдѣланы изъ того же самаго тѣста, что и простые смертные, и отъ простыхъ смертныхъ отличаются лишь по платью. Но въ школѣ ему столько наговорили о ихъ удивительныхъ подвигахъ, о ихъ могуществѣ, о томъ, что они вершатъ судьбы народовъ, что Ноно все-таки вообразилъ, что они — существа высшія, необычайныя. А такъ какъ онъ слыхалъ, что у пчелъ есть царица, то онъ ни минуты не усомнился, что онъ предъ лицомъ этой высокой особы.

— О, нѣтъ! сударыня… царица… — поспѣшилъ отвѣтить Ноно.

— Кто тебѣ сказалъ, что я царица? — сказала фея, улыбаясь.

— О, это сейчасъ видно, — отвѣтилъ мальчикъ. И ему сдѣлалось не такъ страшно.

— А! Но почему же это видно?

— Потому что я вижу, какъ всѣ другія пчелы суетятся вокругъ васъ и служатъ вамъ; и еще по золотой коронѣ, которая на вашей головѣ.

— Дитя, — разсмѣялась фея, — ты принимаешь за корону мои волосы, что же касается пчелокъ, которыя суетятся вокругъ меня, то онѣ, — запомни это хорошенько, — не рабыни, не придворныя дамы, не служанки, а преданныя мои дочери. Это онѣ заботятся о своей матери. Онѣ всѣ любятъ меня, ихъ мать.

Ноно смутился; онъ, дѣйствительно, вспомнилъ, что провожавшая его пчелка говорила «наша мать», и онъ оглянулся на своего провожатаго. Пчелка стояла около него и полунасмѣшливо улыбалась. Ноно покраснѣлъ, какъ піонъ, и сказалъ въ свое оправданіе, что это его въ школѣ научили, что пчелами правитъ царица.

— Дитя мое, — сказала фея серьезно, — твой учитель, очевидно, говоритъ о томъ, чего не знаетъ. Люди, изучая жизнь нашихъ ульевъ, судили о нашихъ нравахъ по себѣ. Первый ученый, проникшій тайны нашей жизни, увидалъ, что пчелы особенно заботятся объ одной изъ пчелъ и стараются избавить ее отъ всякаго труда, отъ всякой усталости, и рѣшилъ, что эта пчела существо особенное, важное и такое же безполезное, какъ король у людей; что другія пчелы обязаны ей подчиняться, и что воля ея руководитъ всѣми работами въ ульѣ. Ученый и напечаталъ то, что выдумалъ. Это было слишкомъ похоже на то, что творится у васъ, и всѣ ему повѣрили. Люди, которымъ выгодно, чтобы вы, люди, подчинялись своимъ властямъ, учатъ васъ въ школахъ этой глупой выдумкѣ.

У насъ же идетъ совсѣмъ другая жизнь. Каждая изъ насъ дѣлаетъ то, на что она способна по своей природѣ, а царицы у насъ никакой нѣтъ. Однѣ изъ насъ дѣлаютъ медъ, другія заботятся о дѣтяхъ. Когда того требуютъ нужды улья, онѣ могутъ приняться и за другую работу, но безъ всякаго приказанія, а лишь потому, что сами чувствуютъ, что это нужно для общаго блага.

Что касается меня, то я не царица, а просто мать, обязанная класть яйца, изъ которыхъ выйдутъ новые работники для нашей общины, новыя матери для будущихъ поколѣній; и, если другія пчелы берегутъ и нѣжатъ меня, то это просто потому, что я совершаю трудъ, имъ недоступный, они не могутъ сами нести яичекъ, а я, занятая кладкой яицъ, не могу уже заняться какимъ-либо другимъ дѣломъ.

Ноно слушалъ, пораженный, этотъ урокъ по естественной исторіи.

— Но я задерживаю тебя своими разговорами, а твоя пріятельница напоминаетъ мнѣ, что ты страшно голоденъ, — да и

у меня очень мало свободнаго времени, мнѣ ужъ пора приниматься за дѣло. Садись къ столу, посмотри, что мои дочери приготовили для тебя, и кушай на здоровье.

При этихъ словахъ Ноно почувствовалъ такой голодъ, что глазъ не могъ оторвать отъ стола, уставленнаго сотами меда, красиво разложенными на листьяхъ.

Не заставляя себя просить, Ноно сѣлъ за столъ и попробовалъ меду. Въ восковой чашѣ, нарочно слѣпленной для него пчелами, былъ налитъ сокъ цвѣтовъ. Ноно съ наслажденіемъ запивалъ чуднымъ сокомъ душистый, сладкій медъ. Онъ уже порядочно поѣлъ меду и выпилъ изъ чашечки цвѣточнаго сока; голодъ началъ проходить, и Ноно почувствовалъ, что медъ и сокъ цвѣтовъ слишкомъ сладки.

Пока Ноно ѣлъ, улей, пчелы — все незамѣтно исчезло, а вдали раздалось странное шуршаніе, — оно доносилось изъ лѣса. Тамъ что-то блестѣло и отливало золотомъ на солнцѣ, и это что-то приближалось къ Ноно. Больше мальчикъ ничего не могъ различить. Вотъ «блестящее» приближается, и, наконецъ, Ноно различилъ гулъ какихъ-то живыхъ существъ. Ноно вообразилъ, что къ нему приближается войско рыцарей. Онъ уже ясно различалъ воиновъ въ золотыхъ доспѣхахъ, въ каскахъ, украшенныхъ рогами и перьями, съ блестящими на солнцѣ изумрудными щитами. Онъ думалъ, что воины казались ему такими маленькими лишь потому, что были слишкомъ далеко.

Но когда «блестящее» приблизилось, Ноно долженъ былъ сознаться, что и на этотъ разъ онъ ошибся. Передъ нимъ были просто жуки бронзовки.

Приблизившись къ Ноно, они стали на заднія ножки, такъ что видно стало лишь ихъ черное брюшко.

Двенадцать жучковъ шли попарно и несли каждый на плечѣ по срѣзанной въ ближайшихъ кустахъ вѣточкѣ, такъ что у нихъ вышли носилки. На носилкахъ лежалъ большой листъ, края листа были собраны и сколоты колючками такъ, что изъ листа вышла корзиночка. Корзиночка была наполнена душистой и сочной лѣсной земляникой и малиной.

За носилками шла группа бронзовокъ. Дальше шли носильщики и опять бронзовки. Свободныя бронзовки смѣняли поочередно уставшихъ носильщиковъ.

Жучки торжественно приближались къ Ноно. А онъ сидѣлъ на старомъ пнѣ, въ который превратился его стулъ.

Когда шествіе подошло совсѣмъ близко, бронзовки выстроились въ полукругъ, носильщики встали нѣсколько впереди.

Одинъ изъ нихъ взобрался на колѣни къ Ноно, отвѣсилъ ему

поклонъ, сталъ на переднія ножки и, поднявъ свое тѣльце кверху, сталъ задними ножками тереть свои надкрылья. Раздались странные звуки. Ноно они очень понравились, потому что онъ понималъ ихъ.

— Дитя, я тотъ, кому ты помогъ въ опасности. Самъ того не понимая, ты исполнилъ тотъ великій законъ, благодаря которому все живо въ мірѣ, — законъ единенія, законъ взаимопомощи. Въ природѣ всѣ существа помогаютъ другъ другу. Мы не можемъ, какъ пчелы, угостить тебя плодами нашего труда; но вотъ здѣсь собрали мы для тебя малину и землянику. Надѣюсь, онѣ тебѣ понравятся.

Онъ далъ знакъ, и носильщики сложили свои ноши у ногъ Ноно.

Я вижу, вы недовѣрчиво улыбаетесь, юные читатели. Вамъ смѣшно, что мой жучокъ, говоря благодарственную рѣчь, всталъ вверхъ ногами?

Но, милые мои, пчела-мать ужъ указала намъ, чтобы мы ни о чемъ не судили по себѣ. Очень можетъ быть, что если бъ люди, произносящіе благодарственныя, ученыя, политическія и другія рѣчи, стояли въ это время вверхъ ногами, — это было бы лучше: можетъ-быть, тогда въ ихъ головахъ оказалось бы больше разумныхъ, глубокихъ мыслей, а то теперь, должно быть, всѣ разумныя мысли, какъ наиболѣе тяжелыя, лежатъ въ ихъ ногахъ, а въ голову попадаютъ лишь самыя легковѣсныя, легкомысленныя.

При видѣ вкусныхъ ягодъ — слюнки потекли у Ноно.

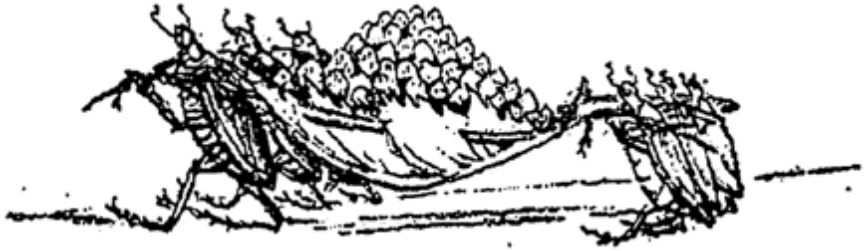
— Госпожа бронзовка, вы и ваши товарки слишкомъ добры, — сказалъ онъ, — я съ большимъ удовольствіемъ съѣмъ вашу землянику. Она удивительно хороша. Но, право же, я не заслуживаю вашего подарка. Мнѣ совѣстно, что вы столько работали для меня!

— О! — возразила бронзовка, — твоя услуга невелика, если цѣнить услуги по тому, трудно ли было услужить. Но я тебѣ обязана жизнью, это для меня имѣетъ большую цѣну. Важно то, какъ оказана услуга. Въ нихъ цѣнится готовность, съ которой онѣ сдѣланы. Прими же эти плоды отъ чистаго сердца, какъ мы ихъ тебѣ предлагаемъ.

И бронзовка вмѣсто поклона пошевелила усиками, расправила крылышки и слетѣла съ колѣнъ Ноно.

— Въ такомъ случаѣ спасибо, — сказалъ Ноно. Онъ нагнулся, взялъ одну изъ корзиночекъ, быстро, въ два пріема, съѣлъ ягоды и принялся за вторую, а бронзовки улетѣли въ лѣсъ.

Ноно съ грустью посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, ему казалось, что его покидаютъ его старые друзья.



IV
Въ странѣ Автономіи [1]

Солнце продолжало свой путь. Стоило нашему одинокому путнику отдаться горю, и ночь застигла бы его въ дорогѣ. Ему надо было призвать на помощь всю свою энергію и поскорѣй итти впередъ.

Ноно рѣшительно встряхнулъ головой, какъ будто хотѣлъ отогнать неотвязныя мысли, и всталъ, чтобы завязать въ носовой платокъ двѣ оставшихся корзиночки съ ягодами. Но только Ноно собрался итти, какъ увидалъ предъ собой высокую, красивую женщину.

Ноно, смущенный, съ изумленіемъ глядѣлъ на нее.

— Ты смѣлъ, дитя мое, — мнѣ это нравится! Теперь я хочу тебѣ объяснить, что съ тобой случилось.

Тебѣ хотѣлось имѣть книжку сказокъ, а я хотѣла доставить тебѣ удовольствіе самому пожить въ сказочной странѣ.

Я незамѣтно для тебя разлучила тебя съ твоими родителями. Они знаютъ, куда я тебя повела, и будутъ знать все, что ты будешь видѣть и дѣлать. Что съ тобой случится и что ты увидишь — это будетъ зависѣть отъ тебя самого. Смотря по тому, какъ ты будешь поступать, такъ жизнь въ сказочной странѣ будетъ отзываться на тебѣ.

— Госпожа фея, я обѣщаю вамъ, что буду послушенъ, — сказалъ смущенно Ноно.

— Послушнымъ! Этого требуютъ отъ людей въ томъ мірѣ, изъ котораго ты пришелъ. Здѣсь же прежде всего нужно быть самимъ собою, быть искреннимъ, правдивымъ, всегда говорить то, что думаешь, всегда поступать такъ, какъ думаешь, никогда не дѣлать своимъ товарищамъ того, чего бы ты не желалъ, чтобы они дѣлали тебѣ, быть съ ними всегда такимъ, какимъ бы ты желалъ,

чтобы они были съ тобой, — все остальное устроится само собой. Можетъ-быть, ты меня не совсѣмъ понимаешь? Но помни, если ты по непониманію, а не отъ злого сердца ошибешься, я буду съ тобой и помогу тебѣ. Не бойся же, пойдемъ, я отведу тебя къ товарищамъ, они лучше меня научатъ тебя быть тѣмъ, чѣмъ надо.

Ноно увидалъ прекрасную колесницу, запряженную шестью аистами.

По знаку феи, онъ, нѣмой отъ восторга, сѣлъ рядомъ съ нею въ колесницу, и аисты, взмахнувъ крыльями, понеслись по воздуху. Ноно видѣлъ, какъ мало-по-малу терялись вдали подъ нимъ лѣса, луга, рѣки. Онъ несся надъ ними все выше и выше, и лѣса становились все меньше и меньше, пока зеленая листва ихъ не слилась съ зеленымъ бархатомъ луговъ.

Пролетѣвъ нѣсколько минутъ, аисты стали спускаться; Ноно различилъ сначала пригорки, рѣки, потомъ деревья и, наконецъ, показавшійся ему вначалѣ игрушечнымъ, домъ, стоявшій среди огромнаго сада съ зелеными лужайками и разноцвѣтными клумбами.

Къ этому-то саду у самаго крыльца великолѣпнаго дворца и спускались аисты.

Какъ только колесница опустилась, множество дѣвочекъ и мальчиковъ не старше двѣнадцати лѣтъ сбѣжались къ колесницѣ и съ радостными криками окружили спутницу Ноно.

— Это Солидарія[2], наша милая Солидарія! — кричали они. — Мы васъ искали и не могли понять, куда вы ушли. Вы исчезли и ничего намъ не сказали.

— Ну, ну! — говорила Солидарія, не успѣвавшая отвѣчать цѣплявшимся за нее шалунамъ. — Если вы будете такъ бросаться ко мнѣ, вы меня съ ногъ свалите. Я готовила вамъ сюрпризъ. Видите, я привезла вамъ новаго товарища. Я разсчитываю на васъ; вы познакомите его съ нашей жизнью и постарайтесь, чтобъ она ему понравилась. А тебѣ, Ноно, вотъ еще одинъ совѣтъ, — прибавила она, наклонившись къ Ноно: — никогда не уходи далеко отъ твоихъ товарищей. Нашъ врагъ Моннайюсъ[3], король Плутократіи[4], посылаетъ въ окружающіе нашу маленькую общину лѣса своихъ тайныхъ агентовъ, которые берутъ въ плѣнъ и уводятъ въ рабство тѣхъ изъ насъ, кто неосторожно отойдетъ далеко отъ другихъ, — и, улыбнувшись еще разъ дѣтямъ, она исчезла.

Дѣти разбрелись въ разныя стороны. Только нѣсколько человѣкъ остались съ Ноно и стали разсматривать его.

— Какъ тебя зовутъ? — спросила, обращаясь къ Ноно, дѣвочка, лѣтъ семи-восьми.

— Ноно, — проговорилъ Ноно, очень смущенный

устремленными на него взглядами.

— Меня зовутъ Мабъ, — продолжала маленькая шалунья, — если хочешь, мы будемъ друзьями; твое лицо мнѣ нравится. Я покажу тебѣ, какъ мы играемъ. Ты увидишь, здѣсь очень весело. Учителей, которые наказываютъ и все время надоѣдаютъ своимъ «тише!» «тише!» здѣсь нѣтъ. Потомъ я тебя познакомлю съ Гансомъ и Бикетъ — это мои друзья, — но у меня много и другихъ товарищей; ты познакомишься со всѣми. Не правда ли, Гансъ, ты будешь другомъ новичку? — сказала дѣвочка.

— Я? Конечно, — отвѣтилъ мальчикъ лѣтъ десяти, — если только онъ хорошій малый. Сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ Гансъ, обращаясь къ Ноно.

— Девять.

— Ты откуда? — спросила Ноно другая дѣвочка.

— Ахъ, эта Саша! Какая она любопытная! — воскликнула Мабъ. — Здѣсь не обращаютъ вниманія на то, откуда кто пришелъ. Были бы только они хорошими товарищами. Пойдемъ лучше играть. — И, схвативъ Ноно за руку, она прибавила: — хочешь, пойдемъ посмотрѣть садъ?

— Да, хочу.

— Ты забыла, что скоро пора собирать фрукты для ужина, — замѣтила ей другая дѣвочка; это и была Бикетъ, о которой говорила Мабъ.

— Ахъ, да! Совсѣмъ забыла. Да ты успѣешь посмотрѣть садъ и завтра. Пойдемъ-ка лучше за корзинками.

И всѣ толпой направились къ лужайкѣ, на которой стоялъ высокій и крепкій съ виду человѣкъ. Рукава были засучены на его мускулистыхъ рукахъ, обрамленное черной шелковистой бородой лицо дышало силой и энергіей, глаза были кроткіе и ясные.

Окруженный дѣтьми, онъ раздавалъ имъ корзинки. Дѣти прыгали около него и кричали: «Мнѣ! Мнѣ, Ляборъ!»[5]

— А Солидаріи некому, значитъ, будетъ сегодня помогать? — сказалъ Ляборъ, улыбаясь и показывая на молодую женщину, стоявшую рядомъ.

— Мы были съ ней сегодня утромъ, — отвѣтило нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ.

— О, я съ удовольствіемъ пойду съ ней! — сказала Бикетъ.

— И я, и я тоже! — отозвалось еще нѣсколько человѣкъ и, взявъ маленькія ведра, которыя протягивала имъ Солидарія, они пошли съ ней къ строенію на другомъ концѣ лужайки.

Ноно молча стоялъ около Мабъ и Ганса, оставшихся съ Ляборомъ.

— Бери же корзинку, — сказалъ Гансъ, подталкивая Ноно локтемъ. — Ляборъ, дайте корзинку новичку!

— А, это тебя Солидарія взяла подъ свое покровительство, — сказалъ Ляборъ. — Подойди-ка сюда, мальчикъ. Ты, какъ я вижу, ужъ нашелъ себѣ друзей. Понравится ли тебѣ здѣсь, какъ ты думаешь?

— Я думаю, что да, — отвѣтилъ Ноно, беря корзинку и серпикъ, которые протягивалъ ему Ляборъ.

— И я увѣренъ въ этомъ. Иди же съ товарищами, они покажутъ тебѣ, что надо дѣлать.

Когда раздача корзинъ была закончена, дѣти раздѣлились на группы и разсыпались по фруктовому саду.

— Пойдемъ, — сказала Саша, — тѣ, другіе, ужъ ушли съ Либерта[6] доить коровъ. Я тоже очень люблю молоко, но мнѣ не нравится сидѣть передъ коровами; я всегда боюсь, чтобы онѣ меня не лягнули. Лазать на деревья гораздо интереснѣе.

— О, а я, — перебилъ ее Гансъ, — я очень люблю работать на скотномъ дворѣ; я люблю коровъ, — онѣ никогда не бодаются; онѣ такія добрыя и спокойныя; но я ужъ былъ тамъ сегодня утромъ. А теперь хочется дѣлать что-нибудь другое.

Къ кучкѣ дѣтей, гдѣ были Ноно, Гансъ и Саша, присоединилось еще нѣсколько дѣтей.

— Что мы будемъ собирать? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я не знаю. Ты что больше любишь? — спросилъ Гансъ, обращаясь къ Ноно. — Видишь, здѣсь есть виноградъ, персики, груши, сливы, бананы, ананасы, смородина, земляника. Выбирай.

И онъ указалъ Ноно на огромный плодовый садъ. Здѣсь были собраны фруктовыя деревья со всего земного шара, здѣсь постоянно можно было найти спѣлые плоды всѣхъ временъ года; одни деревья одной и той же породы еще только цвѣли, на другихъ уже висѣли зрѣлые и сочные плоды.

Дѣти остановились у вишневаго дерева съ великолѣпными крупными и сочными ягодами.

— О, вишни, какъ я давно ихъ не ѣлъ! — воскликнулъ Ноно.

— Ну, такъ полѣзай, я тебѣ помогу, становись на меня. — И, прислонившись къ дереву, Гансъ скрестилъ руки, дѣлая знакъ Ноно, чтобы онъ оперся на нихъ ногой и лѣзъ дальше на его плечи.

Но — увы! — и теперь, стоя на плечахъ Ганса, Ноно былъ еще слишкомъ малъ, чтобъ ухватиться за самыя нижнія вѣтки. Выросшій въ городѣ, онъ совсѣмъ не умѣлъ лазать на деревья.

— Вотъ какъ, смотри, — сказалъ одинъ изъ дѣтей. — Вотъ какъ надо дѣлать.

И, обхвативъ дерево руками, онъ полѣзъ, какъ обезьяна, и вскорѣ усѣлся между двумя вѣтками, откуда немедленно посыпался цѣлый дождь вишенъ въ фартукъ дѣвочки, которую звали Пепе[7], потому что она никогда не разставалась со своей куклой.

Ноно съ завистью смотрѣлъ на мальчика, забравшагося на дерево.

— Погоди, — сказалъ Гансъ, — я сейчасъ приду. — Онъ побѣжалъ къ сараю, вынесъ оттуда легкую лѣсенку и приставилъ ее къ стволу дерева. — Теперь и ты можешь взобраться къ Санди.

— Но развѣ ты любишь только вишни? Пробовалъ ты когда-нибудь бананы, ананасы?

— Нѣтъ, я никогда ихъ не видалъ, — отвѣчалъ Ноно, ужъ съ полнымъ ртомъ вишенъ.

— Ну, такъ я нарву тебѣ ихъ къ ужину.

А Мабъ занялась чудными гроздьями смородины, густые кусты которой росли неподалеку отъ вишневаго дерева.

— Не правда ли, — сказалъ Санди, — какъ весело самому срывать свой обѣдъ?

— Да, это пріятно, — отвѣтилъ Ноно, отправляя сорванныя вишни болѣе въ ротъ, чѣмъ въ корзинку. Но такъ какъ вѣтви дерева гнулись отъ множества плодовъ, то онъ смогъ и вполнѣ удовлетворить свою жадность, и наполнить, кромѣ своей корзины, еще и корзинку Санди, который ужъ давно спустился, вспомнивъ, что нужно еще нарвать листьевъ, чтобы украсить плоды на столѣ. Онъ оставилъ свою корзинку Ноно и отправился выбирать самые красивые листья.

Такъ какъ Ноно замѣшкался, срывая то здѣсь, то тамъ по ягодкѣ, то Мабъ, уже окончившая свою работу, взяла его за руку и потащила къ тому мѣсту, гдѣ Ноно видѣлъ Лябора и куда теперь дѣти сносили собранные ими плоды.

Никто, кромѣ Санди, не позаботился о листьяхъ, а потому всѣ были очень рады, когда онъ принесъ цѣлую охапку красивыхъ листьевъ. Скоро корзины были украшены, и дѣти направились къ замку, который Ноно видѣлъ лишь мелькомъ при выходѣ изъ колесницы.

Тото, Мабъ, Бикетъ и Саша, взявшіе Ноно подъ свое покровительство, шли рядомъ съ нимъ.

Ноно удивлялся, что всѣ они были предоставлены самимъ себѣ; Солидарія, Либерта, Ляборъ только изрѣдка появлялись, такъ что Ноно едва успѣлъ ихъ разсмотрѣть.

— Это тебя удивляетъ, — сказалъ ему Гансъ. — У насъ каждый день такъ. Мы видимъ ихъ лишь тогда, когда они намъ нужны. Тогда нечего ихъ искать. Они тотчасъ появляются, какъ будто угадываютъ, что намъ нужна ихъ помощь.

— А какъ же васъ наказываютъ, когда вы провинитесь? Кто васъ наказываетъ?

— Никто, — отвѣчала Мабъ. — Какъ можно провиниться, когда никто не ходитъ за тобой по пятамъ, чтобы мѣшать дѣлать, что хочешь, и заставлять дѣлать то, чего совсѣмъ не хочется.

— Да, но кто же смотритъ за садомъ, за деревьями, коровами?

— Мы же! Ты увидишь, это очень интересно, — копать, поливать, сѣять, — особенно когда знаешь, что, если нужно, Ляборъ всегда готовъ помочь. Но вѣдь ты остаешься с нами и успѣешь самъ увидать все это. Вотъ мы и пришли.

V
Жадность наказана

Дворецъ, къ которому направились дѣти, возвышался среди широкой, усыпанной пескомъ, площадки. Площадка была обсажена тѣнистыми деревьями.

Подъ этими деревьями тѣ изъ дѣтей, которыя не были заняты ни сборомъ плодовъ, ни дойкой, расставили въ тѣни большіе столы. На этотъ разъ въ честь новоприбывшаго столы соединили всѣ вмѣстѣ, приставивъ ихъ одинъ къ другому (обыкновенно каждый столъ стоялъ отдѣльно), накрыли ихъ чистыми скатертями и разставили на нихъ блюда и тарелки.

Дѣти подходили и раскладывали свои фрукты въ вазы. Тутъ были и яблоки, и персики, и виноградъ, и абрикосы, и масса другихъ, для Ноно совершенно неизвѣстныхъ плодовъ. Цвѣты въ красивыхъ сосудахъ очень украшали столы.

Другія дѣти переливали густое со сливками молоко въ красивые глиняные горшочки.

Когда весь маленькій людъ собрался и все принесенное ими было размѣщено на столахъ, каждый выбралъ себѣ мѣсто по вкусу, рядомъ съ тѣмъ изъ товарищей, который его привлекалъ всего больше. Ноно сѣлъ между своими новыми друзьями; они ему называли сидѣвшихъ по сосѣдству: напротивъ нихъ сидѣли Гретхенъ, Фрицъ, Лола, Винни, Бенно, Патъ, Стелла. Казалось, тутъ были образцы именъ всѣхъ странъ. И дѣйствительно, среди бѣлыхъ, розовыхъ мордочекъ виднѣлись и черныя рожицы негровъ и съ узкими глазками желтыя лица китайцевъ и японцевъ.

Всѣ смѣялись, болтали, ничуть не занимались тѣмъ, кто и изъ какой страны пришелъ.

Дѣти передавали одинъ другому вазы съ яствами и фруктами и каждый выбиралъ себѣ по своему вкусу; одни брали всего

понемногу, другіе набрасывались на что-нибудь одно, то, что въ эту минуту имъ особенно нравилось. Все дѣлалось весело и дружно, потому что и самые ненасытные знали, что всѣмъ всего хватаетъ.

— Подожди, я тебѣ положу, — сказала Мабъ, беря вазу съ фруктами, — что ты больше любишь? Персики, виноградъ?

— Нѣтъ, — перебилъ ее Гансъ, — я сорвалъ для него банановъ.

И каждый клалъ на тарелку Ноно свои любимые фрукты.

— Я съ удовольствіемъ отвѣдаю всего, — сказалъ Ноно и принялся снимать кожу съ банана, какъ его научилъ Гансъ.

Но едва отвѣдавъ банана, онъ долженъ былъ остановиться.

— Тебѣ не нравится, — спросилъ его Гансъ, нѣсколько разочарованный, такъ какъ онъ ожидалъ, что Ноно придетъ въ восторгъ отъ его любимыхъ плодовъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Ноно, — это недурно, но, кажется, виноградъ вкуснѣе, — и онъ взялъ въ ротъ нѣсколько ягодъ отъ кисти, которую Мабъ положила на его тарелку, но тотчасъ же онъ положилъ кисть винограда обратно на тарелку, отодвинулъ ее отъ себя и сталъ печально смотрѣть на вазы со всевозможными вкусными плодами, которыми, казалось ему до начала ѣды, онъ никогда не сможетъ насытиться и которые теперь переполненный желудокъ его отказывался принимать.

— Ну, что же? Что съ тобой? — воскликнули сидѣвшіе рядомъ съ нимъ Мабъ и Гансъ, увидѣвъ, что онъ пересталъ ѣсть и отодвинулъ тарелку.

— Я не голоденъ, — отвѣтилъ онъ тономъ, который не могъ бы быть печальнѣе, если бъ приходилось сообщать о смерти цѣлой половины семьи.

— Какъ! Ты не голоденъ? — воскликнула Мабъ. — Такіе вкусные фрукты!

Ноно покачалъ головой.

— Ты, значитъ, нездоровъ, — сказалъ Гансъ.

— Ты чѣмъ-нибудь огорченъ? — прибавила Мабъ.

Бикетъ и Саша встали и подошли къ Ноно, внимательно разсматривая его.

Тогда Ноно, смущенный и сконфуженный, долженъ былъ признаться, что, наѣвшись меду, малины и земляники, которыми угостили его пчелы и жуки, онъ затѣмъ съѣлъ еще много вишенъ. Его желудокъ отказывался теперь принимать еще что-нибудь.

— Выпей немного молока, — сказала Саша, — тебѣ непремѣнно надо выпить теперь молока, потомъ ты съѣшь хоть этотъ чудный персикъ.

Ноно попробовалъ проглотилъ нѣсколько глотковъ молока,

но и молоко было ему противно.

Ему пришлось разсказать товарищамъ свои приключенія съ пчелами и жуками, такъ какъ упоминаніе объ угощеніи въ лѣсу возбудило ихъ любопытство.

Насытившись, всѣ принялись убирать со стола: скатерти отнесли въ бѣльевую, посуду въ кухню, гдѣ изобрѣтенныя Ляборомъ машины мыли и перетирали тарелки, которыя затѣмъ оставалось лишь разставить въ буфеты. Столы и стулья были размѣщены подъ навѣсами.

Когда все было въ порядкѣ, дѣти разсыпались по саду, обсуждая, чѣмъ имъ теперь заняться. Большинству дѣвочекъ хотѣлось играть въ «мамы» или «учительницу» — въ воспоминаніе тѣхъ игръ, въ какія онѣ играли дома, — мальчики же хотѣли играть въ чехарду и въ пятнашки. Дѣти посудили, порядили и разбились на кучки, смотря по тому, кто во что хотѣлъ играть.

Дѣти переходили изъ одной кучки играющихъ въ другую, если игра имъ надоѣдала и хотѣлось поиграть иначе. Въ одномъ мѣстѣ нѣсколько мальчиковъ увлеклись игрой въ куклы. А тамъ дѣвочки, изъ наиболѣе шустрыхъ, обернули свои юбки вокругъ ногъ и весело прыгали въ чехарду.

Незамѣтно группы смѣшивались и разбивались, чтобъ начать играть въ жмурки, въ прятки, въ «птицы летятъ» и въ разныя другія игры.

Ноно, начавшій съ игры въ пятнашки съ Гансомъ, Мабъ, Бикетъ и Сашей, очутился затѣмъ въ группѣ дѣтей, игравшихъ въ жмурки; ихъ было человѣкъ двадцать, мальчиковъ и дѣвочекъ, и среди нихъ Ноно уже насчитывалъ съ полдюжины друзей: Гретхенъ, Мэй, Патъ, Беппо, Коралли, хорошенькая, маленькая мулатка, и Дуду, коренастый, темный сингалезецъ.

Мабъ и Гансъ усердно отгадывали вмѣстѣ съ другими загадки, которыя загадывали всѣ по очереди.

Кто усталъ, садился на крыльцо и, растянувшись на ступенькахъ, слѣдилъ за игрой товарищей.

Солнце уже скрылось и медленно сгущалась темнота, но вечеръ былъ тихій и теплый; въ небѣ одна за другой зажигались звѣзды, голоса играющихъ постепенно замолкали.

Солидарія появилась на верхнихъ ступенькахъ крыльца и

крикнула:

— Сюрпризъ на сегодня: группа гимнастовъ предлагаетъ дать вамъ вечеромъ представленіе. Надо приготовить имъ хорошій пріемъ. Гдѣ вы хотите, чтобы было представленіе, — въ театральной залѣ или на дворѣ?

— На дворѣ! На дворѣ! — закричали дѣти, — вечеръ такой чудный!

— Ну, такъ за работу! Вотъ и Ляборъ, — онъ вамъ поможетъ.

И дѣти въ восторгѣ хлопали въ ладоши и прыгали отъ радости.

VI
Конецъ вечера

Дѣти побѣжали въ сарай, гдѣ хранились орудія и инструменты, вытащили оттуда при помощи Лябора столбы и брезенты и отнесли ихъ на площадь.

Тутъ они соорудили огромную четырехугольную палатку, какъ разъ передъ ступенями крыльца, на которыхъ и должны были размѣститься зрители.

Ноно съ восторгомъ слѣдилъ за сновавшими взадъ и впередъ дѣтьми. Ляборъ при ихъ помощи подымалъ и устанавливалъ тяжелые столбы, какъ будто бы они были не тяжелѣе тростинокъ, натягивалъ и скрѣплялъ полотно палатокъ.

Въ самое короткое время былъ устроенъ зрительный залъ съ трапеціями, кольцами и неподвижными брусьями. Освѣщеніе зала взяла на себя Электрисія[8], другая сотрудница Лябора, и выполнила это блестяще. Огромныя лампы лили съ высоты голубоватый, подобно лунному, свѣтъ. Было свѣтло, какъ среди бѣла-дня.

— Ну, вотъ хорошо, — сказалъ Ляборъ, удостовѣрившись въ крѣпости брусьевъ и трапецій. — Наши артисты могутъ приходить, — мы готовы ихъ принять.

— А вотъ и угощеніе, которое мы имъ приготовили, — сказала Солидарія, приподнимая портьеру, скрывавшую входъ въ другую палатку.

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ, будемъ занимать мѣста, — сказалъ Ляборъ.

— Электрисія можетъ дать знать артистамъ, что залъ для нихъ готовъ, — добавила Солидарія.

И въ сопровожденіи дѣтей они направились къ крыльцу и размѣстились на лѣстницѣ, какъ кто хотѣлъ.

Когда всѣ сѣли и водворилась тишина, раздались звуки невидимаго оркестра. Играли тоже дѣти.

Едва отзвучали послѣднія ноты, какъ на сценѣ появились артисты.

Ихъ было пять. Четверо изъ нихъ были одѣты огромными зеленовато-желтыми лягушками. Пятый мальчикъ нарядился яблокомъ.

Они встали всѣ въ рядъ, лицомъ къ крыльцу, и отвѣсили зрителямъ поклонъ, раскрывая огромные рты и большіе глупые глаза. Это очень насмѣшило зрителей.

Потомъ лягушки начали сначала на кольцахъ, затѣмъ на трапеціяхъ дѣлать свои упражненія. Онѣ были очень ловки, граціозны и смѣлы. Маленькое яблочко повторяло тѣ же упражненія, но такъ смѣшно, что дѣти хохотали до слезъ.

Послѣ всякихъ кувырканій, прыжковъ и качаній артисты снова выстроились въ рядъ и поклонились зрителямъ, а зрители въ восторгѣ хлопали въ ладоши.

Съ артистовъ спали костюмы, и зрители узнали въ нихъ своихъ товарищей. Аплодисменты удвоились.

Маленькіе артисты пошли въ приготовленный имъ залъ; представленіе окончилось.

Ноно вытаращилъ глаза отъ восхищенія. — Ты видѣлъ, — говорилъ онъ Гансу, — какой смѣшной этотъ маленькій. Какъ его зовутъ?

— Это Ахмедъ, — отвѣчалъ Гансъ, восхищенный не менѣе Ноно. — А ты видѣлъ большого? Какъ онъ висѣлъ головой внизъ, держась носками за лѣстницу?

Всѣ дѣти были въ восторгѣ и наперебой разсказывали другъ другу, что кому больше понравилось.

— Ну, ну, хорошо, — сказала, появляясь на крыльцѣ, Аморита[9], другая сестра Солидаріи, — теперь скоро пора и спать; глазки у васъ совсѣмъ ужъ сонные, но подождите, я разскажу вамъ о вашихъ родителяхъ, — я обѣщала вамъ каждый вечеръ разсказывать о нихъ.

Тѣмъ временемъ Ляборъ установилъ сзади дѣтей волшебный фонарь и натянулъ въ глубинѣ палатки большое бѣлое полотно; вдругъ стало совсѣмъ темно, и снопъ свѣта изъ аппарата очертилъ огромный кругъ на бѣломъ полотнѣ.

Ноно съ тревогой думалъ о томъ, узнаетъ ли онъ, новичокъ, что-нибудь о своей семьѣ?

Устремивъ глаза на свѣтлый кругъ, онъ сначала увидалъ лишь легкій колеблющійся туманъ. Туманъ то рѣдѣлъ, то сгущался и образовалъ, наконецъ, отчетливую картину, которую Ноно тотчасъ узналъ.

Это была ихъ столовая; дверь въ другую комнату была полуоткрыта, и тамъ старшій братъ Ноно собирался ложиться

спать. Въ столовой отецъ, сидя за столомъ, читалъ газету; сестренка Сандрина сидѣла около отца и готовила уроки; мать на другомъ концѣ стола чинила какую-то куртку.

На стукъ въ дверь она подняла голову, встала и пошла отпереть; это привратница принесла письмо. Ей очень хотѣлось поболтать, но родителей повидимому сильно интересовало содержаніе письма, и они не поддержали разговора. Какъ только привратница ушла, мать разорвала конвертъ и прочла вслухъ. Это Солидарія писала о томъ, что за это время было съ Ноно.

Сандрина съ большимъ вниманіемъ слушала письмо. Когда мать кончила, Сандрина сказала, что и она хотѣла бы пожить въ такой удивительной странѣ, гдѣ сейчасъ Ноно.

Тити сказалъ, что онъ очень бы хотѣлъ найти такую страну, гдѣ можно было бы жить, не запираясь на двѣнадцать часовъ въ сутки въ мастерской.

Тутъ изображеніе сгладилось, свѣтлый кругъ сузился, потускнѣлъ и наконецъ исчезъ. Свѣтъ снова залилъ залу.

— Ахъ, — сказалъ Ноно, обращаясь къ Мабъ, — ты видѣла папу и маму?

— Да, и сестру Мей, — она играетъ съ Пусси, нашей киской, черной съ бѣлымъ.

— Да нѣтъ же, я говорю о моемъ отцѣ и о моей матери.

— Ахъ, я забыла, — сказала Мабъ смѣясь. — Я не знаю, какъ это дѣлается, — но изображеніе на полотнѣ только одно, а каждый изъ насъ видитъ въ немъ тѣхъ, которыхъ онъ любить и ничего больше.

— Да, вотъ это совсѣмъ особенный волшебный фонарь; ты видѣла своихъ родителей, я видѣлъ своихъ, Мабъ — своихъ, и каждый изъ насъ видитъ лишь тѣхъ, кто ему дорогъ.

Ноно не могъ прійти въ себя отъ удивленія, но, привыкнувъ за этотъ день видѣть самыя удивительныя вещи, онъ, если не потерялъ способности удивляться, то уже началъ привыкать ко всему самому необычайному.

Маленькіе жители Автономіи поднялись по ступенькамъ крыльца; Ноно шелъ слѣдомъ за товарищами; они очутились на площадкѣ со многими дверями и нѣсколькими лѣстницами, ведущими въ верхніе этажи.

— Пойдемъ, — сказалъ Гансъ, — наши комнаты въ первомъ этажѣ. Рядомъ съ моей есть еще одна свободная комната, — ты можешь ее занять.

Толпа дѣтей разсыпалась по лѣстницамъ. Гансъ, Ноно, Мабъ, Бикетъ поднялись по ступенькамъ своей лѣстницы.

— Ты видишь, — сказалъ Гансъ, входя въ комнату и повертывая кнопку (комната озарилась яркимъ электрическимъ

свѣтомъ), — здѣсь ты можешь хорошо устроиться. Моя комната рядомъ, комната Мабъ напротивъ, Саши и Бикетъ дальше, но по тому же коридору.

Комната, гдѣ они стояли, была довольно просторная и освѣщалась днемъ большимъ окномъ, выходившимъ въ садъ; у стѣны стояла маленькая кровать съ ослѣпительной бѣлизны простынями. Въ углу стоялъ умывальный столъ, по другой стѣнѣ стояли шкафъ и два стула.

— Вотъ, — говорила Мабъ, входя съ тремя или четырьмя книгами, за которыми она заходила въ свою комнату, — мы забыли пройти въ библіотеку; но если ты захочешь почитать передъ сномъ, ты можешь выбрать что-нибудь изъ этихъ томиковъ.

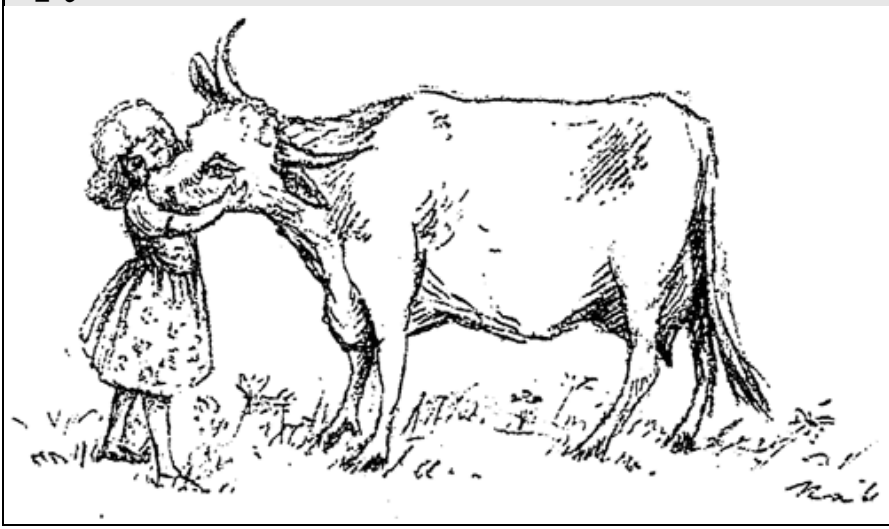
А Гансъ, указывая ему кружку молока на столикѣ у постели, прибавилъ:

— Вотъ, если тебѣ захочется пить передъ сномъ.

— Если свѣтъ тебѣ будетъ мѣшать, — добавилъ Дикъ, вошедшій за другими, — ты повернешь эту кнопку.

Ноно былъ порядкомъ утомленъ новыми впечатлѣніями. Онъ поблагодарилъ товарищей, пожелалъ имъ спокойной ночи, и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Тишина настала въ замкѣ.

VII
Трудъ въ Автономіи



Было совсѣмъ уже свѣтло, когда на другой день Ноно былъ разбуженъ цѣлой толпой дѣтей, наполнившихъ его комнатку.

— У, лѣнтяй! — говорила Мабъ. — Онъ спитъ еще, а солнце слѣпитъ его. У! У!

— Ну, вставай! — сказалъ Гансъ. — Мы пришли за тобой. Пора итти работать въ саду.

— Нѣтъ, — перебила его Мабъ, — онъ обѣщалъ мнѣ еще вчера пойти со мной помогать доить коровъ, я его беру съ собой.

Ноно поспѣшно всталъ, мигомъ одѣлся. Въ это время мальчики уже успѣли стащить одѣяла и простыни съ постели, повернули матрацъ и оправили постель, а дѣвочки подмели комнату, вытерли пыль и все привели въ порядокъ.

Когда все было кончено, дѣти потащили Ноно внизъ, гдѣ, въ подвальномъ этажѣ устроена была ванная. Два обширныхъ бассейна занимали большую часть комнаты. Въ одномъ была холодная вода, въ другомъ тепловатая для зябкихъ. По стѣнамъ ванной были устроены приспособленія для всевозможныхъ душей. Раздѣться и броситься въ воду было для маленькихъ шалуновъ дѣломъ одной минуты.

Обсушившись и одѣвшись, всѣ перешли въ большую комнату, гдѣ была столовая. Тутъ дѣти завтракали: одни пили горячее молоко, другіе — какао, третьи — кофе. Бикетъ побѣжала въ кухню, вернулась оттуда съ полнымъ кувшиномъ шоколада и налила большую чашку Ноно.

— Вотъ, — сказала она, — мы его нарочно приготовили для тебя.

— А вотъ лепешки съ масломъ, — сказала Саша, старательно намазывая масломъ горячую лепешку. — Попробуй, какія вкусныя!

Ноно поблагодарилъ своихъ друзей и съ аппетитомъ принялся за завтракъ; то же сдѣлали и другіе.

Наѣвшись, всѣ разбрелись въ разныя стороны. Мабъ потащила Ноно къ хлѣву.

Но они опоздали, — коровы ушли на пастбище.

Проходя черезъ хлѣвъ, Мабъ обратила вниманіе Ноно на порядокъ и чистоту въ хлѣвѣ, совершенно непохожемъ на тѣ хлѣва, которые они видали въ деревняхъ, — темные, грязные, дурно пахнущіе, съ навозомъ вмѣсто соломы.

Здѣсь же не было ничего подобнаго. Просторное, хорошо освѣщенное помѣщеніе съ поломъ, выложеннымъ крупными гладкими плитами, съ легкимъ уклономъ въ одну сторону и съ выводными канавами для стока жидкости.

Крѣпкія дощатыя перегородки раздѣляли хлѣвъ на просторныя стойла, отдѣльныя для каждой коровы. Въ стойлахъ было уже положено свѣжее сѣно въ ясляхъ и разостлана на полу свѣжая солома. Въ каждомъ стойлѣ была придѣлана красивая мраморная дощечка съ именемъ коровы, которая здѣсь стояла.

— Видишь, какъ имъ здѣсь хорошо, — замѣтила Мабъ. — Вотъ здѣсь стоитъ моя любимица, — я всегда забочусь о ней; ее зовутъ Бѣлянка. Ну, теперь пойдемъ къ нимъ на лугъ.

Они вышли изъ хлѣва и очутились на обширномъ лугу, на которомъ паслись коровы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ доили маленькіе жители Автономіи.

— Вотъ моя Бѣлянка, — сказала Мабъ, подбѣгая къ одной изъ коровъ, которая, завидя свою хозяйку, радостно замычала. Мабъ обняла ее за шею и поцѣловала въ морду. — Посмотри, какая она чистая. Мы съ ней большіе друзья. Она знаетъ, что я приношу ей лакомства. — И, говоря это, Мабъ вынула изъ кармана немного соли. Корова слизала ее съ большим удовольствіемъ.

Потомъ, взявъ скамеечку и ведро, Мабъ стала доить Бѣлянку.

— Не хочешь ли ты поучиться доить? — предложила она Ноно.

Ноно занялъ мѣсто Мабъ, но его непривычные къ дѣлу пальцы плохо повиновались ему, и онъ не сумѣлъ выдоить ни капли молока, къ большому для себя огорченію, такъ какъ, видя, какъ легко доила Мабъ, онъ думалъ, что ничто не можетъ быть легче. Мабъ снова показала Ноно, какъ нужно доить, и, наконецъ, ему удалось выдоить нѣсколько капель молока. Это привело въ

восторгъ Ноно и Мабъ. Ноно, начавшій уже было приходить въ отчаяніе, принялся за дѣло с новой энергіей. Съ непривычки у него скоро устали пальцы, да и Бѣлянка выказывала недовольство такимъ неумѣлымъ доильщикомъ. Тогда Мабъ принялась доить сама и не встала, пока не выдоила послѣднія капли молока изъ вымени Бѣляночки.

Ноно сначала слѣдилъ, какъ доила Мабъ, потомъ принялся рвать цвѣты. Съ огромнымъ букетомъ онъ усѣлся въ тѣни стараго дуба и принялся плести вѣнки.

Онъ уже сплелъ два вѣнка и принялся за третій, когда, поднявъ глаза, увидалъ Мабъ.

— Ай да Ноно! какъ ты занялся! — сказала она. — Для кого же эти вѣнки?

— Одинъ для тебя! — отвѣтилъ Ноно и надѣлъ ей на голову одинъ изъ вѣнковъ.

— Для меня! Какой чудный вѣнокъ! — воскликнула Мабъ въ восторгѣ.

— Другой для Саши, а этотъ для Бикетъ, — и, надѣвъ вѣнки себѣ на шею, чтобъ не смять, Ноно взялъ у Мабъ ведро съ молокомъ и понесъ его въ молочную. Потомъ оба отправились на поиски за Бикетъ и Сашей.

Прежде всего они пошли въ садъ. Тамъ Гансъ съ нѣсколькими товарищами вскопали небольшой кусокъ земли. Они прочли въ книгѣ по садоводству, что, прививая къ растенію различные черенки, можно получить на одномъ и томъ же деревѣ разные плоды, разнаго цвѣта розы на одномъ и томъ же розовомъ кустѣ. Желая провѣрить это на дѣлѣ, они собирались посадить на своей грядкѣ растенія, на которыхъ бы можно было сдѣлать такія прививки. Они съ увлеченіемъ копали, разрыхляли землю и смѣшивали ее съ удобреніемъ. Лаборъ указалъ имъ, какое удобреніе наиболѣе подходитъ для тѣхъ растеній, съ которыми они собирались производить опыты.

Гансъ не зналъ, гдѣ Бикетъ и Саша.

Ноно и Мабъ пошли дальше. Они нашли Бикетъ въ одной изъ оранжерей; она обмывала и опрыскивала растенія, подвязывала ихъ и обрѣзала на нихъ сухіе вѣтви и сучья.

Увидѣвъ вѣнокъ, она захлопала въ ладоши и запрыгала отъ радости. Всѣ ея товарки побросали работу и любовались вѣнкомъ, такъ что Ноно долженъ былъ обѣщать, что научитъ всѣхъ плести такіе вѣнки.

Бикетъ сказала, что найти Сашу они могутъ въ той части сада, гдѣ растутъ растенія для сбора съ нихъ сѣмянъ.

Мабъ и Ноно пошли туда. Саша дѣйствительно была тамъ; при помощи маленькой кисточки она переносила тонкую желтую

пыльцу въ цвѣточныя чашечки другихъ цвѣтовъ.

— Что это ты дѣлаешь? — спросили Мабъ и Ноно, сильно заинтересованные.

Саша разсказала имъ, что учитель ботаники объяснилъ имъ, что если перенести пыльцу одного растенія на другое родственное ему, но не одинаковое съ нимъ, то получатся сѣмена новыхъ по формѣ и по окраскѣ цвѣтовъ растеній. Получится помѣсь этихъ двухъ растеній.

Ноно никогда не читалъ книгъ по естественной исторіи и потому не понялъ того, что она говорила. Сашѣ пришлось объяснять, какъ образуются сѣмена въ растеніяхъ.

Желтая пыльца, которую она собирала, заключается въ маленькой коробочкѣ, называемой пыльникомъ; пыльца эта попадаетъ на часть цвѣтка, называемую пестикомъ; часто и пыльничекъ, и пестикъ помѣщаются въ одномъ и томъ же цвѣткѣ. Тогда растеніе называется однодомнымъ. Но есть растенія, у которыхъ они находятся въ различныхъ цвѣтахъ, даже на разныхъ растеніяхъ, такія растенія называются двудомными.

Цвѣты съ тычинками и пыльниками называются мужскими, а цвѣты съ пестиками — женскими. Изъ женскихъ цвѣтовъ вырастаютъ плоды.

Крупинки желтой цвѣточной пыльцы попадаютъ въ верхнюю часть пестика — рыльце, а затѣмъ проникаютъ въ его нижнюю утолщенную часть въ завязь, тамъ пыльца попадаетъ на крошечный зародышъ будущаго сѣмечка и оплодотворяетъ его, то-есть теперь сѣмечко начинаетъ расти, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ и заключающая его завязь. Изъ завязи образуется плодъ, — яблоко, груша и другіе.

Насѣкомыя въ поискахъ за пищей забираются въ цвѣты, переносятъ желтую пыль мужского цвѣтка на рыльце пестика женскаго. Иногда же вѣтеръ переноситъ пыльцу съ мужскихъ на женскіе цвѣты.

Саша съ своей кисточкой дѣлала то, что дѣлало бы насѣкомое; но только вмѣсто того, чтобъ переносить пыльцу на одинаковые цвѣты, она переносила ее на цвѣты разныхъ видовъ, чтобъ создать новыя разновидности растеній.

Саша объясняла Ноно все это и въ то же время съ восхищеніемъ поглядывала на вѣнокъ Мабъ и на тотъ вѣнокъ, который висѣлъ на рукѣ у Ноно.

— Это для тебя, — сказалъ Ноно, надѣвая вѣнокъ ей на голову.

Вѣнки имѣли большой успѣхъ. Цѣлыхъ восемь дней въ Автономіи только и дѣлали, что плели вѣнки. На лугахъ не стало бы цвѣтовъ, сады были бы опустошены, и не знаю, пощадили ли

бы дѣти оранжереи, если бы новая игра не пришла на смѣну и не заставила забыть вѣнки.

Тѣмъ временемъ насталъ часъ завтрака; столы были снова накрыты на площадкѣ подъ открытымъ небомъ, такъ какъ погода была чудесная.

Ноно былъ на этотъ разъ голоденъ и могъ отвѣдать не только всѣхъ своихъ любимыхъ фруктовъ, но и множество другихъ, совершенно ему незнакомыхъ. Когда онъ уже не могъ больше ѣсть, онъ запряталъ себѣ въ карманъ полдюжины плодовъ, очень похожихъ на яблоки. Онъ не зналъ, какъ ихъ называютъ, но они показались ему удивительно вкусными. Какъ только всѣ встали изъ-за стола, Ноно побѣжалъ отнести плоды себѣ въ комнату.

VIII
Школа

Вставъ изъ-за стола, дѣти разсыпались по лужайкѣ и устроили всевозможныя игры. Ноно вернулся изъ своей комнаты и тоже вмѣшался въ игру дѣтей. Но нѣсколько малышей, лѣтъ пяти-семи, хотѣли непремѣнно, чтобъ онъ сейчасъ же научилъ ихъ плести вѣнки, и онъ усѣлся съ ними на траву подъ старой яблоней.

Часъ спустя за нимъ пришли Гансъ, Мабъ и другіе.

— Мы идемъ въ школу, — сказали они. — Хочешь пойти съ нами?

— Ты увидишь, какъ тамъ весело, — прибавилъ Дикъ.

Ноно, котораго очень интересовало все новое, пообѣщалъ своимъ ученикамъ, что завтра онъ опять будетъ плести вѣнки, и пошелъ въ школу. Дѣти вошли въ обширный залъ въ нижнемъ этажѣ замка. Залъ былъ заставленъ столами, стульями и скамьями, не тѣми длинными, скучными столами и стульями, которые загромождаютъ наши классы и которыхъ нельзя сдвинуть, — нѣтъ, это были маленькіе квадратные столики, которые легко можно было передвигать и переставлять съ одного мѣста на другое: ученики могли свободно передвигать ихъ и заниматься или въ одиночку или группами.

Ноно и его друзья усѣлись за однимъ изъ этихъ столовъ.

Многіе изъ ихъ товарищей уже сидѣли въ разныхъ мѣстахъ залы.

Посреди комнаты за столикомъ сидѣла Либерта, дѣти подбѣгали къ ней, и она отвѣчала на ихъ безконечные вопросы, иногда она доставала книгу и давала ее тому, кто желалъ поподробнѣе узнать о чемъ-нибудь, иногда показывала картину или чертила что-то, или рисовала на бумагѣ.

Ее слушали то кто-нибудь одинъ, то цѣлая кучка дѣтей толпилась вокругъ ея стола, и заднія выглядывали черезъ спины

переднихъ, чтобы лучше видѣть и слышать.

Когда всѣ вопросы кончились и дѣти тихо усѣлись, Либерта спросила у нихъ, что они хотѣли бы сегодня дѣлать.

— Разскажите намъ, какъ придумали печатать книги, — закричало нѣсколько голосовъ.

— Давайте опять заниматься астрономіей, — говорили другіе.

— О, нѣтъ, объясните, откуда взялась земля.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Географія интереснѣе.

— Географіей занимались вчера, — протестовало нѣсколько голосовъ.

— Лучше будемъ рѣшать задачи, — просила группа мальчиковъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати.

— Мы займемся всѣмъ, — отвѣчала, улыбаясь, Либерта, — но только надо сговориться, съ чего намъ начать.

— Пусть, если хотятъ, начинаютъ съ задачъ, — сказалъ кто-то изъ дѣтей, — но пусть потомъ будетъ и географія.

— Да, а потомъ не останется времени на астрономію! — ворчали недовольные.

— Ни на геологію, — прибавили другіе.

— Ни на интересные разсказы, — жаловались самые маленькіе.

— Все это можно уладить, — сказала Либерта, — если только сами захотите сговориться. Давайте такъ: половину нашего дня мы будемъ рѣшать задачи, потомъ позаймемся географіей, а завтра непремѣнно займемся интересными разсказами и исторіей и познакомимся съ образованіемъ земли. А ужъ астрономіей-то, мнѣ кажется, всего удобнѣе заниматься вечеромъ, подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ звѣздъ.

— Да! да! — закричало большинство учениковъ.

Но въ одномъ углу собрались самые маленькіе, которымъ такъ хотѣлось слушать разсказы, что они не хотѣли ждать до другого дня и, огорченные, собрались уйти.

Тогда Либерта взяла со стола книгу и передала ее имъ, говоря:

— Вотъ, такъ какъ вы непремѣнно хотите разсказовъ, тутъ есть изъ чего выбрать. Соберитесь въ уголокъ или идите въ садъ и читайте, сколько хотите.

Такъ все было улажено, и наступила тишина. Теперь можно было начинать.

Начали съ задачъ. Либерта придумывала задачи, а ученики выходили къ доскѣ ихъ рѣшать. Потомъ сами ученики придумывали по очереди задачи, а ихъ товарищи рѣшали.

Ноно замѣтилъ одного изъ учениковъ, который хотѣлъ всегда говорить не въ очередь, пожималъ плечами, когда кто-нибудь изъ

товарищей не находилъ вѣрнаго отвѣта, и всегда считалъ, что его рѣшеніе было самое лучшее.

— Жако, — сказала Либерта, наконецъ, этому ученику, — теперь ваша очередь придумать задачу.

Жако составилъ задачу, въ которой дѣло шло о часахъ, секундахъ, литрахъ и метрахъ. Вышла очень сложная задача; и Жако гордился, что составилъ такую премудрость. Никто не могъ ее рѣшить. Но когда Жако сталъ объяснять свою задачу, то запутался въ дѣйствіяхъ и никакъ не могъ съ ней справиться. Дѣти стали подсмѣиваться надъ нимъ, а Либерта сказала, что лучше выбирать простыя задачи и умѣть хорошо ихъ объяснять, чѣмъ брать такія сложныя и не понимать ихъ. Потомъ она показала ему, въ чемъ была ошибка въ его задачѣ и почему было невозможно ее рѣшить.

Жако смутился и тихонько сѣлъ на свое мѣсто.

Потомъ пришла очередь Ноно, и онъ продиктовалъ задачу, которую, онъ помнилъ, рѣшали въ его школѣ; въ задачѣ говорилось о купцѣ, купившемъ кусокъ сукна въ столько-то метровъ, за столько-то франковъ, и спрашивалось, почемъ онъ долженъ продавать сукно это, чтобъ выручить столько-то?

— Твоя задача хорошо задана, — сказала Солидарія, входя въ комнату, — но она составлена по правиламъ себялюбія, которыя преподаютъ въ вашемъ мірѣ, гдѣ каждый старается объегорить кого-нибудь въ свою пользу. Здѣсь у насъ такъ никто не сдѣлаетъ, а потому на твоемъ мѣстѣ я бы сдѣлала такъ: если у кого-нибудь есть столько-то кусковъ сукна, и если изъ каждаго куска можно сдѣлать столько-то пальто, то сколькимъ изъ своихъ товарищей онъ сможетъ доставить удовольствіе, давъ каждому изъ нихъ по пальто?

На этой задачѣ и покончили урокъ ариѳметики и перешли, какъ было условлено, къ географіи.

Либерта разсказывала о томъ, какія есть холодныя страны на землѣ, объяснила, почему въ нихъ холодно, разсказала, какія животныя живутъ тамъ, какія растутъ растенія, говорила о томъ, какъ приспособились животныя къ мѣсту, гдѣ они живутъ, говорила объ эскимосахъ, о самоѣдахъ и другихъ жителяхъ холодныхъ странъ, прочла разсказъ изъ жизни лопарей. Она разсказывала, показывала чучела животныхъ, картины, приборы. Дѣти прерывали ее, разспрашивали и слушали ее съ захватывающимъ интересомъ.

Скоро дѣти, читавшія сказки, подобрались къ столу и принялись внимательно слушать.

Тѣ, которымъ, должно быть, это казалось скучнымъ или которымъ хотѣлось поразмяться, безшумно встали и убѣжали въ

садъ.

Но скоро и Либерта прекратила занятія: она видѣла по лицамъ дѣтей, что они начинаютъ утомляться, и она прервала разсказъ, пообѣщавъ разсказать еще кое-что о холодныхъ странахъ въ слѣдующій разъ.

По окончаніи урока дѣти побѣжали въ садъ. Тамъ Ляборъ съ другими дѣтьми что-то дѣлалъ около фруктовыхъ деревьевъ.

Въ сторонѣ Ноно увидалъ кучку дѣтей около кузницы. Они поправляли попорченные заступы и другія земледѣльческія орудія.

Онъ видѣлъ, какъ подъ ударами молота летѣли отъ раскаленнаго желѣза красныя и синія искры. Ему тоже захотѣлось выбивать точно такія искры, и онъ взялъ молотъ и сталъ ударять имъ по желѣзу. Товарищи показывали, что и какъ нужно дѣлать.

Насталъ вечеръ, а Ноно думалъ, что еще только полдень, такъ коротокъ ему показался этотъ день.

Когда солнце стало садиться, Ноно услыхалъ, какъ дѣти кричатъ: «Либерта пришла, кто хочетъ заниматься астрономіей?» Услыхавъ это, Ноно кинулся слѣдомъ за другими дѣтьми въ одну изъ башенъ замка. Здѣсь была устроена маленькая обсерваторія, стояли простые хорошіе приборы. Либерта сидѣла у открытаго окна, окруженная дѣтьми. Она любовалась чуднымъ закатомъ и разсказывала о томъ, отчего бываетъ день и ночь, почему скрывается отъ нашихъ глазъ солнце, почему вотъ теперь становится виднѣе луна, почему начинаютъ показываться звѣзды.

Урокъ кончился, пора спать, но внизу ждетъ Аморита со своимъ удивительнымъ аппаратомъ. Она показала опять дѣтямъ ихъ родителей, и всѣ разбрелись по своимъ комнатамъ.

Но прежде чѣмъ лечь, друзья затащили Ноно въ библіотеку, гдѣ онъ выбралъ двѣ книжки, заглавіе и картинки которыхъ сулили ему чудеса.

Поднявшись въ свою комнату, Ноно, спрятавшій себѣ въ карманъ за ужиномъ нѣсколько фруктовъ со стола, хотѣлъ прибавить ихъ къ тѣмъ, которые припряталъ еще въ полдень. Но, выдвинувъ ящикъ столика, въ которомъ онъ ихъ спряталъ, онъ былъ пораженъ, увидавъ вмѣсто нихъ отвратительныхъ жабъ, змѣй и лягушекъ. Они стали выползать изъ ящика, кривляясь и дѣлая ему разныя гримасы. Ноно въ ужасѣ отскочилъ назадъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что въ рукахъ у него что-то холодное, онъ взглянулъ на руки и увидалъ тамъ тоже нѣсколько большихъ лягушекъ. Онъ въ ужасѣ закричалъ.

Тотчасъ же около него очутилась Солидарія, она быстро выкинула всѣхъ напугавшихъ Ноно животныхъ за окно.

Ноно весь дрожалъ.

— Ты смѣшной мальчикъ, — сказала Солидарія: — испугался животныхъ, которыя не могли бы тебѣ причинить зла, а не побоялся сдѣлать скверное дѣло: припрятать то, что тебѣ не нужно, а могло бы пригодиться другимъ. Въ нашей странѣ всего

всѣмъ вволю хватитъ, потому что мы всѣ работаемъ, и никто не беретъ себѣ больше того, что ему надо, чтобы быть сытымъ и удобно одѣтымъ. Не дѣлай никогда такъ, если хочешь жить съ нами, Ноно.

IX
Прогулка

Ноно провелъ ужъ не мало времени въ Автономіи, и все это время прошло для него, какъ сонъ.

Жизнь текла весело и спокойно; каждый день приносилъ съ собой разнообразныя работы и удовольствія, которыя не давали ни минуты скучать.

Ноно зналъ теперь всѣхъ своихъ товарищей по именамъ; зналъ, кто изъ какой былъ страны и кто были ихъ родители.

Большую часть времени школьные часы протекали въ саду; на лужайкахъ, но, ради разнообразія, давно уже проектировали большую прогулку по сосѣднимъ лѣсамъ. И этотъ день насталъ.

Наканунѣ приготовили все необходимое для прогулки, которая въ то же время должна была быть урокомъ естественной исторіи.

Надо было взять съ собой палки, съ придѣланными къ нимъ молотками, чтобы отбивать ими камни, маленькіе заступы съ желѣзными наконечниками, для выкапыванія съ корнемъ растеній, чтобы пересадить ихъ въ садъ или засушить для гербарія. Коробки для собиранія всего интереснаго висѣли у каждаго черезъ плечо.

Съѣстные припасы были разложены въ мѣшки, и дѣти постарше и посильнѣй несли ихъ за плечами.

У каждаго, кромѣ того, висѣла на поясѣ фляжка съ молокомъ и кружка.

На другой день, съ ранняго утра, пустились въ путь, пока солнце, слишкомъ горячее въ полдень, не мѣшало еще ходьбѣ.

Иниціатива[10], одна изъ руководительницъ Автономіи, Либерта и Солидарія, шли впереди всѣхъ.

Дѣти болтали между собой или распѣвали баллады, которыя Гармонія[11], дочь Солидаріи, сочинила для нихъ.

Когда дѣти дошли до менѣе знакомыхъ дорожекъ, они

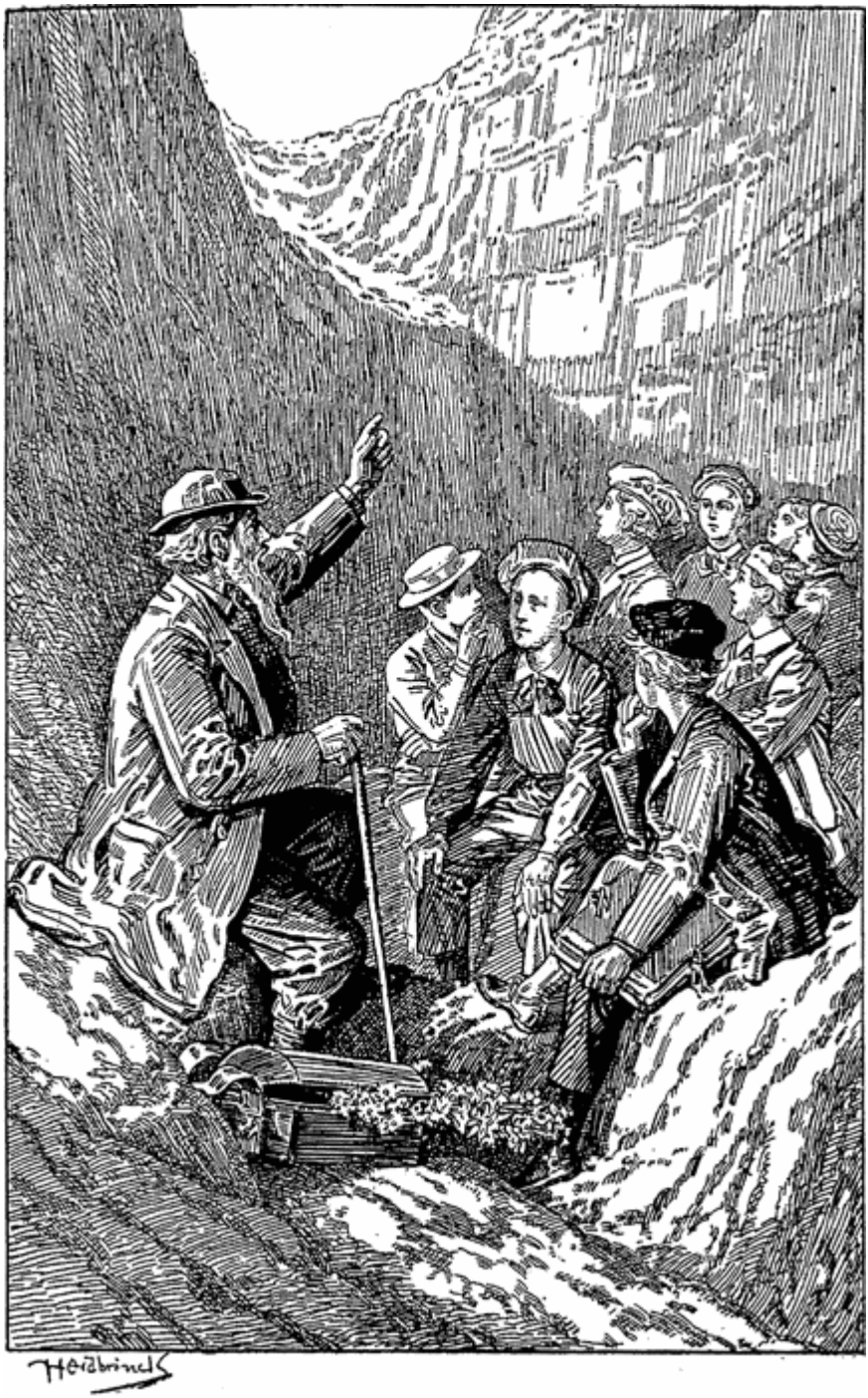
разбрелись въ разныя стороны и стали отыскивать неизвѣстныхъ имъ насѣкомыхъ и растеній. Они ихъ собирали, разсматривали, и если никто не зналъ, что это за растеніе или насѣкомое, какъ оно живетъ, что въ немъ особеннаго, то дѣти подбѣгали къ старшимъ и тѣ разсказывали то, что было интересно дѣтямъ.

Ноно посчастливилось найти какіе-то странные цвѣты, въ родѣ вазы съ длиннымъ горлышкомъ, онъ никогда не видалъ такихъ и побѣжалъ показать свою находку Ботаникусу[12], одному изъ учителей Автономіи.

— Посмотрите-ка, Ботаникусъ, — говорилъ Ноно, задыхаясь отъ волненія и отъ быстраго бѣга, — какую удивительную клѣтку съ мухами я нашелъ, — и онъ осторожно раскрылъ одинъ изъ своихъ цвѣтовъ, оттуда вылетѣла маленькая мушка, съ зеленовато-золотистыми крылышками…

Ботаникусъ взялъ цвѣты и, поправивъ на носу очки, внимательно посмотрѣлъ на цвѣтокъ.

— Это аройникъ, правда, это удивительная клѣтка для мухъ, — такая клѣтка, которая какъ будто умѣетъ соображать. У аройника не цвѣтокъ, а цѣлое соцвѣтіе, прикрытое однимъ большимъ бѣлымъ крыломъ. Оторвите-ка это крыло и всмотритесь хорошенько. Остался у васъ стержень, вокругъ стержня внизу сидятъ маленькіе цвѣточки, они состоятъ только изъ тычинокъ. Повыше другой поясокъ изъ цвѣточковъ съ пестиками, а еще выше поясокъ изъ волосковъ, загнутыхъ книзу. У аройника тычинки созрѣваютъ позже пестика, и аройнику особенно важно, чтобъ на его пестикъ принесена была пыльца съ другихъ цвѣтовъ. Въ этомъ ему помогаютъ друзья насѣкомыя. Но аройнику помогаютъ не крупные шмели и пчелы, которыя любятъ медъ, а ему нужна помощь мухи, мошки, комара, которые, ползая по цвѣточкамъ, не попортили бы ихъ. Мухъ хорошо приманивать гнилымъ мясомъ, и ты слышишь, какъ отвратительно пахнетъ аройникъ. Привлеченныя запахомъ, мухи вползаютъ внутрь цвѣтка и бродятъ по нему.



Ботаникусъ разсказывалъ и показывалъ дѣтямъ цвѣтокъ только-что распустившійся и уже опыленный, показалъ подъ лупой тычинковый и пестичный цвѣты, нашелъ уже полусозрѣвшія сѣмена аройника.

Дѣтямъ казалось, что Ботаникусъ все на свѣтѣ знаетъ и, — главное, такъ хорошо умѣетъ все разсказать и показать, что потомъ и самъ сумѣешь кое-что разглядѣть и понять. Ботаникусъ зналъ такъ много интереснаго и о растеніяхъ, и о животныхъ, и о камняхъ. Всю дорогу онъ не переставалъ показывать и разсказывать что-нибудь дѣтямъ, а остальные взрослые и дѣти помогали ему. Особенно хорошо умѣла помочь Иниціатива. Она придумывала такіе интересные опыты, наблюденія, что за ней дѣти ходили цѣлымъ хвостомъ.

Прежде Ботаникусъ всю свою жизнь занимался только любимой наукой, все остальное такъ мало интересовало его, что онъ не умѣлъ ни прибирать свою комнату, ни нарѣзать себѣ хлѣба, ни накрыть на столъ, и теперь въ Автономіи, какъ только онъ принимался за какую-нибудь работу, у него все валилось изъ рукъ: накрываетъ на столъ — разобьетъ тарелки, хочетъ подмести полъ, — щетка его не слушается, наливаетъ молоко — непремѣнно прольетъ. Дѣти очень любили своего учителя и всячески старались предупредить всѣ бѣды, какія съ нимъ могли случиться. А Ботаникусъ съ доброй улыбкой грустно качалъ головой и говорилъ:

— Нѣтъ уже, дѣти, видно мнѣ не перевоспитать себя, буду на всю жизнь калѣкой. Смотрите на меня и учитесь, что нельзя заниматься однимъ дѣломъ любимымъ и предоставлять другимъ все для себя дѣлать. Такъ, какъ я жилъ, жить невозможно. Это сдѣлало безпомощнымъ калѣкой меня, а можетъ-быть, и многихъ людей, работавшихъ за меня необходимую для моего существованія работу, заставляло цѣлые дни гнуть спину и работать руками и не оставило имъ и минуты для занятій наукой, для удовольствій, для общенія съ близкими людьми, для всего того, что дѣлаетъ такой счастливой, такой свѣтлой жизнь человѣка.

Ноно слушалъ Ботаникуса и вспомнилъ жизнь своей семьи и нашелъ, что дѣйствительно такъ жить — тяжело. Тяжело и отцу и матери — полубольнымъ, неспособнымъ сдѣлать и половины работы на себя и дѣтей, а еще тяжелѣе кухаркѣ, прачкѣ, булочнику и всѣмъ, всѣмъ, кто за нихъ несетъ эту работу.

А прогулка между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ. Вотъ къ Ботаникусу со всѣхъ ногъ бѣжитъ Мабъ.

— Господинъ Ботаникусъ! Господинъ Ботаникусъ! — еще издали кричитъ она, — пойдите-ка, посмотрите, какое-то черное насѣкомое катитъ шаръ въ десять разъ больше себя.

Ботаникусъ, а слѣдомъ за нимъ нѣсколько человѣкъ дѣтей пошли за Мабъ.

— Ахъ, это священный жукъ, — сказалъ Ботаникусъ. —

Посмотрите, какое у него шероховатое утолщеніе на лбу, а съ боковъ, посмотрите, какіе у него красивыя выпуклыя пятнышки. На надкрыльяхъ у него по шести продольныхъ полосокъ; на головѣ, на средней части туловища и на ножкахъ у него черная бахромка. У самокъ она красновато-коричневая на заднихъ ножкахъ. А какой у него красивый черный цвѣтъ, немного блестящій даже. Египтяне очень его почитали. Онъ былъ у нихъ символомъ жизни.

Шарикъ, который катитъ жукъ, онъ зароетъ въ землю. Внутри шарика положено яйцо. Когда личинка вылупится изъ яйца, она съѣстъ свою колыбель, которую составляютъ внутреннія нѣжныя части этого шарика. А самый шарикъ жуки эти дѣлаютъ изъ навоза, поэтому ихъ зовутъ еще навозниками.

Дѣти разсматривали работающихъ насѣкомыхъ. Жуки суетились въ липкой жижѣ. Одинъ изъ жуковъ подобралъ выбранныя имъ части навоза подъ брюшко и сталъ катать изъ нихъ комочекъ своими ножками. Потомъ онъ придалъ комочку окончательную форму шара и постепенно все увеличивалъ шаръ.

— Если бъ у насъ было время, — сказалъ Ботаникусъ, — мы могли бы долго слѣдить за работой этихъ насѣкомыхъ. Они дѣлаютъ иногда шары величиной съ яблоко, иные даже съ кулакъ. Затѣмъ вы могли бы полюбоваться, съ какимъ искусствомъ они ихъ катятъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣшено зарыть ихъ. И какъ, наконецъ, иногда ихъ же товарищи, дѣлая видъ, что помогаютъ имъ, завладѣваютъ ихъ шарами, — совсѣмъ какъ это бываетъ у людей. Но все это отняло бы у насъ слишкомъ много времени, а намъ пора пускаться въ путь.

И мало-по-малу дѣти снова разбрелись по дорожкамъ, забираясь въ чащу въ поискахъ за чѣмъ-нибудь новымъ и интереснымъ.

Иногда ушедшіе впередъ останавливались, чтобы дать время отставшимъ присоединиться къ нимъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы дѣти ужъ начали чувствовать голодъ и стали искать удобное мѣстечко, чтобъ отдохнуть. Наконецъ, они остановились на обширной лѣсной прогалинѣ, покрытой густой и низкой травой. Посрединѣ возвышался великолѣпный кедръ. Здѣсь дѣти и накрыли завтракъ.

Неподалеку подъ тѣнью огромной ивы струился свѣтлый чистый ручей. Воду его смѣшали съ сокомъ плодовъ, и вышло удивительно вкусное питье. Дѣти разложили припасы и сдѣлали имъ честь, такъ какъ послѣ ходьбы всѣ были очень голодны. Утоливъ нѣсколько голодъ, дѣти, счастливыя и шумныя, осадили всевозможными вопросами и просьбами Солидарію, Ботаникуса и

Иниціативу.

У Ботаникуса была масса дѣла, — ему нужно было отвѣчать на безконечные вопросы: о названіи растеній, о ихъ пользѣ, о томъ, почему они устроены такъ, а не иначе.

На прогулкѣ дѣти ловили насѣкомыхъ, но, разсмотрѣвъ ихъ, отпускали на свободу. Ботаникусъ даже придумалъ особую стеклянную коробочку, въ которую сажали насѣкомыхъ, чтобъ ихъ разсмотрѣть какъ можно лучше и чтобъ при этомъ не помять ихъ.

Солидарія особенно заботилась, чтобъ дѣти ловили лишь тѣхъ, которыя были необходимы и чтобъ ловили ихъ какъ можно осторожнѣе.

Когда всѣ отдохнули, пустились снова въ путь. Теперь Ботаникусъ повелъ дѣтей къ старой каменоломнѣ.

На дно каменоломни можно было спуститься безъ труда. Ботаникусъ показалъ дѣтямъ на высокую каменную стѣну каменоломни, показалъ на слой почвы, на слѣдующій слой глины, а также на слой песку. Подъ пескомъ лежалъ твердый песчаникъ. Онъ объяснилъ дѣтямъ, какъ люди узнали, что на этомъ мѣстѣ было когда-то море, разсказалъ, какъ цѣлыми столѣтіями, а можетъ-быть и тысячелѣтіями море намывало эти пласты песку и глины. Дѣти рылись въ пескѣ, и имъ посчастливилось найти нѣсколько окаменѣлыхъ морскихъ раковинъ. Ботаникусъ показалъ на обрывѣ, какъ корни растеній обхватываютъ почву, какъ они выискиваютъ себѣ лучшую пищу и огибаютъ каждый камушекъ, въ то же время разъѣдая его поверхность. И многое другое успѣли узнать за эти часы дѣти.

Одному изъ мальчиковъ посчастливилось найти странной формы камень съ дырочкой посрединѣ, — оказалось, что это былъ топоръ древнихъ дикихъ обитателей этой мѣстности, которые не знали еще ни одного металла и могли только такимъ образомъ выдѣлывать камни, чтобы дѣлать изъ нихъ топоры, стрѣлы, ножи. Ботаникусъ даже старался показать дѣтямъ, какъ дикари обтачивали кремнемъ свои будущія орудія. Но въ его неумѣлыхъ рукахъ дѣло пошло плохо. Тутъ пришли на помощь Иниціатива и дѣти, и у нихъ дѣло пошло куда успѣшнѣе.

Долго возились дѣти, а имъ удалось обточить камень очень немного.

— Всѣ удобства наши, все придуманное человѣкомъ сдѣлало и насъ съ вами, дѣти, куда безпомощнѣе, чѣмъ были эти дикари, — сказалъ Ботаникусъ. — Вѣдь дикарь, гдѣ бы онъ ни былъ, все могъ сдѣлать себѣ самъ, самъ себя прокормитъ, самъ одѣнетъ, самъ сумѣлъ бы защитить себя и отъ холода и отъ дикихъ звѣрей. Мы же, — мы не знали бы, что намъ дѣлать безъ нашихъ ножей, топоровъ, безъ инструментовъ. Мы померли бы съ

голоду или отъ холоду или попали бы сразу въ лапы дикому звѣрю.

Настало время возвращаться. Снова закусили на скорую руку остатками отъ завтрака и, разбившись на группы, весело пустились въ обратный путь.

X
Встрѣча

Медленно, не торопясь, возвращались дѣти домой. Вдругъ Ноно увидалъ прекрасную бабочку сфинкса — мертвую голову. Ему захотѣлось поймать ее, но каждый разъ какъ Ноно собирался накинуть на нее сѣтку, бабочка неожиданнымъ взмахомъ крылышекъ увертывалась отъ сѣтки и снова кружилась надъ головой Ноно. Въ пылу погони Ноно и не замѣтилъ, какъ далеко отбѣжалъ отъ своихъ товарищей.

Наконецъ, Ноно увидалъ бабочку совсѣмъ близко. Онъ думалъ, что вотъ теперь-то онъ уже непремѣнно поймаетъ ее. Онъ смѣрилъ глазами разстояніе, отдѣлявшее его отъ насѣкомаго, поправилъ въ рукѣ сѣтку, размахнулся и попалъ… какъ разъ на носъ толстому господину съ жирнымъ брюшкомъ, богато одѣтому, съ плоскимъ носомъ, съ огромной золотой цѣпью на животѣ; грудь его рубашки была украшена брилльянтами, крупный рубинъ блестѣлъ въ узлѣ галстука; пальцы его были унизаны кольцами. Господинъ опирался на трость съ золотымъ набалдашникомъ.

— О, о, мальчикъ, будь-ка поосторожнѣе! Еще немного, и ты приплюснулъ бы мнѣ носъ.

Ноно подумалъ, что носъ этого господина и такъ уже достаточно приплюснутъ и что трудно было бы приплюснуть его еще больше.

— Ты, надѣюсь, не думалъ поймать меня въ твою сѣтку. Она, мнѣ кажется, слишкомъ мала для этого.

И, довольный своей шуткой, толстый господинъ расхохотался. Смѣхъ его звучалъ фальшиво, и наружность его далеко не располагала къ себѣ.

Ноно немного испугался неожиданнаго появленія толстаго господина и своего одиночества, особенно когда вспомнилъ слова Солидаріи.

Но время отъ времени до него доносились пѣсни и смѣхъ его маленькихъ товарищей; онъ понялъ, что они не очень далеко, и это его нѣсколько успокоило.

— Извините, — сказалъ Ноно господину, — я не видалъ васъ. Я бѣжалъ за мотылькомъ и уже готовъ былъ его поймать, когда ударилъ васъ моей сѣткой. Я ушибъ васъ?

— Нѣтъ, ничего, ты задѣлъ лишь кончикъ моего носа, — сказалъ толстый господинъ и потеръ себѣ носъ. — Но почему же ты тутъ одинъ гоняешься за бабочками?

— О, я не одинъ, — возразилъ Ноно, все еще боясь чего-то. — Мои товарищи играютъ въ лѣсу… Слышите? — и онъ прислушался.

— А! вы пришли сюда на прогулку съ вашими учителями?

— У насъ нѣтъ учителей, — гордо сказалъ Ноно. — Это наши друзья! Они работаютъ и играютъ вмѣстѣ съ нами, объясняютъ намъ то, что знаютъ сами, но никогда не заставляютъ насъ дѣлать то, чего мы не можемъ или не хотимъ дѣлать.

— О, мой маленькій пѣтушокъ, какъ ты хорохоришься! — усмѣхнулся толстый господинъ. — Я это самое и хотѣлъ сказать. Ты изъ Автономіи, какъ я вижу. И тебѣ нравится быть постоянно съ дѣтьми одного съ собой возраста, постоянно дѣлать и видѣть все одно и то же?

— Мы вовсе не дѣлаемъ все одно и то же; мы мѣняемъ работы и игры, когда намъ захочется.

— Да, но это все одно и то же. Вы всегда видите одну и ту же мѣстность, — однихъ и тѣхъ же людей. Развѣ ты не хотѣлъ бы путешествовать, видѣть новыя страны? Въ той странѣ, гдѣ живу я, — продолжалъ толстый господинъ, — все время путешествуютъ. Ѣдутъ на море, Ѣдутъ въ горы. Вотъ, напримѣръ, я, — мнѣ совершенно нечего дѣлать, — развѣ гулять. Стоитъ только имѣть волшебный жезлъ, какъ у меня, — и онъ показалъ на свою трость, — и у тебя будетъ все, чего ты ни пожелаешь. Вотъ ты даже вспотѣлъ, гоняясь за бабочкой и все же не могъ ее поймать. Я же безъ всякаго труда дамъ тебѣ сейчасъ этого мотылька. Вотъ онъ.

Господинъ протянулъ въ сторону, гдѣ летѣла бабочка, свою

трость, сдѣлалъ ею какой-то знакъ, и бабочка очутилась въ рукѣ Ноно.

Мальчикъ испуганно взялъ насѣкомое и внимательно его разсмотрѣлъ.

Ноно показалось, что насѣкомое смотритъ на него умоляюще и что ножки его подергиваются отъ страха.

— Вотъ возьми булавку, наколоть его въ твою коллекцію, — сказалъ господинъ, протягивая Ноно тонкую булавку.

Но Ноно разжалъ пальцы и выпустилъ бабочку.

— Ты напрасно ее выпустилъ, — сказалъ толстый господинъ, — это очень рѣдкій экземпляръ, и ты могъ бы взять за него хорошую цѣну, если самъ не составляешь коллекціи. Хочешь ѣсть, мальчикъ? Садись, ѣшь и пей, — столъ накрытъ.

Онъ простеръ свою трость къ толстому дубу, и Ноно увидѣлъ, какъ подъ дубомъ появились столы и на нихъ всевозможныя блюда съ мясомъ, соусами, пирожными, графины съ винами всѣхъ цвѣтовъ въ серебряныхъ, наполненныхъ льдомъ, ведрахъ.

— Нѣтъ, я не голоденъ, — сказалъ Ноно.

Толстый господинъ начиналъ его интересовать и уже не казался такимъ противнымъ.

— У тебя такой славный видъ. Ты мнѣ нравишься, — продолжалъ толстый господинъ. — Я бы хотѣлъ имѣть такого сына. Хочешь, пойдемъ со мной. Я покажу тебѣ много красивыхъ вещей, которыхъ ты никогда не видалъ.

— Благодарю васъ, но я васъ не знаю. Я не хочу покинуть моихъ друзей изъ Автономіи. Они стали бы очень безпокоиться, если бъ я не вернулся.

— Ты видишь, что я могу все, что хочу. Я легко могу ихъ предупредить.

— Нѣтъ, — возразилъ мальчикъ, снова начавшій безпокоиться. — Я хочу вернуться къ Солидаріи.

— Ты думаешь, что я вру? Что я не могу показать тебѣ того, что обѣщаю? Вотъ, маленькій упрямецъ, — возьми-ка этотъ бинокль, посмотри, какъ ты могъ бы постоянно жить. — Говоря это, онъ перетянулъ на животъ, висѣвшій у него на плечѣ, футляръ, вынулъ изъ него великолѣпный бинокль и протянулъ его мальчику.

Ноно поднесъ бинокль къ глазамъ. Сначала онъ увидалъ большой залъ со множествомъ дѣтей. Имъ раздавали всевозможныя лакомства. Потомъ ихъ одѣли въ великолѣпныя одежды, посадили въ прекрасные легкіе экипажи, запряженные красивыми бѣлыми козами, которыми управляли маленькіе кучера въ напудренныхъ парикахъ, въ высокихъ съ отворотами сапогахъ и въ мундирахъ съ галунами по всѣмъ швамъ.

Потомъ онъ видѣлъ равнины, море; потомъ горы, на которыя взбирались дѣти на мулахъ. И повсюду, гдѣ ни были эти дѣти, былъ праздникъ. Ноно съ удивленіемъ замѣтилъ, что временами на ихъ лицахъ видны скука, утомленіе, о которых онъ совсѣмъ забылъ съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ Автономію.

А сцены въ биноклѣ между тѣмъ все продолжали мѣняться. Онъ видѣлъ снова большой полукруглый залъ, задрапированный красными съ золотыми бахромами портьерами. Съ пола и до потолка залъ этотъ былъ раздѣленъ на ложи, отдѣланные тоже краснымъ съ золотомъ. Въ этихъ ложахъ сидѣли мужчины въ ослѣпительно бѣлыхъ рубашкахъ, въ черныхъ фракахъ, нарядныя, покрытыя брильянтами, женщины, богато одѣтыя дѣти.

Въ глубинѣ залы, на подмосткахъ, другая толпа людей, еще болѣе, показалось ему, богато одѣтыхъ, двигалась, подпрыгивая, подъ звуки музыки, то тихой и таинственной, то быстрой и веселой.

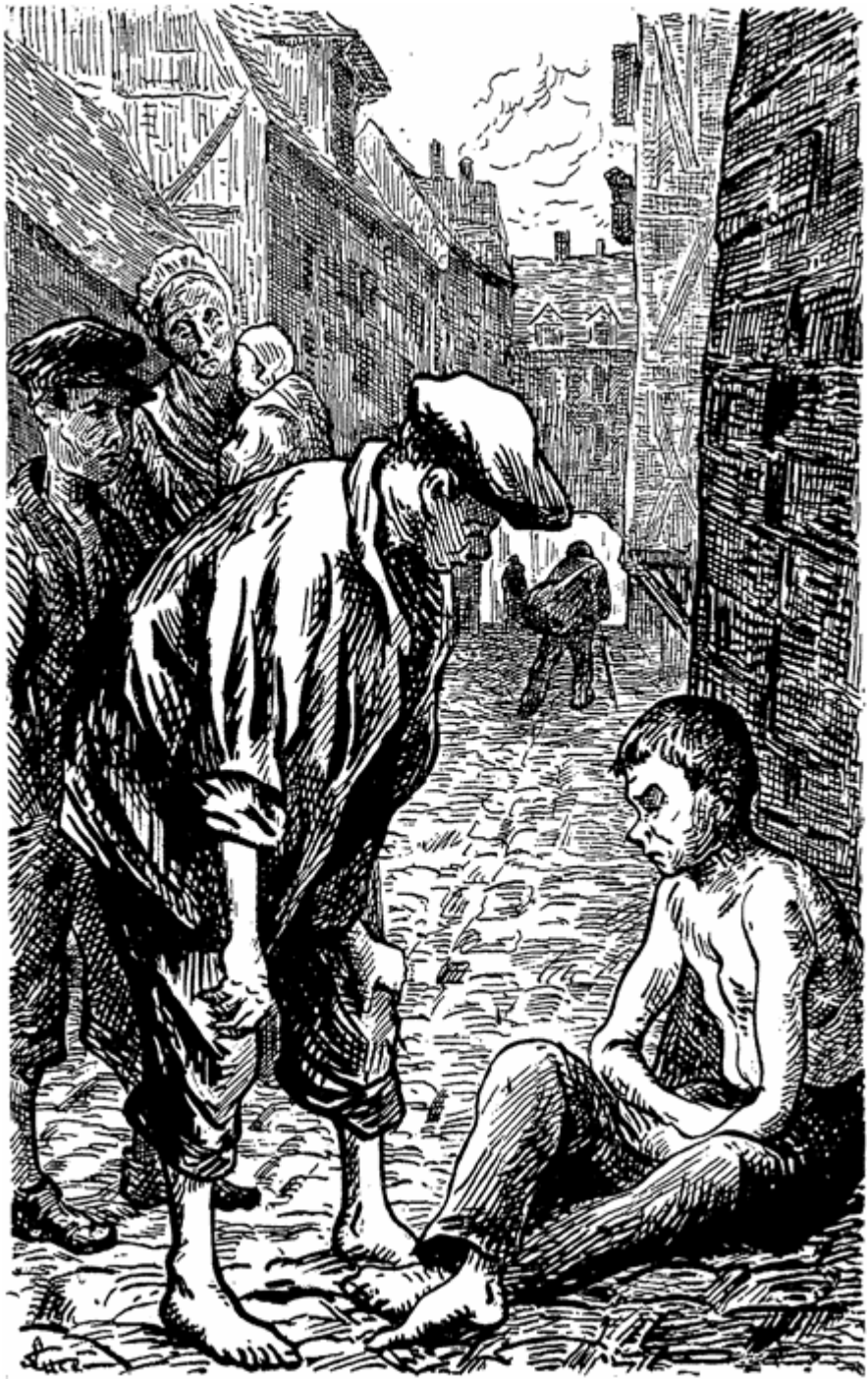
Ноно, ослѣпленный всѣмъ этимъ блескомъ, движеніемъ, безчисленными огнями, освѣщавшими залъ, отнялъ бинокль отъ глазъ.

— Ну, что же? — спросилъ толстый господинъ съ хитрой улыбкой. — Есть что посмотрѣть?

— О, какъ это хорошо! — и Ноно уже спрашивалъ себя, не пойти ли ему за этимъ человѣкомъ.

Потомъ, желая взглянуть еще разъ, онъ снова поднесъ бинокль къ глазамъ, но по ошибкѣ повернулъ его другимъ концомъ, и тогда глазамъ его представилось ужасное зрѣлище.

Онъ едва успѣлъ различить грязныя, кривыя улицы, дома, похожіе на казармы, съ грязными жилищами, населенными несчастными, съ страдальческими лицами бѣдняками въ лохмотьяхъ, занятыми работами, которыхъ онъ не успѣлъ разсмотрѣть, но которыя показались ему отвратительными.



Онъ посмотрѣлъ въ бинокль не болѣе секунды. Толстый человѣкъ вырвалъ у него изъ рукъ бинокль и сердито сказалъ:

— Не смотри сюда! Это не твое дѣло, — да къ тому же и не стоитъ того.

Ноно, испуганный, пристально посмотрѣлъ на толстаго человѣка, а тотъ сейчасъ же принялъ ласковый видъ и сказалъ ласково:

— Я испугалъ тебя, но и самъ былъ испуганъ. Это единственная въ своемъ родѣ вещь, — я не отдалъ бы этого бинокля ни за что на свѣтѣ, а между тѣмъ я видѣлъ, что ты готовъ былъ выронить его.

Ноно спрашивалъ себя, дѣйствительно ли онъ видѣлъ все это или ему только показалось. Прежнія опасенія снова вернулись къ нему. Онъ кинулся бѣжать отъ толстаго человѣка и закричалъ измѣнившимся голосомъ: «Гансъ! Мабъ!»

— Какой ты глупый, — сказалъ толстый человѣкъ, пытаясь схватить Ноно за руку. — Рѣшайся, и я уведу тебя. Но скорѣй, потому что мнѣ некогда.

Въ это время послышались голоса Ганса, Дика и Мабъ. Они звали отставшаго товарища.

— Куда ты пропалъ? — говорилъ голосъ Ганса гдѣ-то совсѣмъ близко.

— Сюда, сюда! — закричалъ Ноно.

— Какъ ты напугалъ насъ, — говорили они всѣ вмѣстѣ: — мы думали, что ты потерялся, — ужъ цѣлый часъ всѣ тебя ищутъ!

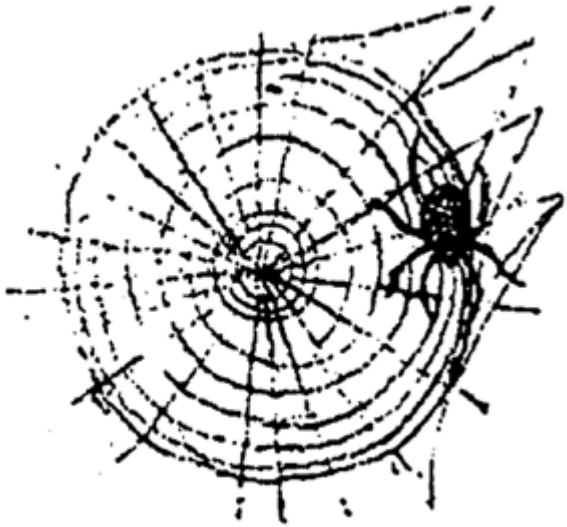
Толстый человѣкъ исчезъ.

Ноно хотѣлъ было разсказать друзьямъ свои приключенія, но, вспомнивъ, что одно время былъ готовъ уступить искушенію и уйти за толстымъ господиномъ, — онъ не рѣшился признаться друзьямъ, что чуть-чуть не покинулъ ихъ.

Свое волненіе онъ объяснилъ тѣмъ, что очень испугался, очутившись одинъ; онъ думалъ, что не сумѣетъ отыскать своихъ товарищей.

— О, тебѣ нечего было бояться, что мы тебя оставимъ, — сказалъ Гансъ. — Мы бы происка́ли тебя хоть всю ночь, пока не нашли.

Вдали слышно было, какъ другія дѣти звали ихъ, и они пошли на ихъ крики.



XI
Слѣдствія первой ошибки

На обратномъ пути въ Автономію Ноно мало принималъ участія въ разговорѣ. Онъ размышлялъ надъ тѣмъ, что только-что увидѣлъ.

Ноно былъ обыкновенный мальчикъ, изъ рабочей семьи; для него самымъ большимъ путешествіемъ была прогулка въ Кламарскій или Медонскій лѣсъ, — поѣздка въ Верръеръ была уже цѣлымъ событіемъ. Онъ зналъ море только по восторженнымъ описаніямъ, которыя ему приходилось читать въ книгахъ; изъ горъ онъ зналъ лишь Шомонскіе холмы и Монмартръ въ самомъ Парижѣ. Но въ тѣхъ же самыхъ книгахъ онъ читалъ о грандіозныхъ восхожденіяхъ на горы и съ тѣхъ поръ всегда мечталъ о такихъ путешествіяхъ. А потомъ вѣдь когда сдѣлаешь что-либо, чего не долженъ былъ дѣлать, — то чувствуешь недовольство собой и становишься мраченъ и раздражителенъ. И вмѣсто того, чтобъ искренно признаться въ своихъ ошибкахъ, продолжаешь дуться и вымещать на всѣхъ свое дурное настроеніе. Такъ было и съ Ноно.

Преслѣдуемый своими желаніями, волнуемый угрызеніями совѣсти, Ноно сталъ угрюмъ и до самаго возвращенія въ Автономію односложно отвѣчалъ на всѣ расспросы. Нервы у него были сильно натянуты.

Стали накрывать на столъ. Ноно, несшій цѣлую гору тарелокъ, наткнулся на одного изъ мальчиковъ. Тарелки выскользнули у него изъ рукъ и разбились.

Хотя виноватъ былъ самъ Ноно, шедшій, не глядя передъ собой, хотя другой мальчикъ пытался посторониться, но предлогъ сорвать свое дурное расположеніе духа былъ слишкомъ хорошъ, чтобы Ноно имъ не воспользовался.

— Осторожно, свинья! — крикнулъ Ноно и ударилъ мальчика кулакомъ.

Бѣдняга былъ такъ пораженъ неожиданнымъ нападеніемъ, что не зналъ, что отвѣтить, и ушелъ весь въ слезахъ.

— Какой ты злой! — сказала Мабъ, которая видѣла все происшедшее. — Вѣдь это ты наткнулся на него, — ты виноватъ и

ты же его бьешь.

— Ну, такъ что же? Зачѣмъ онъ стоитъ на дорогѣ, — отвѣчалъ Ноно, разозлившійся еще больше, потому что почувствовалъ себя еще болѣе виноватымъ.

— Пойди извинись скорѣе передъ Рири, — сказала Бетъ, — скажи ему, что ты это сдѣлалъ въ дурную минуту и что этого никогда больше не будетъ съ тобой. Пойди, и ему и тебѣ будетъ легче, — участливо прибавила она.

— Н..ѣтъ, — сказалъ Ноно, къ которому вернулось его упрямство, — онъ самъ виноватъ!

— Да, ну! Не можетъ же Рири просить прощенія за полученный имъ ударъ, — сказалъ Гансъ, стараясь обратить все въ шутку.

— Я у него и не прошу, — отвѣтилъ Ноно, — пусть онъ успокоится. Мнѣ ничего отъ него не нужно!

Дѣти съ удивленіемъ смотрѣли на него и, увидя, что съ Ноно сегодня лучше не разговаривать, разошлись. Скоро всѣ забыли о томъ, что случилось, и снова раздались веселые голоса.

Ноно остался одинъ, — одинъ за своимъ столомъ.

Онъ попытался было ни на что не обращать вниманія, сдѣлалъ видъ, что ему все ни по чемъ, и сталъ ѣсть виноградъ, лежавшій передъ нимъ. Но его сдавленное волненіемъ и огорченіемъ горло отказывалось пропустить откушенныя ягоды. Не въ силахъ, наконецъ, дольше терпѣть, Ноно громко разрыдался, положивъ голову на столъ.

Рыданія его начали ужъ стихать, когда онъ почувствовалъ, что чьи-то руки обнимаютъ его за шею и кто-то крѣпко цѣлуетъ его.

Это Мабъ, взобравшись на спинку его стула, говорила ему на ухо:

— Видишь, какъ тяжело быть злымъ.

— Тебѣ всѣхъ тяжелѣе, — прибавила Бетъ, наклонясь надъ нимъ.

— Пойдемъ, отыщемъ Рири и кончимъ это, — сказалъ Гансъ, теребя его за рукавъ.

И они потащили его, еще наполовину противъ воли, къ тому столу, за которымъ сидѣлъ Рири.

Ноно извинился, мальчики поцѣловались. Миръ былъ заключенъ, и обѣдъ продолжался веселѣе, чѣмъ начался.

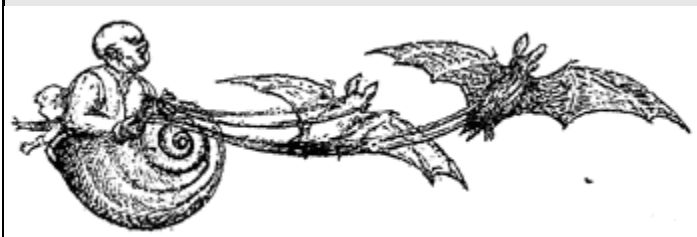
Никогда Ляборъ не казался такъ привѣтливъ, никогда Солидарія не улыбалась такъ ласково.

Всѣ были утомлены и какъ только встали изъ-за стола, Аморита разсказала каждому о его семьѣ, и всѣ пошли спать.

Но хотя примиреніе съ Рири и облегчило Ноно, все же онъ

былъ недоволенъ собой, потому что не сказалъ друзьямъ правды. Онъ спалъ дурно и во снѣ его мучили кошмары. То онъ ссорился со своими друзьями, и они постыдно изгоняли его изъ Автономіи; то бабочка «мертвая голова» садилась къ нему на грудь и показывала ему массу прекрасныхъ вещей, и какъ только Ноно хотѣлъ ихъ схватить, онѣ выскальзывали изъ его пальцевъ, а бабочка становилась такой тяжелой, такой тяжелой, что Ноно задыхался и не могъ дышать.

XII
Похищеніе



На другой день Ноно проснулся совсѣмъ какъ разбитый, съ страшной головной болью. Онъ всталъ, радуясь, что избавился отъ мучившаго его кошмара, и надѣясь, что движеніе и свѣжій утренній воздухъ, а въ особенности купанье, прогонятъ его головную боль.

Когда онъ вышелъ изъ ванной и встрѣтился со своими друзьями, то никто изъ нихъ не вспомнилъ о томъ, что случилось наканунѣ.

Все населеніе Автономіи съ утра было на дворѣ, такъ какъ сегодня нужно было начать работу, вызывавшую долгіе споры въ колоніи.

Нужно было построить мостъ черезъ ручей, протекавшій по лѣсу вблизи Автономіи. Одни хотѣли строить его близъ дороги, ведущей къ замку, другіе — на тропинкѣ, идущей къ теплицамъ.

Нужно еще сказать, что не всѣ были согласны и въ томъ, какимъ способомъ его строить. Одни хотѣли однимъ, другіе — другимъ.

Споръ длился съ самаго прибытія Ноно въ Автономію, и только наканунѣ прогулки Либерта предложила имъ способъ быстро покончить всѣ споры и притти къ соглашенію. Оба мнѣнія были вполнѣ основательны. Оба моста могли быть полезны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ хотѣли соорудить. Почему бы вмѣсто того, чтобъ терять время на споры, не построить два моста на избранныхъ для нихъ мѣстахъ и по выработаннымъ для нихъ планамъ?

Согласившись на этомъ, они легко могутъ сговориться относительно наиболѣе трудной части работы, требующей сотрудничества всѣхъ.

Предложеніе Либерты было принято съ восторгомъ: рѣшили, что каждая группа будетъ выполнять свой проектъ, а въ трудной части работы одна группа будетъ помогать другой.

Въ это утро должны были начаться предварительныя

земляныя работы, необходимыя для установки свай.

Ноно поработалъ нѣкоторое время съ другими, но такъ какъ головная боль не проходила онъ предупредилъ своихъ друзей, что пойдетъ немного отдохнуть, и направился къ большому каштану, росшему неподалеку отъ мѣста работъ. Онъ надѣялся, что сонъ облегчитъ его.

Лежа подъ каштаномъ, онъ раздумывалъ о своемъ вчерашнемъ приключеніи, о своихъ родителяхъ, о своемъ снѣ, — какъ вдругъ какое-то движеніе всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него привлекло его вниманіе.

Это былъ трупъ полевой мыши, который онъ замѣтилъ, ложась, и который теперь шевелился и двигался. Ноно легъ на животъ, оперся на локти, вытянулъ шею, чтобы лучше видѣть, и, наконецъ, онъ понялъ, почему трупъ движется.

Пять жуковъ покороче и гораздо уже майскаго жука, черные съ рыжеватыми полосками, подползли подъ тѣло полевой мыши и при помощи своихъ ножекъ и головы старались сдвинуть его съ мѣста.

Ноно понялъ, что это тѣ самые жуки, которыхъ зовутъ могильщиками за ихъ привычку закапывать въ землю трупы животныхъ, которыми потомъ питаются ихъ личинки.

На томъ мѣстѣ, съ котораго жуки сдвинули трупъ мыши, Ноно замѣтилъ, что земля была уже вскопана, — но копать глубже помѣшалъ имъ камень. Невозможность сдвинуть этотъ камень и выкопать яму глубже и побудила, повидимому, могильщиковъ, рѣшиться передвинуть трупъ мыши на другое мѣсто.

Они перетащили его сантиметровъ на тридцать дальше, умѣло обходя встрѣчавшіяся имъ преграды; затѣмъ, добравшись до удобнаго мѣста, размѣстились вокругъ трупа, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и начали своими крѣпкими ножками копать землю, отбрасывая ее позади себя и образуя такимъ образомъ круговой валъ, выраставшій по мѣрѣ того, какъ яма углублялась.

Сильно заинтересованный, Ноно слѣдилъ за ихъ движеніями, не совсѣмъ понимая, что они дѣлаютъ.

Мало-по-малу тѣло полевой мыши опускалось, какъ будто земля уходила изъ-подъ него. Немного спустя Ноно пересталъ его видѣть. Могильщики вышли изъ ямы и побросали туда назадъ землю, чтобъ наполнить сдѣланную ими яму. И скоро одна только небольшая неровность да вскопанная земля указывали на оконченную работу.

Могильщики отправились въ поиски за новой добычей и только одинъ изъ нихъ остался на этомъ мѣстѣ, занятый своимъ туалетомъ. Онъ проводилъ ножками по своимъ усикамъ и надкрыльямъ, точь-въ-точь какъ довольный собою человѣкъ потираетъ себѣ отъ удовольствія руки.

И Ноно смотрѣлъ на него въ полуснѣ и видѣлъ его как бы въ туманѣ.

Потомъ ему показалось, что насѣкомое стало расти, расти, брюшко его расширилось, и скоро насѣкомое приняло форму человѣка.

— Ну, что же? Подумалъ ли ты со вчерашняго дня?

Внезапно выведенный изъ оцѣпененія, Ноно поднялся на

локтѣ: передъ нимъ стоялъ вчерашній толстый господинъ. Это былъ лукавый Плутусъ[13]. Онъ никогда не выпускалъ изъ своихъ рукъ того, кого уже намѣтилъ своей добычей; теперь онъ хотѣлъ снова попытаться соблазнить Ноно.

Не то, чтобъ у него были враждебныя чувства къ Ноно или чтобы способности мальчика останавливали на немъ выборъ Плутуса, а просто онъ зналъ, что если допустить населеніе Автономіи увеличиться, онъ не сможетъ, каково бы ни было число его жандармовъ и таможенныхъ чиновниковъ, помѣшать своимъ вѣрнымъ подданнымъ узнать объ образѣ жизни въ Автономіи; онъ зналъ, что никакая сила не сможетъ держать людей въ повиновеніи, когда они узнаютъ, что можно жить счастливо и безъ начальства, указывающаго вамъ, что вы должны дѣлать, а въ случаѣ надобности и заставляющаго васъ это дѣлать.

Населеніе Плутократіи было раздѣлено на классы людей. Первый классъ — это тѣ, кто пользуется всѣми удовольствіями и ничего не дѣлаетъ, второй классъ — тѣ, кто работаетъ и не имѣетъ никакихъ удовольствій, и третій классъ, — кто принуждаетъ второй классъ работать для тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ.

Каково бы ни было число третьяго класса, ясно, что они не могли бы долго держать въ повиновеніи тѣхъ, кто видѣлъ себя осужденнымъ проводить всю свою жизнь въ постоянномъ трудѣ среди лишеній, если бъ Плутусъ и его министры не помогали имъ своей ловкостью.

Ловкость эта заключалась въ томъ, чтобъ внушать людямъ, что безъ лицъ, обязанныхъ сажать ихъ въ тюрьмы, когда они не хотятъ дѣлать того, что имъ не нравится, они не могли бы жить въ согласіи и быть свободными, что они стали бы спорить, ссориться, драться и даже умерли бы съ голоду.

Потомъ еще необходимо было имъ внушить, что нуженъ цѣлый классъ людей, которые бы праздновали и расточали, чтобъ люди, занятые работой, имѣли много работы, чтобъ имѣть немного ѣды.

Это ученіе переходило у подданныхъ Плутуса отъ отца къ сыну многія тысячи лѣтъ. Оттого-то они и были убѣждены, что иначе жить нельзя.

Конечно, золотая трость Плутуса была очень могущественна, но могущество ея было ограничено. Были случаи, когда она становилась безполезна въ его рукахъ.

Такъ онъ никакъ не могъ помѣшать тому, чтобъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни въ Автономіи проникли къ его подданнымъ. И въ исторіи Плутократіи насчитывались три или четыре ужасныя революціи, когда населеніе, подгоняемое нуждой и желаніемъ

жить въ большомъ согласіи со своими желаніями, чуть было не освободилось отъ своихъ повелителей.

Но Плутусъ и его министры сумѣли воспользоваться невѣжествомъ толпы и снова занять мѣсто во главѣ народа; все подъ тѣмъ предлогомъ, что чтобы все шло хорошо, непремѣнно нужны господа, которые бы принуждали людей дѣлать обратное тому, что имъ хочется.

Поэтому-то Плутусъ и старался всегда похищать жителей Автономіи и уводить ихъ въ свое государство.

Вы, можетъ-быть, мнѣ скажете, что этимъ способомъ онъ самъ помогалъ распространять свѣдѣнія о жизни и нравахъ Автономіи. Но могущество Плутуса было ограничено, и изъ двухъ золъ онъ выбиралъ, какъ ему казалось, меньшее.

Плутократы — подданные Плутуса до такой степени были убѣждены въ превосходствѣ своего образа жизни, что когда кто-нибудь изъ похищенныхъ ими жителей Автономіи разсказывалъ имъ о жизни, которую онъ велъ раньше, толпа называла его сумасшедшимъ и смѣялась надъ нимъ. «Никогда никто не видалъ, чтобъ люди жили иначе, вездѣ одни повинуются, другіе повелѣваютъ, да иначе и быть не можетъ», — говорили они.

Надо еще сказать, что нѣкоторые изъ жителей Автономіи, находя образъ жизни перваго класса жителей Плутократіи болѣе удобнымъ, начинали льстить тѣмъ, кто заставляетъ другихъ работать, пролѣзали въ ихъ ряды и сами же первые насмѣхались надъ тѣми изъ своихъ товарищей, которые жалѣли и призывали дни свободы.

— Тебя удивляетъ, неправда ли, — говоритъ Ноно толстый господинъ, — что я снова здѣсь? Но Солидарія — моя пріятельница. Я былъ у нея сегодня, и она мнѣ сказала, что я найду здѣсь моего добраго друга Лябора, и вотъ я пришелъ пожать ему руку. Дорогой я увидѣлъ тебя. Она даже вручила мнѣ этотъ флаконъ для тебя; твой товарищъ Гансъ сказалъ ей, что у тебя болитъ голова. Это ликеръ, который она сама приготовила и отъ котораго у тебя пройдетъ головная боль.

Ноно довѣрчиво, такъ какъ ликеръ быль присланъ ему Солидаріей, выпилъ все, что было въ флаконѣ, и, дѣйствительно, головная боль тотчасъ же прошла, но зато уступила мѣсто оцѣпенѣнію, которое показалось Ноно блаженнымъ.

Ликеръ былъ приготовленъ самимъ Плутусомъ; блаженство Ноно было вызвано лишь оцѣпенѣніемъ мозга, мѣшавшимъ ему чувствовать и помутившимъ ему разсудокъ.

Окончательно развеселившись, Ноно сталъ разговаривать съ Плутусомъ, какъ со старымъ товарищемъ.

— Значить, у тебя лучше, чѣмъ здѣсь?

— О, конечно лучше, чѣмъ здѣсь, — это не совсѣмъ точно. Скорѣй — совсѣмъ въ иномъ родѣ. И, право, стоитъ посмотрѣть мое царство.

— Почему же Солидарія никогда намъ ничего объ этомъ не разсказывала?

— А потому, видишь ли, что для Солидаріи ничего не можетъ быть лучше Автономіи, на ея взглядъ, ничто не можетъ даже сравниться съ ея маленькимъ царствомъ. Такъ что, ты понимаешь, все остальное для нея не существуетъ.

— А, — сказалъ Ноно, чувствовавшій, думавшій и видѣвшій все лишь какъ сквозь туманъ. — А откуда у васъ всѣ эти прекрасныя вещи, если никто не работаетъ?

— Да ты же видѣлъ вчера, — стоитъ имѣть золотую палочку, какъ у меня, — и всего будетъ въ изобиліи.

— Но развѣ всѣ могутъ имѣть такія палочки? Вотъ если-бы я пошелъ за тобой, — вѣдь у меня-то ея не было бы. Будетъ ли у меня все, что я захочу?

— Гм! гм! — произнесъ Плутусъ, опасаясь, что ликеръ недостаточно еще затуманилъ разсудокъ его жертвы. — Есть, правда, нѣсколько человѣкъ, у которыхъ ея нѣтъ, — но имъ даютъ то, что имъ нужно; а если у нихъ есть сила воли и умѣнье устроиться, то и они могутъ получить палочку.

Ноно не замѣтилъ, какъ неясенъ и уклончивъ былъ этотъ отвѣть. Да къ тому же, не то же ли самое было и въ Автономіи, гдѣ каждый могъ жить по своему вкусу и гдѣ всѣ охотно помогали одинъ другому?

— Вотъ ты, напримѣръ, мнѣ нравишься, — продолжалъ Плутусъ, — и я хочу сдѣлать что-нибудь для тебя. Я помогу тебѣ пріобрѣсти одну изъ такихъ палочекъ. Ты видишь, что на моей есть почки, какъ на вѣткѣ дерева. Ихъ можно отдѣлять, когда онѣ вырастутъ, и онѣ въ свою очередь становятся палочками. Вотъ, — и онъ указалъ на одну изъ почекъ, — эта уже достаточно созрѣла, — я отрѣжу ее и дамъ тебѣ.

Говоря это, онъ отдѣлилъ острымъ ножомъ одну изъ почекъ и протянулъ ее Ноно. Мальчикъ смотрѣлъ на него удивленными, но мутными глазами.

— Такъ она, значитъ, вырастетъ, и я получу все, что захочу?

— Ну, конечно; отложи ее только въ сторону, и она вырастетъ въ большую палку, — какъ та, съ которой я ее срѣзалъ.

Ноно положилъ драгоцѣнную почку себѣ въ карманъ.

Плутусъ взялъ его за руку.

— Ну, такъ, значитъ, рѣшено, ты идешь со мной.

— Я думалъ, что ты хотѣлъ видѣть Лябора, — сказалъ Ноно.

— Пока мы тутъ съ тобой разговаривали, онъ ушелъ съ твоими товарищами, — сказалъ Плутусъ, простирая свою золотую трость и дотрогиваясь ею до ползущей въ травѣ улитки; улитка обратилась въ колесницу, запряженную двумя огромными летучими мышами. Плутусъ втолкнулъ въ нее Ноно, сѣлъ рядомъ съ нимъ, и летучія мыши полетѣли по направленію къ Плутократіи.

— Солидарія! Ляборъ! — не могъ не крикнуть, несмотря на свое полусонное состояніе Ноно, почувствовать, что его похищаютъ.

И какъ ни слабъ былъ крикъ ея воспитанника, онъ болью отозвался въ сердцѣ Солидаріи. Поднявъ глаза къ небу, она увидала колесницу Плутуса.

— Скорѣй! Скорѣй! — крикнула она Электрисіи, — мы должны вырвать мальчика изъ когтей Плутуса. Иди, лети и останови его колесницу.

Быстрѣе, чѣмъ мысль, Электрисія приняла видъ молніи, освѣтила все небо и поразила на лету летучихъ мышей, уносившихъ Ноно и его похитителя.

Но — увы! — несмотря на быстроту молніи, колесница уже успѣла покинуть предѣлы Автономіи, — а Солидарія была могущественна лишь тамъ, гдѣ ее знали и уважали.

Плутусъ, увидавъ себя уже вблизи своихъ владѣній, обратилъ свою колесницу въ парашютъ и медленно спустился при помощи его на землю вмѣстѣ съ Ноно; мальчикъ тоже инстинктивно уцѣпился за веревку парашюта.

Они упали оба на берегъ ручья, раздѣлявшаго на-двое долину. Плутусу стоило перейти на другой его берегъ, чтобъ быть въ своихъ владѣніяхъ.

Но прежде чѣмъ они достигли земли, Электрисія явилась отъ имени Солидаріи къ Наядѣ ручья, и Наяда обѣщала вздуть свои воды, чтобъ преградить дорогу Плутусу.

И вотъ ручей сталъ бурлить и вздуваться, выходя изъ своихъ береговъ и заливая долину, обращая ее въ озеро.

Не теряя ни минуты, Плутусъ поднялъ съ земли половинку орѣховой скорлупы, бросилъ ее на воду и ударомъ своей трости сдѣлалъ изъ нея легкую лодочку, съ трехугольнымъ парусомъ, которымъ было очень легко управлять.

— Живо! — сказалъ онъ Ноно, — сядемъ въ лодку, — Ляборъ ждетъ насъ на томъ берегу. — И онъ указалъ на человѣка, очень похожаго на Лябора, но на Лябора съ жестокимъ отталкивающимъ выраженіемъ лица.

Тѣмъ не менѣе Ноно, обманутый наружностью того человѣка, вскочилъ въ лодочку. Тогда Плутусъ грубо приказалъ ему управлять парусомъ, а самъ сѣлъ къ рулю. Наполовину приведенный въ себя этой перемѣной, Ноно все же исполнилъ приказаніе, всматриваясь въ то же время въ лицо мнимаго Лябора. А лицо его становилось все болѣе и болѣе жесткимъ. Мальчикъ думалъ, что, очевидно, Ляборъ недоволенъ тѣмъ, что Ноно покинулъ Автономію, не предупредивъ его. Сейчасъ искреннимъ разсказомъ всего, что съ нимъ случилось, онъ успокоитъ его.

Они уже почти достигли берега, когда лодочка, ударившись о подводный камень, стала тонуть. Но Плутусъ быстро достигъ

берега вплавь.

Это Солидарія упросила Наяду устроить крушеніе, надѣясь вернуть себѣ своего воспитанника.

И, дѣйствительно, ей уже удалось приблизиться къ Ноно, котораго Наяда поддерживала надъ водой; она ужъ готовилась схватить его, когда Плутусъ простеръ свою палочку, и Ноно, притянутый, какъ сильнымъ магнитомъ, выскользнулъ изъ объятій Солидаріи, которая не могла пристать къ владѣніямъ Плутуса.

Одной изъ особенностей палочки Плутуса была способность притягивать къ себѣ все, сдѣланное изъ одного съ ней матеріала. Вы помните, что Плутусъ отдѣлилъ отъ нея маленькую почку и далъ Ноно, который спряталъ ее въ свой карманъ. И вотъ палка силой своего притяженія увлекла и вѣточку и ея обладателя.

Отрезвленный принятой имъ ванной и невольно подчиняясь притяженію палочки, Ноно увидалъ огорченное лицо Солидаріи, протягивавшей къ нему руки; но ея лицо постепенно блѣднѣло и терялось въ колыхавшемся надъ бурнымъ озеромъ туманѣ.

Такъ Ноно и остался плѣнникомъ Плутуса.

XIII
Волшебная гармоника

На берегу Ноно раздѣлся и развѣсилъ на солнцѣ свою одежду для просушки.

Ни Плутуса, ни Солидаріи, ни Лябора — никого не было по близости. Онъ былъ одинъ среди огромной, печальной равнины и не могъ сообразить, въ какой сторонѣ лежитъ Автономія.

Ноно понялъ, что онъ попалъ плѣнникомъ Плутуса, что ему уже невозможно одному вернуться назадъ. Онъ съ горечью вспоминалъ совѣты Солидаріи и сожалѣлъ о томъ, что поддался на разсказы Плутуса. Повсюду, куда хваталъ его глазъ, Ноно видѣлъ голый камень, покрытый лишь мѣстами тощимъ верескомъ, да кое-гдѣ виднѣлись жалкія вспаханныя и обработанныя поля.

Какъ только одежда просохла, Ноно одѣлся. Онъ былъ очень голоденъ. Но тутъ была уже не Автономія, гдѣ стоило лишь протянуть руку, чтобы сорвать сочный плодъ. Вокругъ него изъ вереска поднимался лишь колючій репейникъ и дракъ. Ноно всталъ и пошелъ по равнинѣ въ ту сторону, гдѣ вдалекѣ виднѣлось какъ будто человѣческое жилье.

Поля, близъ которыхъ онъ проходилъ, были огорожены изгородями изъ колючихъ кустарниковъ; впрочемъ, и на этихъ поляхъ Ноно нечѣмъ было бы поживиться; здѣсь поля только-что начинали зеленѣть. Почки на живыхъ изгородяхъ тоже только-что распускались. Повидимому, здѣсь весна только еще вступала въ свои права.

Подойдя къ селенію, Ноно, правда, увидалъ нѣсколько деревьевъ въ цвѣту — должно быть, это были вишни. Но если бы

даже на нихъ и были уже плоды, то, чтобы добраться до нихъ, пришлось бы перелѣзать черезъ стѣны и изгороди; стѣны же были всѣ усѣяны наверху осколками стекла, а изгороди состояли изъ такихъ колючихъ растеній, что отпадала всякая охота даже подойти къ нимъ ближе.

На порогѣ перваго дома, къ которому подошелъ Ноно, сидѣла маленькая дѣвочка. Ноно хотѣлъ попросить у нея поѣсть, но дѣвочка убѣжала, поднявши такой крикъ, словно ее Богъ знаетъ какъ напугали. Дѣвочка была грязная, растрепанная, оборванная. Какъ мало походила она на его друзей въ Автономіи!

Ноно пошелъ къ слѣдующей хижинѣ. Но здѣсь на него бросилась съ яростнымъ лаемъ большущая собака. Ноно едва успѣлъ отъ нея убѣжать. На порогѣ третьей хижины сидѣлъ мальчикъ. Ноно попросилъ у него поѣсть.

— Мама, — крикнулъ мальчикъ въ открытую дверь комнаты, гдѣ молодая женщина мыла въ лахани бѣлье, — тутъ какой-то мальчикъ милостыню проситъ.

— Ну, еще одинъ! — сказала женщина, не поворачивая головы. — Если всѣмъ подавать, то самъ съ голода подохнешь. Скажи ему, что нечего намъ ему подать.

Съ тяжелымъ сердцемъ отошелъ отъ хижины Ноно и усѣлся на большомъ камнѣ, чувствуя, что ноги отказываются его нести.

Ноно безсознательно опустилъ руки въ карманы и вдругъ ощупалъ тамъ что-то четырехугольное. То была гармоника, данная ему Рири. Ноно испугался, не попала ли въ гармонику вода, и рѣшилъ тутъ же попробовать, не попортилась ли она. Ноно вынулъ изъ коробки гармонику и, надавилъ на клавиши и заигралъ. Гармоника вытянулась во всю длину и стала наигрывать веселый вальсъ.

Мальчикъ изъ того дома, гдѣ Ноно только-что просилъ поѣсть, остолбенѣлъ отъ восхищенія, услыхавъ такую громкую, красивую музыку. На звуки музыки сбѣжались изъ домовъ и съ улицы и другіе деревенскіе ребятишки. Тутъ были и большіе, и крошечные, и темноволосые, и бѣлокурые, — всѣ они обступили Ноно съ его гармоникой. Ноно убѣдился, что гармоника его цѣла и невредима, и сталъ было укладывать ее обратно въ коробку, но дѣти стали просить, чтобы онъ имъ сыгралъ еще хоть одну пѣсенку.

Тѣмъ временемъ Ноно жадно глядѣлъ на большой ломоть хлѣба съ масломъ въ рукахъ у одного изъ мальчиковъ.

Тогда первый мальчикъ, съ которымъ Ноно познакомился раньше всѣхъ, вспомнивъ просьбу Ноно, сказалъ ему:

— Сыграй-ка намъ еще, и хлѣбъ будетъ твой. Не правда ли, Зидоръ, — сказалъ онъ, обращаясь къ владельцу хлѣба, — ты ему

отдашь свой хлѣбь, если онъ намъ еще поиграетъ?

Зидоръ почесалъ себѣ затылокъ, однако, подумавъ секунду, протянулъ свой ломоть Ноно, и мальчикъ тутъ же жадно впился въ него зубами.

Была снова пущена въ ходъ гармоника, и Ноно угостилъ своихъ слушателей новою пѣсней, прерывая ее отъ времени до времени, чтобы откусить кусокъ хлѣба.

Наконецъ, Ноно рѣшилъ, что онъ достаточно игралъ ребятишкамъ за ихъ ломоть хлѣба, и хотѣлъ уже встать и уйти, такъ какъ уже солнце склоняется къ закату, но дѣти стали опять просить его сыграть имъ еще хоть одну пѣсенку.

— Нѣтъ, я, право, не могу больше играть, — сказалъ Ноно, — мнѣ нужно непремѣнно итти. Ночь уже близко, а я даже не знаю, гдѣ я.

— Ишь ты, негодяй какой, — сказалъ одинъ мальчикъ.

— Жалко ему своей музыки! — добавилъ другой.

— Если бъ я захотѣла, то мой папа купилъ бы мнѣ музыку гораздо лучше этой, — похвасталась дѣвочка въ лохмотьяхъ.

И, набравши камней, они собрались уже хорошенько задать Ноно за его неуступчивость, но на его счастье изъ одного дома вышла женщина и разогнала буяновъ; одного изъ нихъ она схватила за ухо.

— Ты чего тутъ опять проказишь, негодяй? — вскричала она.

— Это не я, мама, — завылъ мальчуганъ. — Это они всѣ хотѣли, чтобы мальчикъ имъ еще поигралъ.

Женщина выпустила ухо сынишки и подошла къ Ноно. Она спросила его, кто онъ, откуда и куда идетъ.

Ноно разсказалъ ей о своихъ путешествіяхъ, о своей жизни въ Автономіи, о своей встрѣчѣ съ толстымъ господиномъ, о своемъ похищеніи и о томъ, что онъ теперь такъ одинокъ въ этой незнакомой странѣ, далеко отъ своихъ друзей.

— Ахъ, ты, бѣдный мальчикъ! — сказала женщина съ состраданіемъ. — Я не знаю той прекрасной страны, про которую ты мнѣ разсказываешь. О такихъ вещахъ я слыхала только въ сказкахъ. Здѣсь у насъ совсѣмь не то. Здѣсь у насъ надо много работать, чтобы заработать хоть малость. Страна наша бѣдная, врядъ ли ты найдешь кого-нибудь, кто бы захотѣлъ тебя пріютить. Своимъ трудомъ ты здѣсь не добудешь себѣ пропитанія. Самое лучшее, тебѣ бы пойти въ нашу столицу, въ Монайю[14]. Тамъ принимаютъ дѣтей въ прислуги или на фабрики. Тамъ ты, пожалуй, прокормишься… Погоди-ка, и сейчасъ вернусь.

Она вошла въ свою хижину и скоро вернулась оттуда, неся въ рукахъ краюшку хлѣба, немного сыру и чашку молока. Молоко Ноно тутъ же выпилъ.

— Положи-ка хлѣбъ и сыръ въ карманъ, — прибавила женщина. — Это тебѣ пригодится въ дорогѣ. Иди все по этой

дорогѣ, пока добредешь до большой дороги; по ней поверни налѣво, а тамъ ужъ встрѣтишь кого-нибудь и спросишь, куда дальше итти.

Ноно хотѣлось заплакать, когда онъ услыхалъ, что онъ дѣйствительно попалъ въ Деньгократію. Но дѣлать было нечего, и Ноно, проглотивъ слезы, поблагодарилъ добрую женщину и спросилъ ее, долго ли ему придется итти до Монайи. У него еще тяжелѣе стало на душѣ, когда онъ узналъ, что итти ему придется еще много дней.

Ноно простился съ женщиной и, понуривъ голову, пустился снова въ путь.

XIV
Въ дорогѣ

Нѣсколько дней уже шелъ Ноно. И за все это время ему почти ничего не удалось себѣ раздобыть поѣсть кромѣ краюхи хлѣба, которую дала ему крестьянка.

Въ этотъ день онъ шелъ съ самаго утра. Во рту у него ничего не было за весь день, кромѣ куска хлѣба, который далъ ему крестьянинъ, позволившій ему переночевать на своемъ сѣновалѣ.

Голодъ мучилъ Ноно. Ноги подкашивались отъ усталости. Было уже темно, когда мальчикъ добрался до фермы, стоявшей у самой дороги. Лишь только Ноно подошелъ къ ней, какъ на него залаяли двѣ цѣпныя собаки. Казалось, онѣ вотъ-вотъ оборвутъ свои цѣпи разорвутъ его въ клочья. Испуганный Ноно не смѣлъ итти дальше; онъ стоялъ въ воротахъ и ждалъ, не выйдетъ ли кто ему на помощь. Работникъ, сгребавшій на дворѣ навозъ, подошелъ, наконецъ, къ Ноно и спросилъ, что ему нужно. Мальчикъ разсказалъ, что онъ идетъ въ Монайю, что онъ очень голоденъ и ему негдѣ переночевать.

— Гмъ! — сказалъ работникъ. — Нашъ хозяинъ не очень-то щедръ на милостыню и наврядъ ли пуститъ тебя на ночь. Впрочемъ, погоди здѣсь, а я пойду все-таки его спрошу.

Ноно зналъ уже по опыту, что въ этой странѣ ничего не даютъ безвозмездно, и потому поспѣшилъ прибавить:

— Скажите ему, что если у него есть ребята, то я имъ поиграю. — И онъ досталъ свою гармонику изъ коробки и принялся играть.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ноно былъ въ дорогѣ, гармоника не разъ заслужила ему чашку супу и мѣстечко на сѣновалѣ, особенно на

одинокихъ фермахъ въ маленькихъ деревушкахъ. Въ большихъ селеніяхъ его музыку плохо слушали, и ему чаще всего приходилось ложиться спать съ пустымъ желудкомъ въ какомъ-нибудь укромномъ закоулкѣ.

— Ладно, я скажу хозяину, — сказалъ работникъ, уходя.

— Ну, входи, — сказалъ онъ, вернувшись и унимая собакъ.

Онъ провелъ Ноно въ большую, черную, закопченную комнату. Посреди комнаты стоялъ большой столъ, по стѣнамъ были грязныя лавки. Въ одномъ углу стояла квашня, немного подальше — шкафъ. Съ потолка висѣли куски свиного сала, окорока, связки луку, чесноку и бобовъ въ стручкахъ.

Въ большомъ очагѣ, въ глубинѣ комнаты, ярко горѣлъ хворостъ. Передъ очагомъ сидѣлъ старикъ; судя по виду, ему было не менѣе 80 лѣтъ. Это былъ отецъ фермера. Самъ фермеръ тоже сидѣлъ недалеко отъ очага и курилъ трубку. Тутъ же его сынъ, парень лѣтъ 30, чинилъ ивовую корзину.

Фермерша у стола рѣзала хлѣбъ и раскладывала его по чашкамъ, разставленнымъ въ рядъ передъ нею; въ котлѣ, подвѣшенномъ на крюкѣ, надъ огнемъ, кипѣлъ супъ. Невѣстка чинила бѣлье. Ея двое дѣтей — мальчикъ и дѣвочка — играли на полу, строя домики изъ прутиковъ.

— Такъ это ты, — сказалъ фермеръ, — просишься ночевать?

— Да, господинъ, — отвѣтилъ Ноно, немного испугавшись его грубаго голоса.

— А гдѣ же твоя музыка, на которой ты намъ обѣщался поиграть? Я ея не вижу.

Ноно вынулъ изъ кармана гармонику и заигралъ на ней.

Дѣти тотчасъ же бросили свои прутики и подошли послушать игру Ноно. Да и взрослымъ гармоника, какъ видно, доставляла не меньше удовольствія, чѣмъ дѣтямъ.

Толстая служанка только-что подоила коровъ и входила въ это время съ полнымъ ведромъ молока; она воскликнула:

— Ахъ, ты, чортъ! Вотъ хорошо-то мальчикъ играетъ!

Но тутъ фермерша, только-что разлившая по чашкамъ супъ, объявила:

— Садитесь ужинать, дѣти! Послѣ ужина будетъ еще время послушать.

Семья сѣла за столъ. Дали и Ноно мѣстечко и чашку супу.

Ноно быстро кончилъ свой супъ и съ жадностью голоднаго звѣря посматривалъ на капусту, поджаренную съ саломъ, которую фермерша начала накладывать изъ котла. Онъ надѣялся, что и ему дадутъ немножко.

Но когда фермерша одѣлила всѣхъ, сидящихъ за столомъ, котелъ оказался пустымъ, и Ноно съ тяжелымъ вздохомъ сталъ

смотрѣть въ огонь, стараясь не видѣть и не слышать, какъ ѣдятъ хозяева вкусную капусту.

Наконецъ, хозяйка замѣтила, какъ онъ невольно провожаетъ глазами каждый кусокъ, подносимый ими ко рту, и она дала ему еще ломоть хлѣба и стаканъ кисловатаго сидра.

Когда фермеръ наѣлся, онъ всталъ, и всѣ поднялись слѣдомъ за нимъ изъ-за стола: остатки ужина убрали со стола, посуду вымыли, и слуги пошли во дворъ, чтобы посмотрѣть, не нужно ли что еще скотинѣ. Потомъ они вернулись одинъ за другимъ и усѣлись у очага.

Дѣти потребовали снова музыки, и Ноно началъ опять играть.

Когда мальчикъ кончилъ, фермеръ началъ его разспрашивать, откуда онъ и куда идетъ.

Ноно привыкъ уже, что въ этой странѣ всегда сначала старались разузнать про человѣка, кто онъ такой, а тогда ужъ рѣшались помочь ему, и онъ началъ свой разсказъ.

Старый фермеръ бровью не повелъ, пока Ноно разсказывалъ о говорящей птицѣ, о пчелахъ, превращающихся въ красавицъ, о жукахъ, приносящихъ землянику; но онъ чуть не лопнулъ со смѣху, когда Ноно началъ разсказывать про Автономію, гдѣ всякій работалъ, какъ находилъ нужнымъ, отдыхалъ, когда хотѣлъ, гдѣ плоды принадлежали всѣмъ, гдѣ всякій могъ брать изъ урожая, сколько ему нравилось, гдѣ всѣ были рады помочь другъ другу.

Фермеръ смѣялся до того, что чуть не задохся, и разразился припадкомъ кашля. Успокоившись немного, онъ спросилъ сына:

— Слышалъ ты когда-нибудь о такой странѣ?

— Спаси Владычица! Нѣтъ, не слыхалъ.

— Хе-хе! Хорошо бы у насъ пошли дѣла, кабы не было надъ людьми палки!

— И кабы пришлось ожидать, пока сосѣди соберутся помочь намъ пахать! Долго бы пришлось ожидать! — прибавилъ сынъ.

— Зато, навѣрное, не было бы недостатка въ помощникахъ при уборкѣ урожая. Каждый бы постарался собрать для себя побольше.

— По-моему, — сказалъ снова сынъ, — все это небылицы. Удивительно только, что мальчикъ сумѣлъ выдумать такія исторіи. Должно быть, у него мозги немного не въ порядкѣ, вотъ онъ и болтаетъ, что ему взбредетъ въ голову, самъ не понимая что.

Ноно смутно понималъ, что если фермеръ не находилъ достаточно рабочихъ рукъ, чтобы обрабатывать свои поля, то только потому, что онъ хотѣлъ оставить себѣ чуть не все, что давали ему земля и трудъ этихъ другихъ людей, но онъ былъ еще

слишкомъ малъ и не умѣлъ высказать этого фермеру.

— Ну, ладно, — сказалъ онъ, — ты говоришь, что въ Автономіи нѣтъ денегъ, что каждый беретъ, что ему заблагоразсудится. А чѣмъ же платятъ полицейскимъ, которые васъ охраняютъ отъ воровъ?

— Я тамъ ни разу не видалъ полицейскихъ и не слыхалъ про воровъ.

— У васъ нѣтъ ни солдатъ, ни полевыхъ сторожей, ни полицейскихъ? Разсказывай сказки! Этакъ вы всѣ передрались бы между собою изъ-за того, кому попадетъ лучшій кусочекъ.

— Этого ни разу не случилось за все время, пока я тамъ жилъ. Я подрался только одинъ разъ, и то не изъ-за плодовъ, а изъ-за того, что былъ не въ духѣ. Но потомъ мнѣ было такъ стыдно, что я обѣщалъ больше никогда не драться.

— И тебѣ не надоѣдала работа? Признайся-ка лучше: если бъ ты не боялся Солидаріи и Лябора, ты бы радъ былъ радешенекъ попраздновать лишній разокъ, чѣмъ итти съ другими на работу?

— О нѣтъ, наоборотъ, мнѣ было бы ужасно скучно остаться одному, ничего не дѣлая.

Фермеръ съ недовѣріемъ покачалъ головою.

— Если бы ваши дѣти, — продолжалъ Ноно, — когда-нибудь пожалѣли о томъ, что подрались, то, право, они не стали бы драться такъ часто. А теперь вѣдь только колотушками вы ихъ и унимаете.

— Это-то вѣрно: если бъ не это, то они оба то и дѣло ссорились бы, какъ два воробья, — сказалъ сынъ фермера, съ любовью взглянувъ на двухъ своихъ дѣтей. А дѣти слушали разговоръ съ широко открытыми глазами.

— Я вѣдь тоже, — сказалъ Ноно, — когда жилъ у папы съ мамой, все время ссорился со своею сестрой. А въ Автономіи никому какъ-то не хочется ссориться, всѣ за дѣлами, всѣмъ весело.

— Все это, мальчуганъ, — возразилъ фермеръ, — одни бредни. Если бъ людей не заставлять работать, то всякій бы предпочелъ сидѣть сложа руки. Нужны разумные люди, которые бы водворили миръ и порядокъ между остальными людьми. Какъ поживешь здѣсь, у насъ, какъ подрастешь да войдешь въ разумъ, такъ самъ поймешь, что иначе и быть не можетъ.

— Въ Автономіи было иначе, — вздохнулъ Ноно.

— А вѣдь, правду сказать, хозяинъ, — замѣтилъ одинъ изъ работниковъ, — наши дѣды тоже говорили въ родѣ этого: что будто они слыхали отъ своихъ дѣдовъ, — а тѣ опять отъ своихъ, — что не всегда же такъ было, какъ теперь. Не всегда земля была господская; когда-то она принадлежала всѣмъ, и

люди дѣлились между собой урожаемъ. Въ тѣ времена никому не нужно было работать на хозяевъ, всѣ могли ѣсть столько, сколько душа проситъ.

— Глупости говоришь, бабья болтовня! — сердито оборвалъ работника хозяинъ. — Слыхали вы когда-нибудь что-либо подобное, батюшка? — сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и обращаясь къ старику, все время безмолвно сидѣвшему у очага. Старикъ покачалъ головою въ знакъ того, что никогда ничего подобнаго и быть не могло. Тогда фермеръ продолжалъ:

— Во всѣ времена были помѣщики и арендаторы, которые воздѣлывали ихъ землю и давали пропитаніе тѣмъ, кто у нихъ служилъ. Если бы когда-нибудь было такъ, какъ ты говоришь, если бы люди такъ хорошо устроились, то оно бы такъ и осталось. Да что говорить: все это бредни лѣнтяевъ, которымъ бы хотѣлось жить, ничего не работая.

— Да я-то что же? Я не знаю, — сказалъ работникъ. — я повторяю лишь, что люди говорятъ.

— Ты повторяешь чужія глупости. Всегда было такъ, какъ теперь, всегда такъ будетъ. Сыграй-ка лучше намъ, малецъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Ноно, — еще пѣсенку, да и спать. Это будетъ лучше, чѣмъ разсказывать всякую чепуху.

Ноно нехотя началъ играть. Потомъ всѣ стали готовиться ко сну. Работникъ отвелъ музыканта въ хлѣвъ, гдѣ спалъ и самъ, устроилъ ему постель изъ свѣжей соломы въ одномъ изъ угловъ, близъ закрома съ овсомъ.

Разбитый, усталый Ноно тотчасъ же уснулъ, и во снѣ ему грезилась Автономія.

XV
Прибытіе въ Монайю

Проснувшись на другое утро, Ноно почувствовалъ, что онъ нѣсколько отдохнулъ, но все же члены его ныли и болѣли, и онъ охотно бы повалялся еще на свѣжей соломѣ. Но онъ думалъ, что, растягивая свое странствованіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ растягиваетъ и свою нужду и усталость. Ему казалось, что необходимо какъ можно скорѣй добраться до Монайи, что тамъ-то онъ сумѣетъ устроиться и найти работу по силамъ.

Ноно вышелъ изъ хлѣва и очутился на дворѣ. Всѣ мужчины уѣхали уже въ поле. Только молодая жена хозяйскаго сына оставалась дома и кормила куръ, утокъ, гусей и индѣекъ, которыя сбѣгались со всѣхъ сторонъ, кудахтали, гоготали и пищали вокругъ нея разными голосами.

Ноно пожелалъ женщинѣ добраго утра.

— А, это ты, мальчуганъ! Ты уходишь? — Она побѣжала въ домъ и вернулась съ двумя ломтями хлѣба, густо намазаннаго масломъ. — Возьми-ка, дорога тебѣ еще долгая, — сказала она. — Желаю тебѣ удачи, паренекъ!

И вотъ снова нашъ бѣдный другъ оказался на большой дорогѣ, грустный и одинокій. Но теперь онъ уже сталъ привыкать къ своей участи, и потому твердымъ шагомъ шелъ впередъ.

Ноно шелъ уже нѣсколько часовъ и порядкомъ проголодался. Онъ расположился въ тѣни большого дуба, невдалекѣ отъ дороги, и принялся за свои ломти хлѣба съ масломъ. Его мучила жажда, и онъ началъ искать глазами вокругъ себя, нѣтъ ли гдѣ ручейка, гдѣ бы онъ могъ напиться.

Вскорѣ онъ услыхалъ журчанье родника. Ноно припалъ къ водѣ и началъ жадно пить. Напившись, онъ пошелъ снова подъ дубъ, и вдругъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ручья покрытаго кровью крота.

Ноно взялъ его въ руки, отнесъ къ ручью, обмылъ его ранку отъ грязи и смылъ кровь, покрывавшую его нѣжную, бархатную шкурку. Оторвалъ полоску отъ своего носового платка и, перевязавъ кроту ранку, положилъ его у его норки. Кротъ сейчасъ же залѣзъ въ норку, съ трудомъ передвигая лапками.

Отдохнувши немного и покончивъ съ послѣднимъ своимъ ломтемъ хлѣба, Ноно снова двинулся въ путь. Но, несмотря на все стараніе, онъ не могъ добраться до Монайи и въ этотъ день. Ночь захватила его въ открытомъ полѣ, далеко отъ всякихъ деревень и фермъ, гдѣ бы онъ могъ попросить пріюта. Онъ рѣшился ночевать подъ хлѣбнымъ скирдомъ, замѣченнымъ имъ посреди одного изъ загороженныхъ полей, тянувшихся вдоль дороги.

Кто-то, должно быть, уже ночевалъ здѣсь раньше, потому что въ одномъ мѣстѣ снопы были раздвинуты, и между ними виднѣлось углубленіе, гдѣ можно било кое-какъ укрыться отъ ночной свѣжести. Ноно заползъ въ эту, будто нарочно для него приготовленную, спальню и уснулъ, истомленный, голодный, потому что двухъ ломтей хлѣба хватило ему лишь на утренній завтракъ, а больше ему ничего не удалось раздобыть.

Ночь выдалась холодная. Проснувшись по утру, Ноно почувствовалъ, что онъ совсѣмъ окоченѣлъ; къ тому же и голодъ мучилъ его. Ноно началъ вылущивать изъ колосьевъ зерна и ѣсть ихъ, но отъ этого голодъ не уменьшался. Горсть зеренъ Ноно положилъ себѣ въ карманъ на дорогу и снова пустился въ путь. Замѣтно было, что Монайя уже близко: на дорогѣ все больше и больше попадается путниковъ. То и дѣло Ноно обгоняли или попадались ему на встрѣчу тяжело нагруженныя телѣги, въ городъ везли муку, овощи и другіе припасы, изъ города телѣги возвращались пустыми, или же нагруженныя мебелью, машинами, тканями. Видно было, что въ Монайѣ идетъ бойкая торговля и работаетъ множество фабрикъ. По бокамъ дороги все чаще попадались строенія. Наконецъ дома пошли сплошной улицей.

Это было предмѣстье Монайи.

Когда дорога поднялась на холмъ, Ноно увидалъ у своихъ ногъ раскинувшійся огромный городъ. Длинныя прямыя улицы тянулись вдаль и пересѣкались между собой. Дворцы и церкви высоко поднимались къ небу своими шпицами, колокольнями и золочеными куполами.

Ноно остановился. Городъ пугалъ его уже издали. Какая-то судьба ожидала его здѣсь? Онъ долго стоялъ въ раздумьи. Ему вспомнились всѣ его приключенія въ пути, его жизнь въ Автономіи, его товарищи, родители, которыхъ ему, быть-можетъ, больше не суждено увидѣть, и слезы навернулись у него на глазахъ. Ноно сталъ спускаться по дорогѣ къ городскимъ воротамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ всходилъ уже на подъемный мостъ, черезъ который попадали въ самый городъ, окруженный зубчатыми стѣнами, съ четырехугольными и круглыми башнями.

На верхушкѣ одной изъ башенъ развѣвалось знамя Плутуса — большой желтый флагъ, усѣянный красными пятнами; посреди нѣ флага былъ вышитъ вампиръ съ распростертыми крыльями.

Стѣна города была отдѣлена отъ предмѣстій широкимъ рвомъ, полнымъ воды. Надъ подъемнымъ мостомъ высилась большая четырехугольная башня, на ней спрятаны были вооруженные люди, охранявшіе ворота. Тяжелая желѣзная рѣшетка, теперь поднятая кверху, готова была немедленно опуститься въ случаѣ тревоги.

Проходя по мосту, Ноно видѣлъ длинную вереницу нагруженныхъ всякими припасами телѣгъ, стоявшихъ передъ мостомъ. Вотъ стража остановила крестьянку, несущую корзины въ рукахъ. Стражники были люди, но головы ихъ удивительно напоминали головы хорьковъ, такъ что Ноно даже не могъ разобрать: человѣческія это головы или головы животныхъ.

Стражники стали шарить въ корзинахъ крестьянъ, гдѣ сидѣли куры, кролики и находились овощи. Перевернувши все сверху донизу, они что-то записали въ книжку, оторвали изъ нея половину странички и отдали ее крестьянкѣ, а она уплатила имъ нѣсколько монетъ и пошла дальше.

За нею стражники осмотрѣли какого-то путешественника, шедшаго съ чемоданомъ въ рукѣ. Два существа съ хорьковыми лицами заставили его открыть чемоданъ, выбросили все изъ него на землю, сбивши въ одну кучу чистое и грязное бѣлье, потомъ поставили на его чемоданъ значекъ и перешли къ слѣдующему путнику.

Другія существа, такъ же одѣтыя и съ такими же удивительными лицами, осматривали телѣги, пропускали ихъ

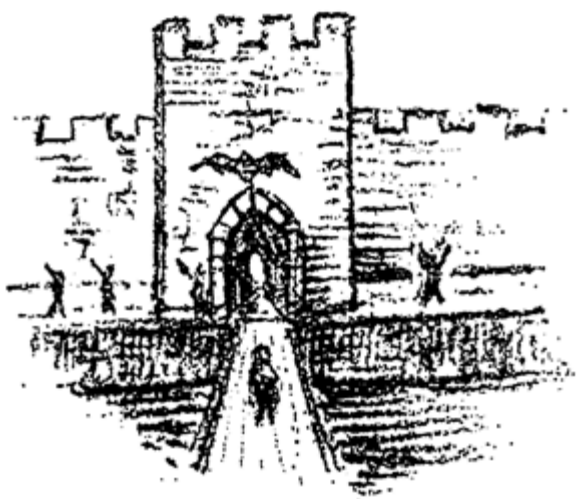
дальше лишь послѣ тщательнаго осмотра. За пропускъ каждой телѣги они брали деньги.

У Ноно не было съ собой никакой поклажи, и онъ прошелъ безъ всякихъ препятствій, но его все же осмотрѣли и ощупали съ ногъ до головы, не прячетъ ли онъ чего подъ платьемъ.

На нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга стояли на часахъ солдаты. Другіе солдаты, ожидавшіе своей очереди стать на часы, толпились у дверей караулки, куря, смѣясь и развлекаясь разными играми. Солдаты были разныхъ сортовъ. Стоявшіе на часахъ стражники были вооружены длинными пиками. Сабля на перевязи висѣла у нихъ на боку. Желѣзная броня покрывала ихъ грудь, каска съ перомъ осѣняла имъ голову. Это были, должно быть, старые вояки, — у нихъ были сѣдые усы.

Но замѣчательно, что у этихъ солдатъ, какъ и у тѣхъ, которые обыскивали прохожихъ, были тоже совсѣмъ особенныя физіономіи, — въ одно и то же время и человѣческая и звѣриная, то лица ихъ напоминали морду тигра, то лицо человѣка.

Другіе солдаты, помоложе, были вооружены самострѣлами; на нихъ были лишь плащи изъ буйволовой кожи, а на головѣ шапочки съ соколинымъ перомъ на боку. Ихъ лица выглядѣли не такъ свирѣпо. Они напоминали Ноно скорѣй бульдоговъ. Ноно нужно было спѣшить войти въ городъ, и онъ, какъ ни былъ пораженъ, не сталъ разсматривать всѣхъ этихъ странныхъ людей.



XVI
Прогулка по МонайѢ

Издали городъ показался Ноно великолѣпнымъ, но теперь онъ видѣлъ налѣво и направо узкія, мрачныя улички. По бокамъ этихъ улицъ тѣснились покосившіеся домишки, грязные и жалкіе.

Дальше эти жалкія улички мало-по-малу смѣнились болѣе широкими улицами, съ болѣе чистымъ воздухомъ и болѣе опрятными домами; улицы были хорошо вымощены и усажены огромными деревьями.

Наконецъ, Ноно вышелъ на еще болѣе широкую, длинную улицу, конецъ которой терялся изъ виду. Деревья тянулись съ обѣихъ сторонъ ея въ нѣсколько рядовъ. По временамъ встрѣчались площадки, украшенныя большими бассейнами, изъ средины которыхъ били великолѣпные фонтаны водяными снопами. Вокругъ этихъ бассейновъ красовались клумбы разноцвѣтныхъ цвѣтовъ.

Мимо проѣзжали роскошные экипажи. Въ нихъ сидѣли, развалясь, роскошно одѣтыя дамы и изящные господа. Лошадьми управляли кучера въ блестящихъ ливреяхъ, а чудныя лошади били копытами и гордо подымали свои головы.

Если бы Ноно, пройдя всю страну, не видалъ столько нужды, то онъ бы, пожалуй, повѣрилъ, что сбываются обѣщанія толстаго господина. Но теперь онъ слишкомъ хорошо зналъ, сколько горя, вражды и нужды за чертой этихъ нарядныхъ улицъ, и только удивлялся, какъ эти несчастные бѣдняки могутъ выносить свою бѣдноту и считать, что все въ царствѣ Плутуса идетъ такъ, какъ должно итти и ничто не можетъ измѣниться и какъ эти развлекающіеся богачи могутъ спать, ѣсть, веселиться, когда

знаютъ, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ люди валятся отъ голода и подъ тяжестью непосильнаго труда.

Несмотря на богатые наряды красивыхъ господъ, несмотря на пышныя кружева дамъ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, на первый взглядъ, казались прелестными, Ноно показалось, что эти люди слегка смахиваютъ на свиней, которыхъ откармливаютъ на убой.

Ноно направился по одной изъ аллей, удивляясь тому, что видѣлъ вокругъ себя. Тамъ на скамьяхъ подъ деревьями сидѣли толстыя, краснолицыя женщины, въ головныхъ уборахъ изъ газа и широкихъ лентъ, съ большими шалями на плечахъ; около нихъ играли дорогими игрушками разодѣтыя дѣти. Нѣкоторыя изъ женщинъ держали на рукахъ младенцевъ, которые не могли еще бѣгать и играть съ остальными дѣтьми; отъ времени до времени онѣ кормили ихъ грудью. Ноно сообразилъ, что это дѣти тѣхъ господъ, которые катаются теперь въ экипажахъ. Женщины же, смотрѣвшія за ними, — ихъ няньки и кормилицы. Эти женщины походили немного на корову Мабъ — «Бѣлянку». Только «Бѣлянка» казалась добрѣе.

Въ кіоскахъ, стоявшихъ среди деревьевъ, продавались игрушки, пирожки и всякія лакомства. Ноно, позабывшій было свой голодъ, увидавъ все это, вдругъ почувствовалъ, что ему страшно хочется ѣсть. Онъ уже зналъ, что въ Плутократіи нужно имѣть деньги, коли хочешь что-нибудь имѣть, а денегъ-то у него и не было.

Тутъ онъ вспомнилъ про свою гармонику. Онъ остановился недалеко отъ одной изъ группъ дѣтей и началъ играть самыя увлекательныя изъ своихъ пѣсенокъ. На его музыку никто не обратилъ никакого вниманія. Долго игралъ мальчикъ, наконецъ, уложилъ свой инструментъ обратно въ карманъ, такъ какъ его единственнымъ заработкомъ оказался лишь надкушенный пирожокъ, брошенный кѣмъ-то изъ дѣтей на землю.

Ноно побрелъ дальше. Вотъ онъ замѣтилъ еще кучку дѣтей, которыя хотѣли бы поиграть съ хорошо одѣтыми дѣтьми, но такъ какъ ихъ платья были нѣсколько поношены, то хорошо одѣтыя дѣти съ презрѣніемъ гнали ихъ отъ себя, няньки же ихъ сердито ворчали, возмущаясь тѣмъ, что какіе-то оборвыши смѣютъ лѣзть къ ихъ барчатамъ. А прохаживавшійся взадъ и впередъ тутъ же по аллеямъ солдатъ, одѣтый въ черное съ красными выпушками, съ большою шпагой на боку, прикрикнулъ на маленькихъ оборвышей, что онъ сведетъ ихъ въ тюрьму, если они не уберутся отсюда.

Еще немного дальше Ноно увидалъ женщину въ лохмотьяхъ. Она вела за собой двухъ ребятишекъ, а третьяго, маленькаго,

несла на рукахъ. Она молила о состраданіи изящныхъ господъ и прелестныхъ дамъ, проходившихъ по широкимъ панелямъ, но они не обращали на нее вниманія.

Впрочемъ, одна красивая дама, моложе другихъ, остановилась и положила ей что-то въ руку. Но только она отошла, какъ солдатъ въ черномъ плащѣ подскочилъ къ несчастной, схватилъ ее за руку и грубо сказалъ:

— На этотъ разъ ты мнѣ попалась! Опять выпрашиваешь милостыню. Иди-ка за мной къ судьѣ, а оттуда въ тюрьму.

И, несмотря на крики ея ребятишекъ, несмотря на ея мольбы, солдатъ утащилъ ее съ собой.

Ноно остановился, пораженный тѣмъ, что видѣлъ, и только когда солдатъ, женщина, а за ней и плачущіе ребятишки скрылись изъ виду, онъ пошелъ дальше.

Вскорѣ Ноно пришелъ на большую площадь. Посреди площади стоялъ какой-то памятникъ, огороженный со всѣхъ сторонъ цѣпями, прикрѣпленными къ каменнымъ тумбамъ, такъ что къ памятнику нельзя было даже подойти.

Въ концѣ этой площади виднѣлся замокъ съ зубчатой стѣною, съ высокой башенкой наверху. На гребнѣ башни развѣвался флагъ. Ноно догадался, что это королевскій дворецъ. Вокругъ дворца кишѣло множество солдатъ. Ихъ свирѣпыя лица показались опять Ноно мордами тигровъ. Одѣты они были богато и вооружены съ ногъ до головы. Ноно стало жутко.

Замокъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ широкимъ рвомъ и высокимъ палисадомъ. Приближаться къ замку было строго воспрещено. Взадъ и впередъ ходили патрули солдатъ, и то и дѣло слышался ихъ суровый окрикъ: «Разойдитесь, прошу расходиться, не останавливайтесь!»

Надъ воротами были вырѣзаны на каменномъ щитѣ гербъ и оружіе Плутуса съ его девизомъ: «Деньги и сила выше правды».

Ноно повернулъ влѣво и очутился въ улицѣ, которая шла вдоль, все больше и больше суживаясь. Скоро онъ добрался до квартала съ узенькими переулочками, съ почернѣвшими и облупившимися домиками. Здѣсь жила бѣднота. Мучимый голодомъ и усталостью, Ноно опустился на уличную тумбу и съ отчаяніемъ началъ обдумывать свое положеніе.

Ощупывая безсознательно свои карманы, въ надеждѣ найти, быть-можетъ, въ нихъ хоть случайно завалившуюся корку хлѣба, онъ вдругъ нащупалъ золотую вѣточку, данную ему Плутусомъ, когда тотъ старался убѣдить Ноно итти за собой. Мальчикъ совершенно позабылъ о ней.

Ноно вынулъ вѣточку и сталъ ее разсматривать, но, вопреки обѣщаніямъ Плутуса, палочка ничуть не выросла съ тѣхъ поръ,

какъ попала ему въ руки. Впрочемъ, можетъ-быть, и эта вѣточка обладаетъ свойствомъ большихъ вѣтокъ, какъ говорилъ Плутусъ.

И Ноно, чтобы испытать ее, пожелалъ имѣть сейчасъ же роскошный обѣдъ, мягкую постель и волшебную колесницу, которая бы доставила его прямо къ родителямъ, или въ Автономію и освободила его изъ этой страны заботъ и нищеты.

Но Ноно продолжалъ все также сидѣть на жесткой каменной тумбѣ, и все также у него не было ни крошки хлѣба, чтобы положить ее въ ротъ. Плутусъ обманулъ его рѣшительно во всемъ. Съ досады Ноно готовъ былъ далеко забросить свою вѣточку. Но, поднявъ глаза, онъ замѣтилъ напротивъ маленькую лавочку золотыхъ дѣлъ мастера, гдѣ выставлены были напоказъ золотыя и серебряныя вещи.

Ноно подумалъ, что, можетъ-быть, ему удастся продать въ лавочкѣ свою вѣточку и на вырученныя деньги поѣсть.

Мастеръ сидѣлъ за своимъ столомъ. Это былъ маленькій старичокъ, съ носомъ, изогнутымъ, какъ клювъ хищной птицы;

онъ чинилъ золотую сережку. Мастеръ поднялъ глаза на посѣтителя, но, не сочтя его, какъ видно, по внѣшности за настоящаго покупателя, къ какимъ онъ привыкъ, онъ сердито спросилъ его, что ему нужно.

Ноно показалъ старику золотую вѣточку и спросилъ, не купитъ ли онъ ее. Золотыхъ дѣлъ мастеръ подозрительно посмотрѣлъ на него и освѣдомился, откуда онъ ее взялъ.

Ноно разсказалъ, какъ попала къ нему эта вѣточка. Онъ надѣялся получить за нее побольше и нѣсколько разъ повторилъ, что вѣточка эта отломана отъ жезла короля. Онъ подробно объяснилъ чудесныя свойства вѣточки, про которыя говорилъ ему самъ Плутусъ.

Мастеръ съ пренебреженіемъ взвѣшивалъ вѣточку на рукѣ.

— Все это ты сочиняешь, малецъ, — сказалъ онъ съ насмѣшкой. — Да, впрочемъ, мнѣ все равно, откуда бы ты ни добылъ ее, лишь бы она была дѣйствительно золотая. Если хочешь продать мнѣ свою вѣточку, то я, пожалуй, дамъ за нее двѣ большихъ серебряныхъ монеты, — да и то только тебя жалѣя, себѣ въ убытокъ…

Ноно не зналъ, что палочка стоила въ десять разъ дороже, и потому съ радостью взялъ предложенныя ему двѣ монеты и тотчасъ же побѣжалъ къ булочнику купить себѣ хлѣба.

Потомъ онъ купилъ нѣсколько яблокъ у старухи разносчицы и, подкрѣпившись немного, сталъ размышлять, гдѣ бы ему теперь разыскать ночлегъ. Съ этой мыслью онъ пошелъ бродить по улицамъ, высматривая вывѣску какой-нибудь гостиницы. Вдругъ Ноно услыхалъ невдалекѣ страшный крикъ. Онъ оглянулся и увидалъ, что маленькій мальчикъ лѣтъ 5 или 6 играетъ на мостовой, а прямо на него мчится въ галопъ экипажъ. Мать мальчика остолбенѣла, увидавъ опасность, угрожавшую ея сыну. Ея-то крикъ и услыхалъ Ноно.

Однимъ прыжкомъ онъ очутился около мальчика и во-время успѣлъ схватить его, но не устоялъ на ногахъ и повалился въ канаву. Карета проѣхала, не задѣвъ ихъ.

Когда они встали, мать была надъ ними. Она обнимала своего малютку, смѣясь и плача въ одно и то же время.

Такъ какъ Ноно весь выпачкался въ канавѣ, то мать увела и его къ себѣ. Она жила напротивъ, въ маленькой квартирѣ. Ея мужъ занимался починкой платья.

Встревоженный ихъ взволнованными лицами, портной спросилъ, что случилось. Жена, вся еще въ слезахъ, разсказала ему, что произошло.

Портной поблагодарилъ Ноно и сейчасъ же сталъ бранить ребенка, называя его несноснымъ, гадкимъ мальчишкой, который не можетъ ни минуты посидѣть спокойно и не знаетъ, чѣмъ бы досадить своимъ родителямъ. Потомъ отецъ наградилъ его парой шлепковъ и отправилъ въ уголъ.

Мать ребенка заставила Ноно раздѣться, чтобъ вымыть его платье. Пока оно сушилось, Ноно долженъ былъ разсказать мужу и женѣ о своихъ несчастіяхъ и объяснить, какъ онъ очутился одинъ на улицахъ Монайи въ поискахъ за кровомъ и работой.

Обитатели лачужки пришли въ восторгъ отъ чудесныхъ разсказовъ объ Автономіи и забросали Ноно вопросами о самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ.

Портной сказалъ, что онъ уже слышалъ объ Автономіи отъ прохожихъ рабочихъ, но что все это казалось ему до сихъ поръ такимъ несбыточнымъ, что онъ считалъ это за сказку.

Пока портной говорилъ, Ноно присматривался къ нему и его женѣ и нашелъ, что лица ихъ нѣсколько похожи на морду барана.

Узнавъ положеніе Ноно, мужъ и жена посовѣтовались и предложили Ноно остаться у нихъ. Они обѣщали ему кровъ и пищу, но за это онъ долженъ будетъ помогать портному въ его работѣ. Если Ноно будетъ прилеженъ, то ему портной даже обѣщалъ назначить небольшую плату.

Ноно съ радостью согласился на это предложеніе, а портной былъ радъ, что пріобрѣлъ безплатнаго работника.

XVII
Обученіе Ноно продолжается

На другой день Ноно разбудили рано. Пора было приниматься за работу.

Посадивъ его рядомъ съ собой на верстакъ, портной научилъ его подгибать подъ себя ноги, чтобъ занимать меньше мѣста. Потомъ онъ далъ ему стачать два куска сукна и показалъ ему, какъ ихъ нужно держать, какъ втыкать и выдергивать иголку.

Ради разнообразія портной посылалъ Ноно относить къ заказчикамъ оконченное платье.

Когда насталъ вечеръ, Ноно еще ни минуты не былъ безъ дѣла. Только для Ѣды отрывался онъ отъ работы и то, быстро покончивъ съ Ѣдой, принимался за работу. Къ вечеру Ноно изнемогалъ отъ усталости.

А Ѣда? Прощайте всѣ вкусные фрукты и всѣ лакомства Автономіи! На ужинъ ему давали скверный супъ изъ обрѣзковъ овощей съ кусочкомъ сала и нѣсколькими ломтиками чернаго хлѣба. Въ полдень нѣсколько картофелинъ. Въ праздникъ къ картофелю добавлялся кусочекъ жиру или дешеваго мяса. И это не потому, чтобъ портной и его жена были дурные люди. Они не обижали Ноно, они сами работали не покладая рукъ и Ѣли то же, чѣмъ кормили мальчика. И скупы не были портной и его жена, и денегъ не копили. Но съѣстные припасы въ Монайѣ были дороги, а за работу платили гроши. Чтобъ сводить концы съ концами, приходилось измучиваться за работой и Ѣсть впроголодь. Такъ жили въ Монайѣ всѣ тѣ, кто былъ принужденъ работать на другихъ.

— Да я еще, — говорилъ портной, — сравнительно счастливъ, я шью прямо на заказчиковъ. Тѣ же, кто должны итти работать на фабрики, — и портной указалъ на большія зданія безъ оконъ, съ стеклами въ крышѣ, съ огромными, вѣчно дымящими трубами, — доля тѣхъ еще хуже. Они заперты цѣлый день въ душной, пыльной мастерской, они вѣчно работаютъ подъ надзоромъ надсмотрщиковъ, вѣчно ихъ подгоняютъ и стращаютъ хозяиномъ, они должны работать безостановочно, не смѣя ни минуты поднять головы, не смѣя говорить другъ съ другомъ, такъ какъ при малѣйшемъ нарушеніи правилъ имъ дѣлали вычетъ изъ ихъ заработной платы.

Эти фабрики принадлежали тѣмъ людямъ, которые катаются въ роскошныхъ экипажахъ тѣнистыми аллеями главной улицы Монайи. На фабрикѣ этихъ господъ никогда не видали. Наблюдали за работами на ихъ фабрикахъ смотрителя и управляющіе, набранные изъ рабочихъ же, имъ платили нѣсколько больше, чѣмъ простымъ рабочимъ, и они защищали интересы хозяевъ.

Тѣ богачи, у которыхъ не было фабрикъ, владѣли полями, лѣсами и лугами. Свои имѣнія они поручали управляющимъ, а управляющіе заставляли работать на нихъ крестьянъ. И когда крестьяне кончали сборъ хлѣба или винограда, управляющій бралъ большую часть урожая, оставляя имъ лишь столько чтобы они не подохли съ голоду.

Третьи владѣли домами. Тотъ человѣкъ, которому принадлежалъ домъ, въ которомъ жилъ портной, одинъ владѣлъ болѣе чѣмъ ста домами въ Монайѣ. И тѣ, у кого не было домовъ, были принуждены платить то, что вздумаютъ потребовать отъ нихъ за право жить въ этихъ домахъ.

Были и такіе богачи, у которыхъ не было ни фабрикъ, ни полей, ни домовъ, но они покупали у однихъ, перепродавали другимъ и на этомъ наживали богатство.

Ноно слушалъ разсказы портного и не понималъ, какъ это устроили богачи такъ, что на каждаго изъ нихъ работаютъ тысячи рабочихъ. Не могъ понять, почему эти тысячи соглашаются работать не на себя и свою семью, а на богача. Онъ пытался разспросить объ этомъ своего хозяина, но тотъ плохо понималъ его.

— Что ты говоришь! Какъ не на себя работаютъ рабочіе? Да если бы они не голодали, то развѣ они пошли бы работать? Нѣтъ, они еще рады, когда получатъ какой-нибудь заработокъ и смогутъ заработать что-нибудь.

— Но, вѣдь, если бы рабочіе не работали на фабрикахъ богача, на его поляхъ и въ его садахъ, вѣдь богачъ не былъ бы

богатъ, у него ничего бы не было, — недоумѣвалъ Ноно. — Отчего же рабочіе не откажутся работать за гроши?

— Попробуй, откажись! А солдаты на что, полиція? Нѣтъ, они заставятъ работать.

— Да вѣдь и солдаты тотъ же народъ, какъ же они будутъ заставлять своихъ же братьевъ?

— Какъ? Да прикажетъ начальство и пойдутъ заставлять, а кто не пойдетъ, съ тѣмъ ужъ сумѣютъ расправиться.

Проходили дни въ разговорахъ и въ работѣ. Ноно познакомился съ городомъ, разнося заказы или бѣгая въ лавки за покупками.

Иногда въ воскресенье, когда не было очень спѣшной работы, портной выходилъ на прогулку съ своимъ ребенкомъ. Ноно сопровождалъ ихъ. Они гуляли по богатымъ кварталамъ, любуясь товарами, разложенными въ окнахъ магазиновъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Ноно научался своему новому мастерству, становясь съ каждымъ днемъ все полезнѣе своему хозяину, и положеніе Ноно понемножку улучшалось. Однажды, когда портной смогъ отложить на черный день золотую монету, онъ далъ Ноно серебряную монетку. Это ему казалось огромнымъ великодушіемъ, хотя онъ далъ Ноно лишь одну двадцатую часть того, что получилъ благодаря труду Ноно.

Портной былъ недурной человѣкъ, но ему казалось, что такъ и должно заставлять Ноно работать и брать всю выгоду себѣ. Такъ всегда дѣлалось въ Плутократіи.

Если работы будетъ достаточно, портной, конечно, возьметъ себѣ и второго подмастерья, потомъ наймет и хорошихъ рабочихъ, и тогда какъ будетъ хорошо, «зарабатывая» ихъ руками, разбогатѣть, и ему останется лишь выбирать: купить ли домъ или построить фабрику. Когда эти мысли овладѣвали имъ, Ноно казалось, что выраженіе лица его мѣнялось: вмѣсто овцы онъ становился похожимъ на коршуна.

XVIII
Ноно арестовываютъ

Время шло, и Ноно мало-по-малу привыкалъ къ своей новой жизни. Онъ усиленно работалъ и не пользовался никакими удовольствіями. А отдыха и радостей ему очень хотѣлось.

Единственными хорошими минутами для Ноно были тѣ, когда друзья портного приходили провести съ нимъ вечеръ. Между ними были двое или трое, которые очень нравились Ноно. У этихъ рабочихъ были только человѣческія лица, и Ноно не могъ подмѣтить сходства ни съ какимъ животнымъ.

Когда Ноно разсказывалъ имъ о жизни въ Автономіи, гости портного слушали его съ восхищеніемъ, но мало вѣрили его разсказамъ, или говорили, что все это хорошо для Автономіи, но что для плутократовъ такая жизнь невозможна. Здѣсь необходимо, чтобъ богатые заставляли работать бѣдныхъ, чтобы были законы, жандармы и тюрьмы для недовольныхъ.

Другіе прибавляли:

— Если не будетъ ни полиціи, ни стражи, здѣсь васъ убьютъ на улицѣ и украдутъ у васъ послѣднее!

И только тѣ двое или трое, которые такъ нравились Ноно, вѣрили разсказамъ Ноно и не понимали, почему бы и имъ не жить такъ, какъ живутъ въ Автономіи. Если бы всѣ работали и

никто не наживалъ богатства, то имъ не приходилось бы трудиться по четырнадцати часовъ въ сутки за гроши.

По мѣрѣ того, какъ достатокъ портного росъ, онъ все меньше и меньше прислушивался къ разсказамъ Ноно, зато его три товарища и еще кое-кто стали частенько собираться и вести безконечные разговоры и споры о томъ, возможно ли ввести порядки Автономіи и у нихъ и какъ это сдѣлать.

И мало-по-малу вѣсть объ этихъ разговорахъ стала распространяться. Обитатели сосѣднихъ кварталовъ стали приходить слушать эти разговоры о странѣ Автономіи.

Многіе находили ихъ прекрасными, всѣмъ бы хотѣлось пожить въ такой странѣ, но мало было такихъ, которые бы сказали: «И мы здѣсь могли бы жить такъ». Если находился среди нихъ одинъ такой, то всѣ признавали его немного «того», то-есть не въ своемъ умѣ.

Тѣмъ временемъ объ этихъ разговорахъ прослышали и въ другихъ частяхъ города. О нихъ говорили при выходѣ изъ мастерскихъ и въ трактирахъ. Это дошло до слуха начальника города, и въ одно прекрасное, скорѣе — скверное — утро въ квартиру портного явилась полиція, все перешарила и перевернула вверхъ дномъ.

Полиція захватила нѣсколько писемъ, полученныхъ портнымъ отъ родныхъ. Въ этихъ письмахъ они ему сообщали новости о семьѣ, коровѣ, свиньяхъ. Главный агентъ покачалъ съ серьезнымъ видомъ головой, читая эти письма, и сказалъ, что это непремѣнно что-то значитъ, и заявилъ портному, что если и оставляетъ его на свободѣ, то только благодаря тѣмъ хорошимъ свѣдѣніямъ, которыя онъ собралъ на его счетъ.

Потомъ онъ нашелъ съ полдюжины номеровъ *Офиціальной Газеты* Плутократіи, велѣлъ ихъ присоединить къ дѣлу, неодобрительно покачалъ головою и сказалъ, что дѣло становится серьезно, очень серьезно! Потомъ, въ конецъ перевернувъ все, чѣмъ владѣлъ портной, полиція ушла и увезла съ собой Ноно. Его обвиняли въ намѣреніи нарушить общественное спокойствіе разсказами, способными возбудить гражданъ однихъ противъ другихъ. Портного же предупредили, что его оставляютъ на свободѣ, но что онъ тоже долженъ явиться въ свое время на судъ, такъ какъ, очевидно, и онъ не безгрѣшенъ въ преступленіи Ноно.

Закованный въ цѣпи, Ноно былъ отведенъ въ тюрьму и запертъ въ камеру. Оконце подъ самымъ потолкомъ пропускало немного свѣта, а взглянуть въ окошечко не было возможности.

Оставшись одинъ, Ноно опустился на большой камень, лежавшій въ углу камеры, и сталъ размышлять о томъ, что съ

нимъ случилось. Онъ думалъ о родителяхъ, о братьяхъ и сестрахъ, думалъ о своихъ друзьяхъ въ Автономіи и плакалъ горькими слезами при мысли, что онъ, быть-можетъ, ихъ больше никогда не увидитъ.

Днемъ тюремщикъ принесъ ему кружку воды и, черноватый[15] хлѣбъ, горькій и съ плѣсенью. Но Ноно не чувствовалъ голода и не дотронулся до пищи.

Когда настала ночь, онъ легъ на солому, брошенную въ углу, и, наплакавшись вволю, наконецъ заснулъ.

Ноно спалъ тяжелымъ сномъ и часто просыпался, весь дрожа, покрытый холоднымъ потомъ.

То ему снилось, что его тащили къ ужаснымъ звѣрямъ люди въ длинныхъ черныхъ и красныхъ одеждахъ, то царь Плутусъ, подъ видомъ жука-могильщика, копалъ подъ нимъ землю, собираясь его похоронить живымъ, или подъ видомъ вампира высасывалъ изъ него кровь. Ноно чувствовалъ, какъ жизнь медленно уходитъ изъ его жилъ, и не могъ ни крикнуть, ни вырваться и убѣжать.

На другой день онъ проснулся страшно разбитый. Днемъ за нимъ пришли въ его камеру два вооруженныхъ стража и повели его по длиннымъ коридорамъ, по какимъ-то лѣстницамъ. Они ввели его, наконецъ, въ большой залъ; здѣсь за столомъ сидѣли два человѣка. Одинъ изъ нихъ, особенно важный и свирѣпый на видъ, былъ, должно быть, начальникъ. Его лицо напоминало голову гіены. Передъ вторымъ лежала бумага и стояла чернильница, очевидно, это былъ письмоводитель.

Ноно посадили предъ человѣкомъ съ головой гіены, и тотъ спокойно, медленно сталъ спрашивать: «Какъ ваше имя и фамилія».

— Такъ какъ вы меня арестовали, то вы должны знать, кто я, — сказалъ Ноно.

— Въ вашихъ интересахъ приглашаю васъ уважать правосудіе и чистосердечно отвѣчать на вопросы. Знаете ли вы, почему васъ арестовали?

— Я жду, чтобы вы мнѣ это сообщили.

— Не прикидывайтесь невиннымъ, вы прекрасно знаете, что вы побуждали къ неповиновенію законамъ, къ неуваженію нашего всемогущаго монарха, проповѣдывали возмущеніе противъ нашихъ святыхъ учрежденій.

Ноно не понималъ хорошенько, въ чемъ и какъ онъ провинился, и ничего не сказалъ.

— Видите, вы молчите, не рѣшаетесь опровергать свое преступленіе. Ну же, дитя мое, сознавайтесь чистосердечно. Сознаніе облегчитъ вашу участь и участь вашихъ сообщниковъ, —

сказалъ гіена сладкимъ голосомъ.

— Вашъ всемогущій повелитель — негодяй. Онъ возмутительно обманулъ меня и самъ унесъ изъ Автономіи! — воскликнуть Ноно въ слезахъ. — Мнѣ всегда хотѣлось уйти изъ вашей гадкой страны, но никто мнѣ не могъ указать дороги назадъ.

Гіена воздѣлъ руки къ небу, какъ бы приходя въ ужасъ отъ словъ мальчика.

— Стражи, — крикнулъ онъ, — возьмите этого преступника, отведите его обратно въ темницу. Его преступленіе очевидно.

Много долгихъ дней Ноно сидѣлъ въ тюрьмѣ и не видалъ никого. Разъ только какое-то существо въ черномъ одѣяніи съ маленькимъ бѣлымъ нагрудничкомъ посѣтило его, говорило съ нимъ о томъ, что будетъ съ Ноно послѣ смерти. Онъ говорилъ вкрадчиво, сладкимъ голосомъ, но Ноно видѣлъ его жесткіе глаза, его хитрую усмѣшку, и это вовсе не располагало его къ разговору. Онъ былъ измученъ тюрьмой и мечталъ о волѣ, о смерти же онъ не думалъ.

Тюремщикъ ежедневно приносилъ, не говоря ни слова, хлѣбъ и кружку воды. Ноно иногда казалось, что онъ сойдетъ съ ума отъ вѣчнаго одиночества и молчанія.

Что-то теперь дѣлаютъ его отецъ и мать? Знаютъ ли они, гдѣ онъ? А его друзья въ Автономіи? Что они думаютъ о немъ? А его хозяинъ портной, не потревожили ли и его? Можетъ-быть, его арестовали, и его семья теперь въ нуждѣ? Всѣ эти вопросы мучили Ноно, но получить на нихъ отвѣта было неоткуда.

Чтобъ отогнать ихъ, узникъ шагалъ вдоль и поперекъ по своей камерѣ, считая плиты, но это не мѣшало ему думать.

Утомленный Ноно садился на свой камень, сжималъ голову руками и снова думалъ и думалъ.

XIX
Судъ

Такъ шли еще и еще дни. Однажды утромъ четыре солдата пришли за нимъ и повели его куда-то сначала подземнымъ коридоромъ, потомъ вверхъ по лѣстницѣ и снова по какимъ-то коридорамъ и, наконецъ, ввели его въ большую залу, полную народа.

Во всѣхъ концахъ залы были разставлены солдаты съ пиками.

Ноно посадили въ особомъ отдѣленіи, устроенномъ въ одномъ концѣ залы. Напротивъ него было другое отдѣленіе, въ которомъ сидѣли двѣнадцать присяжныхъ, жителей Монайи. Въ глубинѣ залы поднималась эстрада. На эстрадѣ стояли какая-то конторка и каѳедра.

Вдали за конторкой сидѣли богатые и знатные жители Монайи.

А у входа въ залу, за низкой перегородкой, толпились монайцы побѣднѣе.

Недалеко отъ Ноно на трибунѣ сидѣлъ еще какой-то человѣкъ, котораго Ноно видѣлъ во время допроса.

Когда Ноно былъ посаженъ въ отведенный ему уголъ, существо съ головою, напоминающею голову ворона, прокричалъ: «Судъ идетъ!» И на эстрадѣ появились четыре господина. Трое изъ нихъ были одѣты въ черныя одежды, а четвертый въ красное платье. У всѣхъ на головахъ были какія-то необычайныя шапки, а платье было обшито широкимъ золотымъ позументомъ.

Одѣтый въ красное напомнилъ Ноно своимъ видомъ ястреба. Онъ сѣлъ на маленькой трибунѣ возлѣ присяжныхъ. Трое черныхъ сѣли за конторку. Всѣ они удивительно напоминали хищныхъ птицъ.

Одинъ изъ нихъ поднялся, держа въ рукахъ кипу бумагъ, и

сталъ читать то, что тамъ было написано. Это былъ обвинительный актъ противъ Ноно. Когда онъ кончилъ, другой черный, сидѣвшій посреди конторки, началъ допрашивать Ноно. Грозилъ ему суровымъ наказаніемъ, если онъ и тутъ будетъ такъ же неуважителенъ къ закону, властямъ и его величеству, какъ и на слѣдствіи.

— Признаете ли вы, — началъ онъ допросъ, — что говорили предъ нѣсколькими плутократами о странѣ, называемой Автономіей, гдѣ, по вашимъ словамъ, всѣ продукты принадлежатъ всѣмъ, гдѣ будто бы нѣтъ ни законовъ, ни полиціи, ни судей и гдѣ каждый можетъ жить, какъ хочетъ?

— Конечно, говорилъ. Вѣдь я же тамъ жилъ, когда меня похитилъ Плутусъ, чтобъ увести меня въ свою гадкую страну. А здѣсь только меня мучаютъ.

— Господа присяжные, вы слышите, съ какимъ цинизмомъ сознается обвиняемый въ своемъ преступленіи, — завопилъ красный человѣкъ. И, кромѣ того, онъ виновенъ въ оскорбленіи величества.

— Признаете ли вы, — продолжалъ предсѣдатель, — что призывали вашихъ слушателей къ возстанію, приглашая ихъ сговориться между собой и обходиться безъ господъ, которые ихъ охраняютъ?

— Я не знаю, кормятъ ли господа рабочихъ и охраняютъ ли кого-нибудь законы, но я знаю, что въ Автономіи ничего этого у насъ не было, и мы были гораздо счастливѣе. Я дѣйствительно говорилъ это потому, что думаю, что это правда.

— Такъ-съ! Теперь вы можете сѣсть, — произнесъ предсѣдатель. — Изъ вашихъ признаній, ваше преступленіе очевидно; для насъ этого было бы достаточно, но такъ какъ мы — представители правосудія, то мы не хотимъ, чтобъ и въ умахъ присяжныхъ осталось какое-либо сомнѣніе. Теперь мы выслушаемъ нѣсколькихъ свидѣтелей, которые разскажутъ, что они отъ васъ слышали.

Первый свидѣтель оказался однимъ изъ трехъ друзей Ноно; онъ пытался говорить, защищая Ноно, ссылался на искренность Ноно, который разсказывалъ лишь о томъ, что видѣлъ. И развѣ такъ преступно жалѣть о своей прежней лучшей участи? Ему же въ Монайѣ приходилось иногда такъ трудно.

Ему не дали кончить. Всталъ красный человѣкъ и, обращаясь къ присяжнымъ, заговорилъ:

— Вы видите, господа, пагубное вліяніе рѣчей обвиняемаго. Вамъ предстоитъ его судить. Вы видите, что пора было положить конецъ его коварнымъ происканъ, грозившимъ совратить здравый смыслъ нашего столь спокойнаго по сіе время населенія. Онъ

осмѣливается повторять свои преступныя рѣчи здѣсь, въ священномъ храмѣ правосудія! Я требую суроваго наказанія не только для него, но и для свидѣтеля, который ради спасенія обвиняемаго, не задумываясь нарушить свою клятву, говоритъ лишь правду. Да и, кромѣ того, свѣдѣнія, доставленныя мнѣ великимъ судьей, рисуютъ мнѣ этого человѣка очень опаснымъ и смѣлымъ проповѣдникомъ преступныхъ взглядовъ. Его разсказы и разсужденія грозятъ нарушить нашъ прекрасный общественный порядокъ.

И другъ Ноно былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія.

Затѣмъ былъ призванъ портной. Его спросили, при какихъ обстоятельствахъ онъ взялъ къ себѣ Ноно. Портной разсказалъ, какъ онъ познакомился съ мальчикомъ.

— Не держалъ ли обвиняемый у васъ предосудительныхъ рѣчей, угрожающихъ общественному порядку и цѣлости нашихъ учрежденій? — спросилъ предсѣдатель. — Я долженъ указать вамъ, сколь вы виновны предъ его величествомъ всемогущимъ монархомъ, допуская у себя подобныя рѣчи и давая пріютъ подобнымъ лицамъ. Посему приглашаю васъ, въ виду вашей же пользы, быть откровеннымъ и сказать все, что вы знаете о негодяѣ, котораго, надѣюсь, ожидаетъ заслуженная кара. Обязанность каждаго добраго гражданина и хорошаго патріота — тотчасъ довести обо всемъ до свѣдѣнія великаго судьи.

Портной колебался; его взглядъ противъ воли остановился на Ноно, и онъ поторопился отвернуться. Неувѣреннымъ голосомъ онъ сказалъ, что взялъ къ себѣ Ноно изъ благодарности, такъ какъ Ноно спасъ его ребенка, и сказалъ даже, что никогда не могъ пожаловаться на его работу, что, къ несчастью, дѣйствительно обвиняемый разсказывалъ много неправдоподобнаго объ Автономіи, но что, обманутый его невиннымъ видомъ, онъ сначала не повѣрилъ преступности его намѣреній, что онъ проситъ прощенія у суда за свой невольный проступокъ и обѣщаетъ въ будущемъ быть осмотрительнѣе.

Ноно не посмѣлъ взглянуть на своего прежняго хозяина. Портного отпустили, и онъ прошелъ мимо.

Слѣдующіе свидѣтели были большею частью изъ тѣхъ, которые присутствовали при разговорахъ, а были такіе, которыхъ Ноно никогда не видалъ. Подъ страхомъ раздѣлить участь обвиняемаго они показывали то, чего желалъ отъ нихъ предсѣдатель.

Когда всѣ свидѣтели были выслушаны, поднялся красный человѣкъ и началъ свою рѣчь.

Онъ говорилъ длинно, — о счастливой жизни и о будущемъ

народа, живущаго подъ властью Плутуса, говорилъ о добродѣтеляхъ и милостяхъ тѣхъ, которымъ судьба дала много, объ ихъ заботахъ, о бѣднякахъ, ихъ готовности доставлять работу тѣмъ единственнымъ богатствомъ, которымъ были ихъ руки.

Онъ похвалилъ справедливость законовъ, ограждающихъ собственность отъ посягательства жадныхъ и завистливыхъ лѣнтяевъ и пьяницъ, превознесъ добродѣтели рабочихъ, терпѣливо и самоотверженно работающихъ, трезвыхъ и бережливыхъ и преданныхъ ихъ государю и разнымъ другимъ господамъ.

Потомъ онъ заговорилъ о тѣхъ ужасныхъ людяхъ, которые хотятъ нарушить этотъ прекрасный государственный порядокъ, о тѣхъ бездомныхъ бродягахъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, которые хотятъ участвовать въ празднествахъ и не желаютъ ничего дѣлать, которые, не трудясь и не сберегая, мечтаютъ лишь о томъ, какъ бы завладѣть собственностью тѣхъ, кто терпѣніемъ, трудомъ, порядкомъ и бережливостью скопилъ свое состояніе или сумѣлъ сохранить полученное отъ предковъ. Потомъ онъ доказывалъ, что чарующая легкомысленныхъ людей картина жизни такъ называемой Автономіи — лишь выдумка злонамѣренныхъ умовъ, и единственной ея цѣлью было внушить рабочимъ, что они могутъ обходиться безъ господъ и хозяевъ — это же такая ужасная безсмыслица, что ее врядъ ли стоитъ и опровергать. Для всякаго благомыслящаго человѣка это вполнѣ ясно, а неблагомыслящаго не спасутъ никакіе доводы, а должна исправить тюрьма, каторга или другое, можетъ-быть, болѣе тяжкое наказаніе. Къ такимъ людямъ никогда нельзя отнестись съ достаточной строгостью. Эти розсказни стремятся внушить рабочимъ, что ихъ лишаютъ плодовъ ихъ труда и возстановляютъ ихъ такимъ образомъ противъ тѣхъ, кто ихъ кормитъ и безъ кого страна погибла бы въ нищетѣ и варварствѣ. Указалъ, что обвиняемый вмѣсто того, чтобъ постараться заслужить снисхожденіе суда смиреніемъ и отказомъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, дошелъ, напротивъ, до крайнихъ предѣловъ дерзости: онъ осмѣливается даже недостаточно уважительно говорить о высочайшей особѣ государя! На этомъ была закончена длинная рѣчь, и онъ сѣлъ, требуя для обвиняемаго смертнаго приговора.

Одинъ изъ господъ, одѣтыхъ въ черное, съ головой попугая, сидѣвшій за столомъ передъ Ноно, всталъ въ свою очередь.

Онъ также началъ превозносить величіе Плутократіи, строгость и справедливость ея законовъ, законность правъ собственниковъ, терпѣніе и мощь рабочаго класса, содѣйствующаго въ такой большой мѣрѣ общему благосостоянію.

— Дѣйствительно, разсказы обвиняемаго по своей

чрезвычайной смѣлости могутъ угрожать установленному порядку, смущая слабохарактерныхъ. Но кліентъ мой по своей молодости, повидимому, не понималъ значенія своихъ рѣчей, и потому я не считалъ бы его вполнѣ отвѣтственнымъ за его поступки. Я просилъ бы господъ судей и господъ присяжныхъ сжалиться надъ его юностью. Я обращаюсь, господа, къ вашему милосердію и смѣю надѣяться, что ваше милосердіе вернетъ моего кліента въ ряды благомыслящихъ людей.

И онъ сѣлъ среди рукоплесканій залы, только-что аплодировавшей предъ тѣмъ рѣчи краснаго человѣка.

Присяжные удалились для обсужденія. Но минуту спустя они уже вернулись съ приговоромъ: «Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія».

Три человѣка за конторкой посовѣтовались между собой, и Ноно былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ.

Судъ былъ конченъ. Ноно отвели въ его камеру и заперли за нимъ желѣзный засовъ. Ноно опустился на свой камень и долго сидѣлъ, подавленный отчаяніемъ. Жгучія слезы текли изъ его глазъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ настала ночь.

Наконецъ, отчаяніе такъ овладѣло имъ, что онъ рѣшилъ умереть. Вскочивъ, онъ хотѣлъ разбить себѣ голову о стѣну. Но въ это мгновеніе лунный лучъ проникъ въ оконце, скользнулъ по лицу мальчика и остановилъ его порывъ. Въ этомъ лучѣ Ноно различилъ, какъ въ туманѣ, молодую женщину съ прекраснымъ, радостнымъ лицомъ.

— Я — Надежда, — сказала она, — меня послала къ тебѣ Солидарія, потому что сама она не можетъ явиться во владѣнія Плутуса, пока жители не пожелаютъ ея отъ всего сердца. Она велитъ тебѣ сказать, чтобы ты не терялъ мужества, — друзья твои постоянно думаютъ о тебѣ и о томъ, какъ освободить тебя. Трое изъ нихъ уже идутъ въ Плутократію и надѣются, что сумѣютъ быть тебѣ не безполезными. Итакъ, надѣйся! — И женщина склонилась къ нему, поцѣловала его въ лобъ и тихо закрыла ему глаза.

Ноно сладко заснулъ на своемъ соломенномъ ложѣ.

XX
Отъѣздъ заговорщиковъ

Когда крикъ отчаянія далъ знать Солидаріи о томъ, что Ноно похищенъ, Ляборъ со всей своей маленькой командой бросился на помощь. Но было уже поздно. Товарищи Ноно были въ отчаяніи. Вернувшись домой, они сейчасъ же начали строить планы о томъ, какъ выручить Ноно изъ бѣды и вернуть въ Автономію. Каждый предлагалъ свой планъ и пытался всѣми силами защитить его. Поднялся страшный шумъ. Одинъ излагалъ свой планъ, другой его оспаривалъ, третий исправлялъ. Но ни одно изъ этихъ предложеній не могло быть выполнено, и сами дѣти при помощи Солидаріи и Лябора разбирались въ этихъ планахъ и оставляли ихъ одинъ за другимъ. Наконецъ, Гансъ предложилъ одинъ отправиться въ Плутократію искать Ноно, — а разъ ужъ онъ его найдетъ, тамъ видно будетъ, что возможно будетъ сдѣлать, чтобъ вернуться обоимъ въ Автономію.

Солидарія согласилась, что это можно бы попытаться сдѣлать, но предупреждала, что это очень опасная попытка и можетъ кончиться тѣмъ, что Автономіи придется оплакивать не одного, а двоихъ своихъ друзей. Она уговаривала Ганса хорошенько обдумать о томъ, что онъ затѣваетъ.

Но Гансъ заявилъ, что, по его мнѣнію, они обязаны попытаться освободить товарища, и потому, что бы ни случилось, онъ рѣшилъ всѣмъ пожертвовать, но попробовать спасти своего друга.

Тогда Мабъ объявила, что и она пойдетъ вмѣстѣ съ Гансомъ, потому что двѣ воли сильнѣе одной, а два ума лучше одного. Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было, что Гансъ и Мабъ

отправятся въ путь. Оставалось только обдумать, какъ сдѣлать ихъ попытку спасти товарища болѣе легкой и менѣе опасной.

Рѣшено было, что Гансъ и Мабъ переодѣнутся бродячими музыкантами. Такъ Гансъ и Мабъ смогутъ пройти незамѣченными хоть черезъ всю Плутократію, смогутъ вмѣшаться въ простой народъ, среди котораго долженъ былъ затеряться Ноно, и разузнать объ его судьбѣ.

Гансъ взялъ съ собой кларнетъ, а Мабъ тамбуринъ. На случай, если бъ Ноно оказался посаженным гдѣ-нибудь въ тюрьму, Ляборъ далъ имъ маленькій подпилокъ. Подпилокъ легко было спрятать, но онъ могъ перепилить самыя крѣпкія цѣпи, самыя толстыя рѣшетки. Электрисія научила ихъ, какъ можно посылать въ Автономію извѣстія о себѣ и какъ получать оттуда отвѣтъ. Посовѣтовала имъ никогда не расходиться, всегда быть готовыми прійти другъ другу на помощь, потому что въ ихъ любви между собой, въ ихъ любви къ Ноно и правдѣ вся ихъ сила.

Вмѣстѣ они смогутъ сдѣлать то, что было бы непосильнымъ каждому изъ нихъ порознь.

Дѣтямъ дали съ собой мѣшочекъ съ ѣдой, немного денегъ, — очень много разныхъ добрыхъ совѣтовъ и пожеланій, и дѣти пустились въ путь. Солидарія шла ихъ проводить до границы царства Плутуса.

Въ этотъ день Ганса и Мабъ разбудили рано утромъ. Они простились со всѣми и сошли съ крыльца.

Но въ эту минуту, какъ они выходили со двора, хорошенькая маленькая свинка подбѣжала къ нимъ со всѣхъ ногъ, махая завиткомъ своего хвостика. Она тихо похрюкивала, какъ бы упрекала ихъ, что они забыли о ней.

Эта маленькая свинка была любимицей Ноно и его ближайшихъ друзей. Ноно особенно любилъ ее, такъ какъ самъ научилъ ее танцовать и дѣлать разныя штуки.

Мабъ поцѣловала свинку въ ея крошечное розовое рыльце и сказала ей:

— Мы тебя забыли, моя бѣдная Пенмокъ, мы чуть не ушли, не простившись съ тобой. — Но Пенмокъ продолжала вертѣть своимъ хвостикомъ и ворчать.

Гансъ потрепалъ ее рукой.

— Ну, ну, хорошо! Ты славная свинка и помнишь своихъ друзей, но намъ пора итти. Надо торопиться.

И путешественники пустились въ путь, а Пенмокъ пошла по ихъ слѣдамъ.

— Да ты насъ стѣснишь, Пенмокъ, мы не можемъ взять тебя, — повторилъ Гансъ, увидавъ, что она бѣжитъ за ними. Гансъ хотѣлъ ее отогнать, но не тутъ-то было.

Пенмокъ стала хрюкать сильнѣе и, ни на шагъ не отставая, побѣжала слѣдомъ за путниками.

— Не можемъ же мы ее взять съ собой, — сказалъ Гансъ.

Мабъ задумалась.

— Да что это у нея на шеѣ? — сказала она вдругъ, наклоняясь и показывая Гансу на маленькій свертокъ, висѣвшій на шеѣ у свинки.

Когда она открыла его, въ немъ оказался вышитый фартучекъ и маленькая треуголка съ позументомъ, которые Ноно надѣвалъ свинкѣ, когда заставлялъ ее выдѣлывать разныя штуки.

— Мнѣ кажется, она знаетъ, куда мы идемъ, — сказала Мабъ серьезно. — Возьмемъ ее съ собой, она можетъ быть намъ полезна.

И свинка, видя, что ея больше не гонятъ, весело запрыгала рядомъ съ ними.

Такъ Гансъ, Мабъ и Пенмокъ вошли въ лѣсъ, въ которомъ нѣсколько дней тому назадъ они такъ весело бѣгали и гдѣ Ноно встрѣтилъ Плутуса.

Они долго шли лѣсомъ, пока, наконецъ, усталые, голодные, присѣли подъ тѣнью шелковицы, вынули свои припасы изъ сумки и принялись съ аппетитомъ за ѣду. Дорогой они набрали жолудей для Пенмокъ.

За ѣдой они разговаривали о Ноно и о томъ, какъ разыскать его.

Въ вѣтвяхъ шелковицы жило много гусеницъ, онѣ внимательно прислушивались къ разговору дѣтей. Эти гусеницы были дѣтьми той бабочки, которую освободилъ Ноно. Когда онѣ поняли, что разговоръ идетъ о Ноно, онѣ начали совѣщаться, чѣмъ онѣ могутъ помочь своему спасителю. Гусеницы быстро придумали и немедленно принялись за работу.

Гансъ легъ отдохнуть подъ деревомъ. Онъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ на густую листву шелковицы. Вдругъ онъ увидалъ тонкую нить, повисшую съ одной изъ вѣтвей, и спускающихся по ней множество гусеницъ. Гансъ не могъ понять, что это значитъ. Онъ легъ на животъ и показалъ на нихъ Мабъ.

Когда гусеницы были совсѣмъ близко, одна изъ нихъ отдѣлилась отъ другихъ, и почти у самаго носа Ганса и Мабъ, поднявшись наполовину, заговорила: «Мы слышали, что вы идете освободить Ноно. Онъ спасъ когда-то нашу мать, и мы рѣшили помочь вамъ, чѣмъ можемъ, въ вашемъ дѣлѣ. Изъ нашего самаго крѣпкаго и самаго легкаго шелка мы соткали воздушный шаръ. Стоитъ вамъ только развернуть его, чтобъ онъ самъ собой надулся, поднялъ бы васъ на воздухъ и вернулъ васъ сюда».

И по данному гусеницей знаку двѣнадцать крупныхъ ея

братій и сестеръ принесли свертокъ шелка величиной съ сигару, такого тонкаго, такого тонкаго, что когда Гансъ развернулъ его, то образовалась цѣлая палатка. Но такъ какъ шаръ началъ сейчасъ же надуваться, то, слѣдуя указаніямъ гусеницы, онъ поторопился снова свернуть ее и положилъ въ карманъ.

Гансъ и Мабъ поблагодарили гусеницъ за подарокъ, забрали свои пожитки и отправились дальше.

На границу царства Плутуса наши путники пришли лишь вечеромъ. На каждой скалѣ, на каждомъ холмѣ здѣсь поднимались крѣпкіе зубчатые замки, защищавшіе входъ въ Плутократію. Отъ крѣпости къ крѣпости ходили пикеты солдатъ и наблюдали за проходившими. Нечего было и думать проникнуть туда незамѣченными.

Но Солидарія знала гротъ въ одной изъ скалъ, отдѣлявшихъ Автономію отъ Плутократіи… Въ этомъ-то гротѣ, къ которому вела едва замѣтная тропа въ лѣсу, она ждала нашихъ путешественниковъ.

Когда дѣти вошли, Солидарія разсказала, какъ открыть подземелье, которое вело изъ этого грота въ самую страну Плутократіи, минуя линію укрѣпленій.

Такъ какъ была уже ночь, она предложила дѣтямъ дождаться въ гротѣ слѣдующаго дня и только утромъ итти туда. Гансъ и Мабъ поблагодарили Солидарію. Она посовѣтовала имъ еще разъ хорошенько подумать о томъ, что они собрались сдѣлать. Разъ

они будутъ на той сторонѣ, гротъ закроется за ними, и имъ не найти дороги назадъ, а шаръ гусеницъ принесетъ ихъ въ Автономію лишь въ томъ случаѣ, если они приложатъ всѣ старанія спасти товарища.

Затѣмъ она пожелала имъ удачи и обняла ихъ на прощанье. Дѣти поужинали остатками провизіи, покормили Пенмокъ, устроили себѣ постель изъ сухихъ листьевъ и моху и заснули. «Что-то будетъ съ нами завтра, что-то удастся намъ сдѣлать для Ноно», — думали они, засыпая.

XXI
Приключеніе

Когда они проснулись на другой день, было уже совсѣмъ свѣтло. Сказавъ еще разъ прости Автономіи, Гансъ нажалъ пружину, указанную ему Солидаріей, и всѣ трое вошли въ открывшійся предъ ними подземный ходъ. На нихъ сразу пахнуло холодомъ и сыростью. Позади нихъ камень самъ собой замкнулся. Вернуться назадъ не было возможности. Они свѣтили себѣ маленькимъ фонарикомъ, который дала имъ Электрисія. Подземный ходъ вывелъ ихъ въ большой оврагъ, о которомъ говорила имъ Солидарія. Обернувшись, чтобъ еще разъ посмотрѣть на подземелье, они увидали, что отъ входа не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Поднявшись изъ оврага по отлогой тропинкѣ, наши путники очутились на дорогѣ и скоро различили вдали крыши домовъ какого-то селенія.

Они пошли быстрѣе. Приближался полдень. До селенія было еще далеко, утренній завтракъ ихъ былъ очень скуденъ, запасы кончились.

Но вотъ они дошли до селенія. Это былъ жалкій поселокъ, состоявшій изъ десятка домовъ, вытянувшихся по обѣ стороны

дороги. Гансъ и Мабъ остановились среди дороги и заиграли одну изъ пѣсенъ, которыя играютъ въ Плутократіи и которую выучила ихъ играть Солидарія передъ отъѣздомъ, — Гансъ дулъ въ свой кларнетъ, а Мабъ ударяла въ тамбуринъ и танцовала.

Заслышавъ музыку, Пенмокъ пресерьезно поднялась на заднія ноги и, держа передними воображаемое платье, начала тоже танцовать.

И хотя они уже много разъ видали, какъ Пенмокъ танцуетъ, и хотя имъ совсѣмъ не было весело, но они не могли не разсмѣяться. Мабъ остановилась и надѣла Пенмокъ фартучекъ и шляпу.

Затѣмъ Гансъ снова принялся играть на кларнетѣ, Мабъ танцовать и Пенмокъ за ней, похрюкивая отъ удовольствія.

Музыка привлекла нѣсколько мальчишекъ; они доупада хохотали надъ танцующей Пенмокъ… Двѣ-три женскія головы высунулись въ пріотворенныя двери.

Чтобъ привлечь вниманіе Ноно, въ случаѣ если бъ онъ жилъ здѣсь, Гансъ сыгралъ одну изъ любимыхъ арій Автономіи. Ноно нигдѣ не появлялся. Пока Гансъ игралъ на кларнетѣ, а Пенмокъ танцовала, Мабъ пошла собирать у дверей, протягивая свой тамбуринъ; но никто ничего ей не далъ. Тогда Мабъ попросила какую-то старушку продать имъ немного хлѣба. Но прежде чѣмъ дать хлѣба, старуха попросила показать ей сначала деньги. Мабъ вынула изъ кошелька нѣсколько мелкихъ монетъ и положила ей въ руку. Старуха отрѣзала Гансу и Мабъ по куску хлѣба. Гансъ потребовалъ хлѣба и для Пенмокъ. Старуха, казалось, была поражена тѣмъ, что они хотятъ хлѣбомъ кормить свинью, но, такъ какъ она не дала имъ и половины того, что должна была дать за ихъ деньги, то отрѣзала еще кусокъ и, бранясь, захлопнула передъ ихъ носомъ дверь.

Путники вышли изъ селенія и пошли по дорогѣ, жуя свой хлѣбъ. Они надѣялись дойти до слѣдующаго селенія и тамъ что-нибудь заработать.

Такъ они шли, изрѣдка встрѣчая прохожихъ или различая вдали, среди полей, одинокія фермы.

Наконецъ, они рѣшили сойти съ дороги и зайти въ одну изъ этихъ фермъ и попросить, чтобъ имъ дали что-нибудь поѣсть.

Имъ дали хлѣба, молока и масла. Они попросили еще сварить нѣсколько картофелинъ для Пенмокъ. Фермеръ спросилъ съ удивленіемъ, что имъ вздумалось таскать съ собой свинью, которая можетъ имъ быть только помѣхой, и вызвался купить ее.

Но Гансъ сказалъ ему, что Пенмокъ — не обыкновенная свинья, и что они ни за что на свѣтѣ не разстанутся съ ней.

Обращаясь къ Пенмокъ, онъ прибавилъ:

— Покажи, Пенмокъ, господину, что ты благовоспитанная свинья.

Пенмокъ встала на заднія ноги и поклонилась фермеру.

— Потанцуй теперь, Пенмокъ!

Пенмокъ начала неуклюже кружиться. Это было такъ смѣшно, что фермеръ отъ души посмѣялся и въ уваженіе къ талантамъ Пенмокъ не захотѣлъ ничего взять за ея пищу.

Гансъ спросилъ, далеко ли имъ еще до какого-нибудь города или селенія.

Оказалось, что до ближайшаго селенія еще нѣсколько часовъ ходьбы, и что они, конечно, не попадутъ туда раньше ночи, но что, вѣроятно, они могутъ заработать тамъ порядочно такъ какъ тамъ живутъ крупные фермеры, и они даютъ хорошій заработокъ бѣднякамъ.

Гансъ и Мабъ на прощаніе спросили фермера, не проходилъ ли мимо нихъ мальчикъ, одѣтый такъ-то и такъ-то, и они перечислили ему все, по чему можно было узнать Ноно; но фермеръ не помнилъ такого мальчика и ничего не могъ имъ сказать о немъ.

И Гансъ, и Мабъ, и Пенмокъ снова пустились въ путь. Только къ ночи дошли они до богатаго города. На обширной площади, гдѣ прогуливались богатые горожане, остановились Гансъ и Мабъ. Они настроили свои инструменты и начали играть.

Едва гуляющіе заслышали первыя ноты, какъ тотчасъ же окружили пѣвцовъ. Дѣти играли, Пенмокъ танцовала, и праздная публика была этимъ очень довольна.

Когда Мабъ стала дѣлать обходъ, она собрала не мало крупныхъ монетъ. А когда Пенмокъ сама пошла дѣлать сборъ, то мелкія монеты посыпались еще щедрѣй.

Играя и танцуя, Гансъ и Мабъ высматривали въ то же время въ толпѣ знакомыя черты своего друга. Чтобъ привлечь его вниманіе, они и здѣсь заиграли его любимую пѣсенку, но Ноно не отозвался на нее, и дѣти грустно уложили свои инструменты и хотѣли уже итти дальше, какъ къ нимъ подошелъ одинъ изъ горожанъ съ лоснящимся отъ жирной пищи и бездѣлья лицомъ и пообѣщалъ имъ золотую монету, если они зайдутъ къ нему на домъ. Онъ угощалъ въ тотъ вечеръ своихъ друзей и хотѣлъ доставить имъ это новое удовольствіе.

Артисты согласились пойти къ богачу, хотя они предпочли бы ходить по селенію, такъ какъ тамъ они легче могли наткнуться на Ноно. Но на ужинѣ они тоже могли бы услыхать что-нибудь о немъ, да къ тому же отказъ заработать золотую монету могъ вызвать подозрѣніе. И такъ они пошли за жирнымъ господиномъ, который дорогой обѣщалъ имъ хорошій ужинъ, боясь, чтобъ

какой-нибудь конкурентъ не перебилъ ихъ у него, предложивъ имъ больше.

Придя къ себѣ, богачъ велѣлъ отвести музыкантовъ на кухню и дать имъ тамъ поѣсть. Для Пенмокъ поставили въ уголъ большую плошку съ отрубями и картофелемъ, такъ какъ Гансъ и Мабъ не захотѣли, чтобы ихъ спутницу отвели на конюшню.

Когда гости собрались, слуга отвелъ артистовъ въ большой залъ. Посрединѣ зала стоялъ уставленный хрусталемъ и серебромъ столъ.

Слуга показалъ Гансу и Мабъ мѣсто на эстрадѣ, скрытой занавѣсомъ. Они должны были играть во время обѣда.

Вотъ торжественно начали входить гости. Открывала шествіе жена хозяина подъ руку съ самымъ почетнымъ изъ гостей. Дѣти слышали, что его называли «господинъ судья». Остальные приглашенные входили попарно, и самъ хозяинъ замыкалъ шествіе. Каждый занималъ то мѣсто, которое указывала ему хозяйка дома.

Разсаживались такъ долго и такъ торжественно, что Гансъ и Мабъ за занавѣсомъ помирали со смѣху, смотря на нихъ. Отъ этого музыка выходила, конечно, не всегда благозвучной, но гости, къ счастью, заняты были своимъ важнымъ дѣломъ.

Стали подавать кушанья. Гансъ и Мабъ не могли притти въ себя отъ удивленія, видя, сколько поѣдаютъ эти разряженные люди. Множество слугъ подавали и убирали со стола. Подъ музыку, пережевывая изысканныя блюда, гости говорили сначала о погодѣ, о разныхъ развлеченіяхъ, потомъ о государственныхъ дѣлахъ и, наконецъ, о своихъ знакомыхъ. И какъ заговорили! О! они не говорили ничего злого, но какія были у нихъ улыбки, недоговоренныя фразы, намеки!

Обѣдъ длился очень долго. Наконецъ, онъ былъ оконченъ, и гости перешли въ большой залъ. Туда отвели и нашихъ музыкантовъ, чтобъ показать гостямъ искусство Пенмокъ.

Дѣти внимательно вслушивались въ разговоры, въ надеждѣ услышать что-нибудь такое, чтобы навело ихъ на слѣдъ Ноно.

Послѣ обѣда прибыли новыя лица. Въ нѣкоторыхъ, имена которыхъ называли, Гансъ и Мабъ узнали тѣхъ, о комъ говорили за столомъ. И съ тѣми, по адресу кого было больше всего намековъ и улыбокъ, съ тѣми всѣ старались теперь быть особенно внимательными и льстивыми.

Мабъ и Пенмокъ танцовали. Пенмокъ дѣлала реверансы и поклоны.

Гости смѣялись и говорили другъ другу, что они поражены любезностью хозяевъ, предложившихъ имъ такое необычайно оригинальное, прелестное удовольствіе.

Затѣмъ дѣтямъ позволили уйти. Лакей вынесъ имъ деньги и указалъ по просьбѣ Ганса дешевую, но скверную гостиницу.

XXII
Безплодные поиски

Проснувшись рано на другое утро, Гансъ и Мабъ сошли внизъ, чтобъ разспросить слугъ и служанокъ гостиницы, не знаютъ ли они чего о Ноно. Чтобъ не возбудить подозрѣнія, они придумали сказать, что потеряли товарища изъ своей маленькой труппы. Но никто не могъ дать имъ никакого указанія.

Спросивъ позавтракать себѣ и Пенмокъ, дѣти стали собираться въ дорогу.

Со своими инструментами, съ Пенмокъ, бѣжавшей рядомъ съ ними, они пустились въ дальнѣйшій путь.

Въ первомъ попавшемся имъ на пути селеніи они не имѣли никакого успѣха и не собрали ничего, да и не напали на слѣдъ того, кого они искали.

Въ слѣдующей деревнѣ мальчики погнались за ними съ каменьями, потому что они вырвали изъ ихъ рукъ израненную ласточку, которую тѣ хотѣли ощипать живую. Мальчишекъ было много, и Гансу и Мабъ пришлось бы плохо, если бъ они не спаслись бѣгствомъ. Мабъ схватила ласточку, Гансъ поднялъ на руки Пенмокъ, и они неслись какъ на крыльяхъ, спасаясь сами и спасая своихъ питомцевъ. Долго бѣжали дѣти, пока топотъ и крики преслѣдователей не замерли вдали.

Измученные, задыхающіеся опустились они на траву у края дороги, къ счастью, по близости отъ весело журчащаго ручейка. Они направились къ нему. Надо было обмыть и перевязать несчастную птичку.

— Бѣдная малютка! — говорила Мабъ, обмывая раны птички.

Она вынула изъ своего мѣшка маленькую коробочку съ чудодѣйственной мазью, данной имъ Солидаріей, и намазала ею раны ласточки.

Птичка тотчасъ, какъ бы по волшебству, исцѣленная, радостно щебеча, выскользнула изъ рукъ Мабъ. Обрадованные Гансъ и Мабъ сѣли завтракать, а ласточка летала вокругъ нихъ, какъ будто не хотѣла съ ними разстаться.

Когда они снова пустились въ путь, ласточка полетѣла за ними.

Проходили дни за днями, а они все не нападали на слѣдъ Ноно.

Однажды утромъ, завтракая у ручья, они увидали ѣхавшихъ по дорогѣ двухъ стражниковъ. Они сопровождали мальчика ихъ лѣтъ, закованнаго въ цѣпи.

Увидя ручей, солдаты направились къ нему напоить своихъ лошадей, позволивъ и мальчику напиться.

Замѣтивъ нашихъ путниковъ, одинъ изъ стражниковъ остановилъ ихъ и грубо спросилъ: кто они такіе? Что тутъ дѣлаютъ? Куда идутъ? Гдѣ украли свинью, которую таскаютъ съ собою?

Гансъ и Мабъ разсказали, что они странствующіе музыканты, что свинка ихъ лучшій помощникъ, что они сами выучили ее разнымъ штукамъ, и безъ нея имъ бы очень трудно было что-нибудь заработать.

— Ну-ка, Пенмокъ, покажи намъ, какъ ты танцуешь! Покажи, что ты не простая, глупая свинья, — и Гансъ заигралъ, а Пенмокъ начала танцовать. Стражники были такъ довольны даровымъ представленіемъ, что на время забыли и о своемъ плѣнникѣ. Мабъ тѣмъ временемъ подошла къ мальчику и начала его разспрашивать, откуда онъ, и почему на него надѣли цѣпи и куда ведутъ его эти люди.

Мальчикъ заплакалъ и разсказалъ, что родители его умерли, и никто не хотѣлъ его взять къ себѣ. Ему пришлось ходить изъ селенія въ селеніе, работая, гдѣ находилась работа, и прося милостыню, когда работы не было. Подавали ему скупо, а еще чаще ночевалъ онъ подъ открытымъ небомъ, потому что никто не хотѣлъ его пустить къ себѣ. Онъ попалъ на глаза стражникамъ, и его арестовали, потому что онъ не могъ указать своего мѣстожительства.

Теперь они ведутъ его въ ближайшій городъ, гдѣ его, вѣроятно, посадятъ въ тюрьму.

Гансъ и Мабъ попросили позволенія дать бѣдному мальчику остатокъ ихъ завтрака, и развеселившіеся стражники позволили

имъ это сдѣлать. Затѣмъ они сѣли на коней и погнали впередъ прихрамывающаго мальчугана: тяжелыя цѣпи уже успѣли натереть его худенькія ноги.

Въ другой разъ по дорогѣ они видѣли такимъ же образомъ старика. Онъ разсказалъ имъ, что, пока могъ онъ работать, онъ получалъ мало и ничего не смогъ отложить на черный день. Часто бывала безработица, а то онъ самъ болѣлъ или болѣлъ кто-нибудь изъ его семьи. Такъ онъ состарѣлся, живя изо дня въ день впроголодь. Теперь онъ уже слишкомъ слабъ и не можетъ больше работать; жена его умерла отъ истощенія; дочь ушла отъ нихъ, сына взяли въ солдаты. Теперь у него нѣтъ больше ничего, — ни силъ, ни семьи, ни угла, и его ведутъ въ тюрьму.

Гансъ и Мабъ дали старику нѣсколько монетъ, — все, что было въ ихъ тощемъ кошелькѣ, и старикъ не зналъ, какъ и благодарить ихъ за участіе и ласку, которой онъ такъ давно не видалъ.

Грустно было Мабъ и Гансу смотрѣть на жизнь бѣдняковъ, которая ихъ окружала, и страшно подумать о томъ, что можетъ-быть, и ихъ Ноно гдѣ-нибудь ведутъ въ кандалахъ по дорогѣ за то, что онъ голоденъ и у него нѣтъ угла, или онъ гдѣ-нибудь ходитъ, прося подаянія, или работаетъ изъ послѣднихъ силъ за кусокъ хлѣба и грязный уголъ.

Еще разъ вечеромъ на опушкѣ лѣса они увидали молодого человѣка. Онъ лежалъ на землѣ почти безъ чувствъ.

Дѣти подошли къ нему. Гансъ вынулъ изъ своей сумки фляжку и влилъ ему нѣсколько капель подкрѣпляющаго напитка; это оживило его, и онъ приподнялся съ земли. Гансъ и Мабъ подѣлились съ нимъ тѣмъ, что они захватили для себя на дорогу. Незнакомецъ разсказалъ имъ, что его хотѣли взять въ солдаты, но онъ не хотѣлъ итти и убѣжалъ изъ своей деревни. Онъ искалъ по дорогѣ для себя работы, но нигдѣ ничего не могъ найти. Денегъ у него было мало, и они давно уже всѣ вышли. Теперь онъ голодаетъ вотъ уже три дня, такъ какъ никто ему не подалъ и куска хлѣба.

Вчера онъ, совершенно измученный, едва держась на ногахъ отъ голода, подошелъ къ богатой дачѣ. На балконѣ сидѣла вся семья за обѣдомъ. Онъ попросилъ кусокъ хлѣба, но ему крикнули, что въ его лѣта стыдно просить милостыню, что лучше бы ему поискать работы, чѣмъ таскаться по дорогамъ, и у него передъ носомъ захлопнули калитку сада. Онъ едва дотащился до лѣса и теперь лежитъ здѣсь, не зная куда итти, что начать дѣлать.

Въ другой разъ, подходя къ какому-то селенію, они увидали у забора толпу народа. Дѣти подошли, желая узнать, что тутъ случилось, и увидали подъ деревомъ трупъ мальчика лѣтъ

двѣнадцати. Блѣдное, какъ воскъ, личико, широко открытые тусклые глаза, кровавая рана на головѣ, привели ихъ въ ужасъ.

Стражникъ допрашивалъ толстаго румянаго крестьянина, — это былъ мѣстный богачъ и кулакъ. Крестьянинъ объяснялъ, что его вывела изъ терпѣнія постоянная пропажа грушъ изъ его сада, и онъ устроилъ засаду, чтобы накрыть воровъ. Онъ увидалъ пробравшагося въ садъ мальчугана, бросился за нимъ, но мальчикъ убѣжалъ. Тогда крестьянинъ пустилъ въ него большимъ камнемъ.

Пока онъ разсказывалъ, прибѣжала вся въ слезахъ женщина и упала на колѣни предъ маленькимъ трупомъ. Она рыдала и цѣловала его безъ конца.

Слѣдомъ за ней подошелъ отецъ мальчика. Увидавъ убійцу своего ребенка, онъ хотѣлъ броситься на него, но стражники схватили его, говоря, чтобъ онъ былъ спокойнѣе, а то плохо ему придется, что крестьянинъ вполнѣ правъ, защищая свою собственность, и виноватъ онъ, отецъ, что не сумѣлъ хорошо воспитать своего сына. «Говори еще спасибо, что съ тебя не хотятъ взыскать убытки, причиненные твоимъ сыномъ хозяину».

Въ ужасѣ Гансъ и Мабъ прошли это селеніе, не останавливаясь. И долго еще, идя по пустынной дорогѣ, они не могли сказать другъ другу ни слова.

XXIII
Первые слѣды

Между тѣмъ путешествіе длилось уже цѣлый мѣсяцъ; друзья наши начали приходить въ отчаяніе. Они шли по направленію къ столицѣ, потому что вездѣ имъ говорили, что туда направляются всѣ иностранцы.

Наконецъ, они достигли того селенія, гдѣ когда-то игралъ Ноно.

Когда они, по своему обыкновенію, войдя въ селеніе, начали играть, добрая женщина, которая помогла Ноно, узнала теперь одну изъ пѣсенъ Ноно и спросила Ганса, не изъ Автономіи ли онъ тоже?

— Почему вы это спрашиваете, тетушка?

Женщина разсказала имъ, что нѣсколько времени тому назадъ проходилъ тутъ мальчикъ ихъ лѣтъ. Онъ игралъ пѣсенки, похожія на тѣ, что они играютъ, — пѣсни, которыхъ она больше никогда не слыхала. По ея описанію Гансъ и Мабъ узнали своего друга. Ихъ сердца забились отъ радости, — наконецъ, они напали на слѣды Ноно. Когда женщина добавила, что она посоветовала мальчику итти въ Монайю, они немедленно отправились туда.

Въ селеніяхъ по дорогѣ музыка Ноно оставила по себѣ память. И они шли впередъ, все болѣе и болѣе увѣренные, что имъ удастся розыскать товарища.

Однажды къ вечеру они пришли на ту ферму, гдѣ Ноно ночевалъ. Они предложили, чтобъ въ обмѣнъ на ихъ музыку и танцы Пенмокъ имъ дали кусокъ хлѣба и мѣсто на сѣновалѣ.

Но фермеръ, занятый починкой курятника, видя, что нужно будетъ дать три чашки супа, потребовалъ платы, надѣясь, конечно, что музыку онъ услышитъ и сверхъ платы.

Гансъ вынулъ изъ кошелька нѣсколько мелкихъ монетъ.

Фермеръ позволилъ имъ войти въ общую столовую, гдѣ они и помѣстились въ уголку, вмѣстѣ съ Пенмокъ.

Толстая служанка приготовляла супъ; старый дѣдъ сидѣлъ передъ очагомъ; сынъ со своей семьей былъ занятъ чѣмъ-то во дворѣ, а одинъ изъ работниковъ у окна исправлялъ рукоятку заступа.

Работникъ и служанка разговаривали между собой, не обращая вниманія ни на музыкантовъ, ни на дѣда, который отъ старости сталъ глухъ. Работникъ жаловался на хозяевъ, заставлявшихъ его съ утра до ночи работать и отказывавшихъ ему даже въ маленькой прибавкѣ.

— Ну, что жъ, надо быть справедливымъ, — говорила служанка, — у хозяина тоже не мало расходовъ. Вѣдь одному тебѣ онъ платитъ тридцать золотыхъ въ годъ. Да за эту цѣну у него никогда не будетъ недостатка въ работникахъ. Тутъ каждый день приходитъ нѣсколько, которые не отказались бы наняться и за меньшее.

— Да, только дѣлали ли бы они все то, что я дѣлаю?

— Что правда, то правда, — ты не спишь за работой. Да и дѣло свое знаешь. Потому и держится за тебя хозяинъ. Но прибавить два золотыхъ, знаешь ли, — это большая сумма.

— Два золотыхъ — для него это ничто! Но онъ скупъ. И умѣетъ же онъ прикопить! Вотъ отнялъ же онъ поле у этого бѣдняка Жана Биду, стоитъ оно въ два раза дороже, чѣмъ Биду взялъ у него въ долгъ. А поле возлѣ розовой рощи, — не мой развѣ трудъ поднялъ на него цѣну? Почему же ему одному идутъ барыши съ него?

— Не даетъ тебѣ это покоя съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ здѣсь этотъ «блаженный».

Гансъ и Мабъ насторожили уши.

— Блаженный! — возразилъ работникъ, — не такой ужъ онъ блаженный по-моему. Въ томъ, что онъ намъ говорилъ, была доля правды. Видишь ли, меня ничему не учили, я и читать не умѣю. Но у меня есть смѣкалка, и она говоритъ мнѣ, что если бъ у хозяина не работали такіе дураки, какъ мы съ тобой, если бъ онъ былъ одинъ съ своей семьей, онъ не могъ бы воздѣлывать всей своей земли. Значитъ всѣ деньги, которыя онъ съ нея получаетъ, — это нашъ трудъ, — мой, твой, Петра, Клавдіи и всѣхъ тѣхъ, кого онъ себѣ нанимаетъ, когда ему нужно. Ну, вотъ!

— О! о! выдумалъ же, — сказала служанка. — Но вѣдь хозяинъ же объяснилъ тебѣ, что если бъ раздѣлили землю между всѣми поровну, то найдутся и тогда такіе, что не захотятъ работать и продадутъ свою часть работающимъ, и все пойдетъ по-старому.

— Да, да, хорошо это хозяевамъ такъ говорить! Но вѣдь я работаю какую работу на него? Почему бы мнѣ не работать такъ же на себя? Нѣтъ, Жанна, не все идетъ здѣсь такъ, какъ должно было бы итти. Я очень теперь жалѣю, что не спросилъ тогда у малыша, гдѣ лежитъ та страна, о которой онъ намъ говорилъ. Я думаю, что она гдѣ-нибудь да есть, и мнѣ хочется туда пойти.

Въ эту минуту Гансъ вмѣшался въ разговоръ. Онъ сказалъ, что Автономія дѣйствительно существуетъ, и сталъ разспрашивать о путникѣ, котораго онъ, Гансъ, и Мабъ знаютъ и хотятъ скорѣй отыскать.

Служанка и работникъ могли сообщить имъ лишь очень немногое о Ноно. Они знали только, что мальчикъ говорилъ, что идетъ въ городъ, и что онъ дѣйствительно пошелъ по дорогѣ въ городъ.

Потомъ работникъ сталъ разспрашивать Ганса объ Автономіи, что это за земля, и гдѣ она.

Но наши друзья не могли указать туда дорогу. Они такъ много блуждали по Плутократіи, что теперь не могли точно указать дорогу, да и та дорога, по которой они пришли, закрылась за ними. Они могли дать лишь очень неопредѣленныя, далеко не точныя свѣдѣнія.

И эти неполныя указанія не могли помочь работнику.

Служанка, увидя приближеніе фермера, предложила дѣтямъ не говорить больше объ Автономіи. Она замѣтила, что когда говорили объ этой странѣ и ея нравахъ, хозяинъ начиналъ сердиться.

Мало-по-малу, одинъ за другимъ собрались всѣ обитатели фермы, пришла невѣстка, ходившая на деревню со своими двумя дѣтьми, которыя сейчасъ же свели знакомство съ Пенмокъ.

Сѣли, наконецъ, за столъ. Гансъ, Мабъ и Пенмокъ получили по мискѣ супу и ломтю хлѣба.

Затѣмъ, когда ѣда была окончена и все убрано по мѣстамъ, наши артисты сыграли нѣсколько пѣсенъ, чтобъ доставить удовольствіе дѣтямъ, а Пенмокъ опять протанцовала. Когда настало время ложиться спать, нашихъ путешественниковъ отвели въ сарай, гдѣ они и забились въ солому, счастливые, что не потеряли слѣда того, кого искали.

XXIV
Печальныя вѣсти

Прежде чѣмъ распроститься съ семьей фермера, Гансъ, зная, что придется еще не мало итти, купилъ себѣ ѣды на дорогу, и наши три артиста пустились снова въ путь, предшествуемые ласточкой, которая ждала ихъ на воротахъ фермы.

Они шли бодрымъ шагомъ, надѣясь скоро отыскать своего товарища.

Пройдя нѣсколько миль и проголодавшись, они остановились у ручья позавтракать. Во время завтрака они говорили о своихъ надеждахъ, какъ вдругъ изъ своей норы высунулся черный звѣрокъ съ лоснящейся шерстью и, щуря глазки, сказалъ:

— Тотъ, о комъ вы говорите, спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что, можетъ-быть, я могу быть вамъ полезенъ въ вашихъ поискахъ. Если я и не вижу хорошо, то зато мое обоняніе и слухъ очень хороши, и зрѣніе мнѣ не нужно. Возьмите меня съ собой. Только обѣщайте мнѣ не бросать меня въ городѣ.

Гансъ и Мабъ съ удовольствіемъ взяли новаго помощника.

— Это союзникъ, посланный намъ Солидаріей, — сказала Мабъ. — Возьмемъ его съ собой, намъ отъ этого худа не будетъ.

Гансъ устроилъ кроту мѣсто въ своей сумкѣ, и он вмѣстѣ

продолжали путь въ Монайю, куда и пришли на слѣдующее утро.

По старому обычаю, каждый музыкантъ, каждый фигляръ, входившій въ городъ, долженъ былъ сыграть что-нибудь передъ стражей и заставить своихъ ученыхъ звѣрей продѣлать разные фокусы. Гансъ тоже принужденъ былъ сыграть не одну пѣсенку, прежде чѣмъ войти въ ворота города. Пенмокъ показала свое искусство подъ взрывы хохота всего сбѣжавшагося гарнизона.

Когда Гансъ и Мабъ вошли въ Монайю и потерялись въ ея безконечныхъ улицахъ и переулкахъ, они пришли въ унынiе. «Нѣтъ, намъ не такъ-то легко будетъ найти Ноно въ этой безконечной суетѣ и толпѣ», — подумалъ каждый изъ нихъ.

И, дѣйствительно, они пробродили по улицамъ города до глубокой ночи и никакъ не могли напасть на слѣдъ Ноно.

Съ наступленiемъ вечера они наняли комнатку на чердакѣ въ отдаленномъ кварталѣ, въ домѣ, населенномъ бродячими музыкантами, уличными пѣвцами и фокусниками. Ихъ сосѣди были одинъ бѣднѣе другого. Много горя, несчастiй и жестокостей увидали среди нихъ Гансъ и Мабъ. У нихъ сердце сжималось отъ жалости къ этимъ людямъ. Ихъ ближайшiй сосѣдъ нанималъ нѣсколько мальчугановъ и дѣвочекъ и посылалъ ихъ выпрашивать милостыню. Если дѣти приносили мало, онъ билъ ихъ, и они ложились спать на кучу лохмотьевъ даже безъ того скуднаго ужина, который имъ давали въ болѣе счастливые дни.

Немного дальше жила женщина, которая брала напрокатъ маленькихъ дѣтей, — лѣтъ двухъ, трехъ или грудного, — и обходила съ ними городъ, несмотря ни на какую погоду. Она вымаливала милостыню у прохожихъ, и чтобъ разжалобить ихъ, щипала дѣтей, чтобъ они начали плакать.

Гансъ и Мабъ въ своей комнаткѣ слышали все, что дѣлалось въ сосѣднихъ каморкахъ, и не знали, чѣмъ бы они могли помочь этимъ несчастнымъ. Они изо дня въ день выходили по утрамъ и играли то въ одной, то въ другой части города и вездѣ старались поразузнать что-нибудь о Ноно. Ласточка, которая поселилась на крышѣ около ихъ чердака, помогала, сколько могла, въ ихъ поискахъ. Но и она долго ничего не могла узнать.

Однажды вечеромъ ласточка, сильно взволнованная, прилетѣла сообщить имъ, что сегодня она видѣла ребенка, который игралъ съ своимъ товарищемъ тѣ же пѣсни, какiя такъ часто играли Гансъ и Мабъ.

Наши друзья вспомнили гармонику, которую Гири подарилъ когда-то Ноно. По примѣтамъ, сообщеннымъ ласточкой, мальчикъ этотъ не былъ Ноно. Но, очевидно, Ноно научилъ его играть эти пѣсни.

Рано утромъ на другой день они отправились на поиски, по

слѣдамъ ласточки. Но въ тотъ день, потому ли, что ребенокъ съ гармоникой не выходилъ, или потому, что онъ не вышелъ въ тѣ минуты, когда они проходили, — но они, измученные, вернулись вечеромъ домой, ничего не узнавъ.

И только на пятый день, проходя все по тѣмъ же переулкамъ, они увидали на порогѣ домика портного маленькаго мальчика. Онъ игралъ своимъ товарищамъ одну изъ любимыхъ пѣсенокъ Ноно.

Не зная, какъ бы разспросить портного, какъ попала къ нимъ гармоника Ноно, Гансъ придумалъ распороть свою куртку и войти попросить зачинить ее. Пока портной работалъ, Гансъ навелъ разговоръ на чудесную гармонику его сына.

Портной сказалъ, что гармонику оставилъ у нихъ одинъ изъ его работниковъ, — но каждый разъ, какъ Гансъ и Мабъ начинали разспрашивать его о гармоникѣ или ея владѣльцѣ, портной старался перевести разговоръ въ другую сторону.

Какой-то человѣкъ, сидѣвшій въ лавкѣ портного въ это время, всталъ, простился и вышелъ, пожелавъ имъ добраго вечера.

Какъ ни старались Гансъ и Мабъ, имъ ничего не удалось узнать отъ портного о Ноно, и они ушли, разсчитывая вернуться къ нему въ другой разъ.

Но едва они завернули за уголъ, какъ тотъ человѣкъ, котораго они встрѣтили въ лавкѣ портного, подошелъ къ нимъ.

— Я вижу, что вы друзья Ноно, которому принадлежала гармоника. Но вы напрасно разспрашивали портного, онъ слишкомъ боится городовыхъ и ничего больше не разскажетъ. Да и вы сами хорошо сдѣлаете, если не вернетесь больше къ нему.

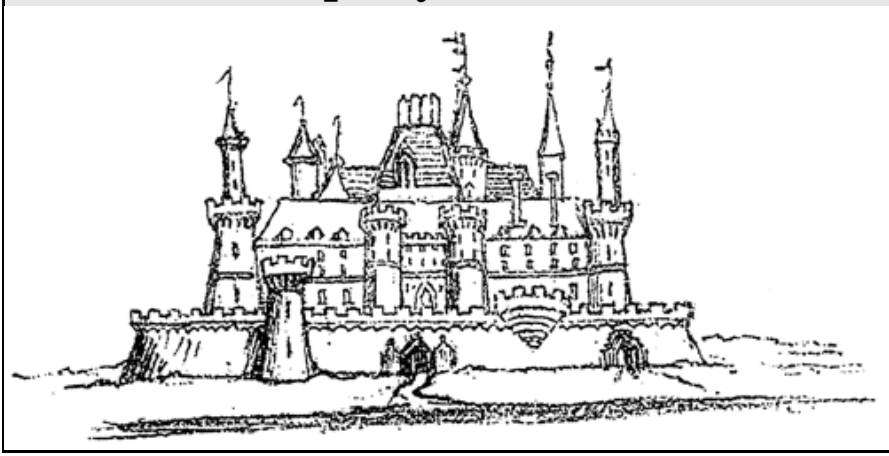
Человѣкъ этотъ былъ одинъ изъ трехъ друзей Ноно. Онъ разсказалъ Гансу и Мабъ про арестъ Ноно и о приговорѣ суда. Разсказалъ, что и онъ самъ послѣ того былъ подъ надзоромъ.

Дѣти спросили его, не знаетъ ли онъ, что теперь съ Ноно и гдѣ онъ сидитъ.

Къ счастью, у рабочаго былъ двоюродный братъ — тюремщикъ. Онъ видалъ его рѣдко, но все же могъ теперь черезъ него разузнать кое-что. Онъ зналъ, что послѣ приговора, Ноно былъ переведенъ въ одну изъ камеръ, находившихся въ королевскомъ дворцѣ Плутуса. Тамъ-то какъ разъ служилъ его двоюродный братъ. Одинъ разъ даже двоюродный братъ принесъ ему письмо отъ Ноно, гдѣ бѣдняга писалъ, что здоровъ и терпѣливо переноситъ свою бѣду.

Рабочій пообѣщалъ имъ повидать своего родственника и постараться получить отъ него какія-нибудь свѣдѣнія о Ноно, и на этомъ они разстались, условившись встрѣтиться черезъ нѣсколько дней.

XXV
Визитъ въ тюрьму



Насталъ день свиданія съ рабочимъ. Гансъ и Мабъ въ большомъ волненіи пошли въ назначенное мѣсто.

Рабочій ждалъ ихъ, радостный. Онъ разсказалъ своему родственнику о двухъ иностранцахъ, съ которыми онъ познакомился и которые хотѣли бы посмотрѣть тюрьму. Тюремщикамъ разрѣшалось во время дежурства принимать свою семью, такъ какъ они тогда цѣлый мѣсяцъ не могли выходить изъ тюрьмы.

За двѣ золотыя монеты тюремщикъ соглашался выдать ихъ за своихъ племянника и племянницу и провести ихъ по той части тюрьмы, гдѣ позволено было проходить родственникамъ служащихъ.

Слѣдующій день былъ воскресенье. Было какъ разъ удобно въ этотъ день Гансу и Мабъ навѣстить своего мнимаго родственника.

Непокорный, такъ звали новаго друга, обѣщалъ зайти за ними. И какъ было условлено, на слѣдующій день онъ пришелъ, чтобы пойти вмѣстѣ съ ними въ тюрьму.

Понятно, что, идя въ тюрьму, они входили не черезъ парадныя двери дворца, а черезъ подземный ходъ подъ одной изъ башенъ.

У входа въ башню часовой спросилъ ихъ, куда они идутъ. Они отвѣтили, что хотятъ видѣть тюремнаго сторожа Мученіе; часовой позвалъ солдата, который провелъ ихъ. Тюремщикъ поцѣловалъ ихъ, какъ будто они и дѣйствительно были его родственниками, пожалъ руку своему брату, разспросилъ о друзьяхъ и знакомыхъ, потомъ усадилъ ихъ и предложилъ имъ прохладительнаго. Его

дежурство какъ разъ только-что окончилось, и у него было свободныхъ три часа. Тюремщикъ этотъ былъ не злой человѣкъ, онъ просто не думалъ о томъ, что онъ дѣлалъ, и привыкъ исполнять то, что ему приказывали, не разсуждая.

Двадцати лѣтъ его взяли въ солдаты. Тамъ онъ привыкъ повиноваться и дѣйствовать, какъ машина. Дома въ деревнѣ онъ видѣлъ, какъ трудна жизнь рабочаго человѣка, и поэтому по окончаніи службы онъ просилъ себѣ мѣсто надзирателя въ тюрьмѣ.

Онъ разсказалъ все это своимъ гостямъ съ гордостью, какъ хорошій служака.

— Но неужели вамъ не тяжело постоянно видѣть заключенныхъ? Вѣдь въ тюрьмѣ они мучаются, рвутся на волю, — спросила его Мабъ.

Тюремщикъ пожалъ плечами.

— Тотъ, кто попадаетъ въ тюрьму, не стоитъ того, чтобъ о немъ жалѣли. Онъ могъ бы, какъ всѣ порядочные люди повиноваться и работать. И жили бы они себѣ спокойно. Вначалѣ, пока не привыкъ, бывало, мѣста себѣ не находишь отъ тоски. А теперь ничего. Стоитъ ли горевать, вѣдь иначе и быть не можетъ.

— А нѣтъ ли теперь въ тюрьмѣ какихъ-нибудь интересныхъ преступниковъ и нельзя ли ихъ посмотрѣть? — спросилъ Гансъ, стараясь не показать надзирателю, съ какимъ волненіемъ онъ ждетъ отвѣта.

Тюремщикъ любилъ поболтать, онъ сталъ описывать имъ жизнь заключенныхъ. На счастье, Ноно былъ какъ разъ въ его вѣдѣніи. Онъ не забылъ и его. Онъ разсказалъ, что дѣло Ноно въ свое время надѣлало много шума, что, должно быть, онъ порядочный негодяй, если въ такіе годы попалъ на вѣчную каторгу. Гансъ и Мабъ попросили, чтобъ имъ показали этого страшнаго преступника, такъ какъ они никогда не видали преступниковъ, и это, вѣроятно, очень интересно. Вѣдь не можетъ быть, чтобъ водились на свѣтѣ такіе ужасные люди, которыхъ необходимо запирать на всю жизнь въ тюрьму. Тюремщикъ посмѣялся надъ ихъ непониманіемъ жизни и обѣщалъ имъ показать Ноно черезъ потайное окошечко, вдѣланное въ двери камеры.

Онъ всталъ, взялъ связку ключей и пригласилъ своихъ гостей слѣдовать за нимъ. Онъ повелъ ихъ сначала въ незанятая камеры, затѣмъ въ залы, гдѣ допрашивали заключенныхъ.

Дорогой Гансъ спросилъ, какъ проводятъ узники свое время.

— Они обязаны работать на тѣхъ людей, которые подарками начальству покупаютъ себѣ право давать заключеннымъ работу. Платятъ же заключеннымъ гораздо меньше, чѣмъ свободному

работнику, и потому тѣ, кто пользуется правомъ давать работу заключеннымъ, получаютъ огромные барыши.

— Развѣ заключенные хуже работаютъ, чѣмъ остальные работники? — спросилъ Гансъ.

— Нѣтъ, не хуже, а скорѣй лучше, потому что плохо сдѣланную вещь у нихъ и совсѣмъ даромъ возьмутъ. Какъ же быть иначе? Вѣдь это преступники, нельзя же ихъ распускать. Надо было раньше думать о томъ, что они дѣлаютъ, а теперь ужъ неси то, что заслужилъ. Изъ того, что зарабатываетъ заключенный, — продолжалъ разсказывать тюремщикъ, — начальство беретъ на содержаніе тюрьмы половину, если онъ сидитъ въ первый разъ, и три или четыре пятыхъ, если голубчикъ не первый разъ попался. Изъ остающагося заключенные могутъ тратить на себя половину, а остальное они получаютъ при выходѣ изъ тюрьмы. Когда заключеннымъ приходится что-нибудь покупать, они должны покупать все у тюремщика-поставщика; поставщикъ обыкновенно самъ и даетъ работу заключеннымъ. Такъ онъ получаетъ еще большіе барыши.

Въ это время тюремщикъ велъ своихъ гостей по длинному темному коридору. Онъ остановился у одной двери и знакомъ пригласилъ ихъ посмотрѣть черезъ продѣланное въ двери окошечко.

Это была крошечная камера. Въ одномъ окнѣ ея старикъ, заключенный, сидѣлъ съ подавленнымъ видомъ.

На вопросъ Мабъ, гдѣ же сидитъ Ноно, тюремщикъ указалъ имъ на сосѣднюю дверь. Сердце нашихъ друзей сильно забилось при мысли, что они сейчасъ увидятъ того, кого они такъ давно ищутъ. И, дѣйствительно, тюремщикъ открылъ окошечко Ноно, а Гансъ и Мабъ увидали своего друга.

Уныніе Ноно прошло. Съ бодрымъ видомъ онъ ходилъ по камерѣ, неловко, какъ медвѣдь въ клѣткѣ, такъ какъ цѣпи мѣшали ему свободно двигаться. Но друзья скоро должны были оторваться отъ окошечка, — тюремщикъ заторопилъ ихъ итти дальше.

Онъ повелъ ихъ въ садъ, который начальствующіе отвели въ свое исключительное пользованіе, и гдѣ они руками заключенныхъ воздѣлывали овощи и цвѣты.

Затѣмъ онъ пошелъ съ ними во дворъ, на который выходили оконца камеръ, и показалъ посѣтителямъ узкій дворикъ, куда позволялось заключеннымъ приходить одинъ разъ въ день на четверть часа подышать воздухомъ.

Гансъ началъ осторожно разсматривать, изъ какихъ камеръ выходили оконца на этотъ дворъ, такъ какъ ходы и переходы въ тюрьмѣ сбили его съ толку. Подойдя къ высокой четыреугольной

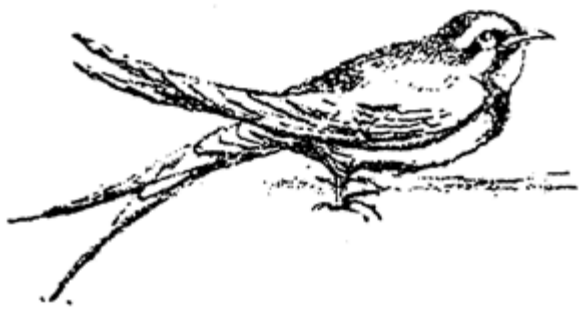
башнѣ, возвышающейся надъ остальными зданіями, онъ съ радостью увидалъ всего на нѣсколькихъ футахъ отъ земли слуховое оконце съ желѣзной рѣшеткой. Это и было окно камеры Ноно.

Гансъ съ радостью замѣтилъ, камера Ноно въ первомъ этажѣ. Онъ постарался запомнить малѣйшія подробности. Разсмотрѣлъ внимательно всѣ знаки, по которымъ потомъ онъ могъ бы узнать это оконце. Дворъ, гдѣ они стояли, былъ обнесенъ лишь одной стѣной; правда, стѣна охранялась часовыми, но это имѣло мало значенія…

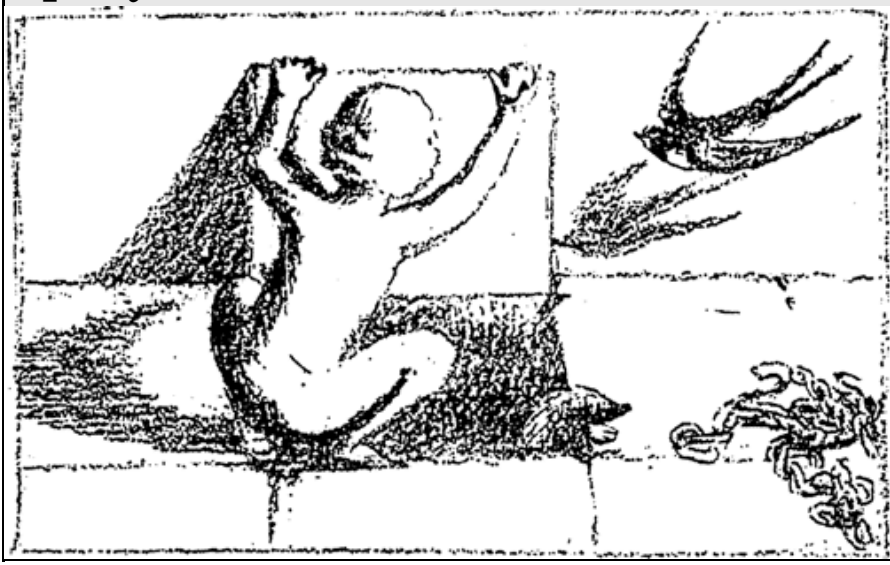
Поднявшись на площадку башни, откуда тюремщикъ хотѣлъ показать имъ картину города, Гансъ съ радостью увидалъ, что дворъ, на который выходило оконце камеры, самъ выходилъ на обсаженную деревьями площадь, хорошо знакомую Гансу и обыкновенно пустынную.

Сердце друзей было переполнено радостью, и они торопились теперь уйти, чтобъ обмѣняться впечатлѣніями.

Къ тому же нечего было больше осматривать, и приближался часъ, когда тюремщику нужно было снова итти на дежурство. Гансъ и Мабъ поблагодарили своего мнимаго родственника и почувствовали немалое облегченіе, когда вышли изъ стѣнъ тюрьмы. Гансъ быстро составилъ планъ освобожденія Ноно. Кротъ долженъ прорыть ходъ до самой камеры, достаточно широкій для того, чтобъ черезъ него могъ пролѣзть Ноно. Ласточка передастъ Ноно напильникъ, чтобъ онъ могъ перепилить свои оковы, и письмецо, чтобъ онъ помогъ съ своей стороны кроту вывернуть каменныя плиты пола. Рѣшили попытаться освободить Ноно сегодня же ночью.



XXVI
Пробужденіе



Сильно билось сердце у нашихъ друзей, когда они съ кротомъ въ карманѣ, въ сопровожденіи Пенмокъ, спустились со своего чердака довольно поздно вечеромъ. Ласточка ждала ихъ у дверей.

Было около полуночи, когда они пришли на площадь, гдѣ ихъ ждалъ Непокорный. Была чудная лунная ночь. Правда, это немного смущало нашихъ заговорщиковъ, но зато это позволяло Гансу, взобравшись на дерево, различить оконце камеры Ноно и указать это оконце ласточкѣ. Онъ привязалъ ей на шею записочку и далъ въ клювъ напильникъ, и ласточка полетѣла къ окну. Но оконце было закрыто. Нужно было какъ-нибудь привлечь вниманіе Ноно, заставить его открыть оконце. Гансу и Мабъ пришла счастливая мысль сыграть что-нибудь изъ его любимыхъ мотивовъ.

Изъ предосторожности они взяли съ собой свои инструменты и по дорогѣ не разъ останавливались, чтобъ поиграть. Настроивъ инструменты, они заиграли ихъ любимую пѣсню:

Солнце закатилось,
Ночь настала;
Птица притаилась,
Пѣть устала.
Все въ лѣсу замолкло,
Грустно стало;

Я одинъ печальный,
Спать не лягу.

При первыхъ же нотахъ Ноно, заснувшій съ мыслью о всѣхъ тѣхъ, кого онъ любилъ, вскочилъ на ноги. Задыхаясь, радостный, слушалъ онъ знакомые голоса. Ему казалось, что стоитъ открыть оконце, и онъ увидитъ своихъ друзей. И онъ, несмотря на висѣвшую на немъ цѣпь, мѣшавшую ему, началъ карабкаться на стѣну, стараясь поднять задвижку окна. Но въ это время голоса замолкли, и Ноно показалось, что все это приснилось ему во снѣ. Отчаяніе прокралось ему въ душу.

Съ тоской приложилъ онъ руку къ своему сердцу и напрягалъ слухъ въ надеждѣ услышать еще…

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ голоса пѣвцовъ начали снова еще тише, но отчетливо:

Безъ тѣни сожаленья,
Мой ложный другъ,
Презрѣвъ мои моленья,
Исчезнулъ вдругъ.
Но онъ насъ помнитъ,
Я вѣрю въ то;
Онъ насъ увидитъ,
Взглянувъ въ окно.

Когда пѣвцы замолкли, глаза узника были полны слезами; онъ теперь навѣрное зналъ, что его друзья были недалеко отъ него. Онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, добрался до оконца и открылъ закрывавшую его раму. Въ камеру влетѣла ласточка. Она бросила ему на колѣни пакетикъ, который держала въ клювѣ. Это былъ напильникъ, обернутый письмомъ, въ которомъ Гансъ писалъ ему, что надо распилить всѣ оковы и внимательно слѣдить за тѣмъ, что будетъ происходить вокругъ него, особенно подъ землей, прислушаться и при первыхъ звукахъ приподнять при помощи напильника плиту, подъ которой онъ услышитъ стукъ; не бояться ничего и смѣло войти въ подземный ходъ, который откроется передъ нимъ.

Напильникъ бралъ такъ хорошо, что Ноно легко освободился отъ своихъ цѣпей.

Ждать Ноно пришлось не болѣе получаса, но это время показалось ему вѣчностью. Но вотъ подъ землей послышались легкіе удары. Ноно быстро приподнялъ плиту и увидалъ передъ собой темную лазейку, достаточно широкую, чтобы пролѣзть въ

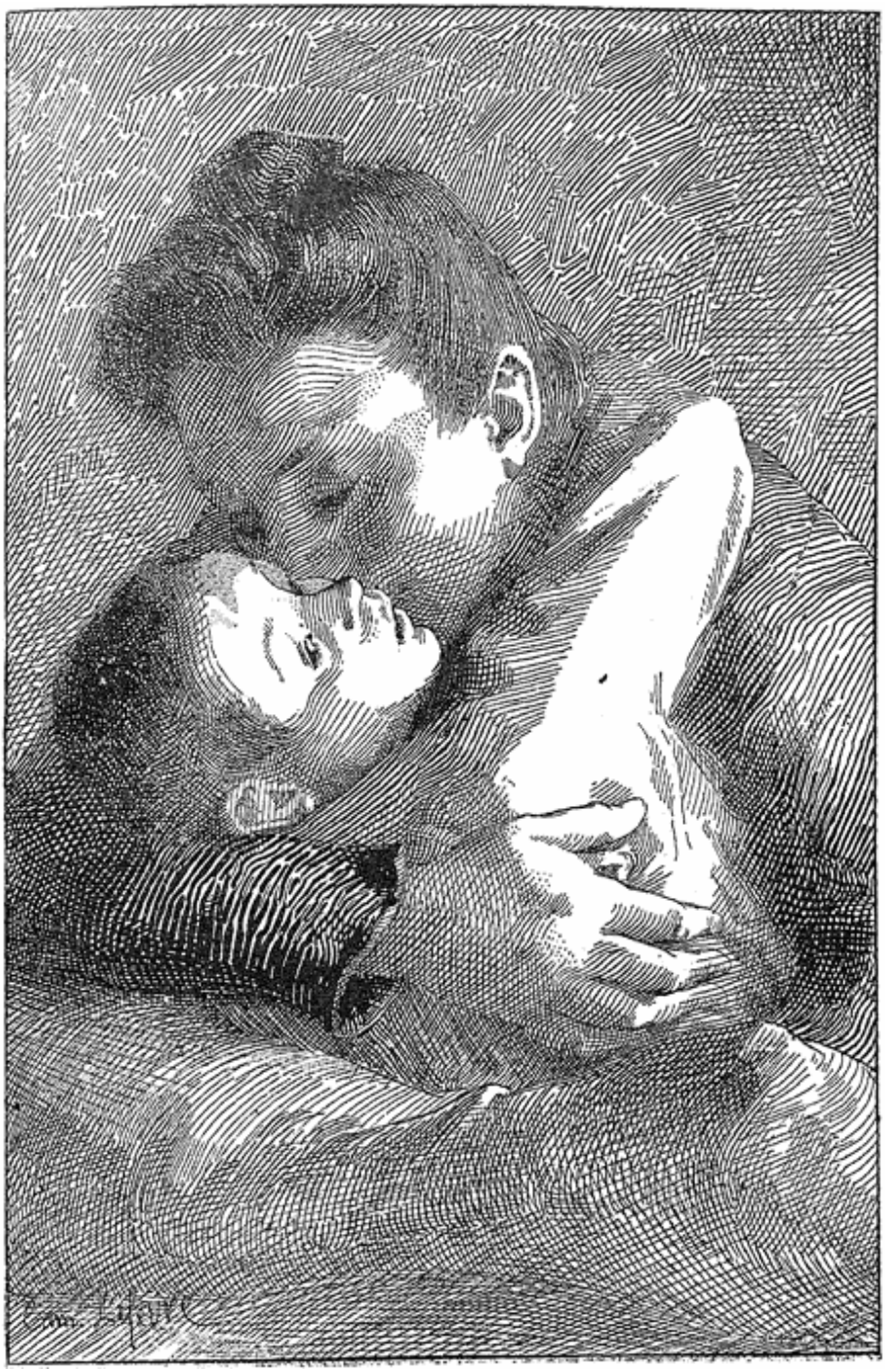
нее. Нѣсколько мгновеній спустя онъ былъ въ объятіяхъ своихъ друзей и смѣялся и плакалъ вмѣстѣ съ ними.

— Тише, тише! — остановилъ ихъ Непокорный. — Вы все погубите. Надо спасаться, пока побѣгъ не замѣченъ.

Гансъ вынулъ изъ кармана оболочку воздушнаго шара, данную ему гусеницами, развернулъ ее, и легкій шаръ тотчасъ началъ быстро надуваться, легкая, необычайно прочная корзина висѣла подъ шаромъ. Дѣти сѣли въ нее. Непокорный послѣдовалъ за ними, подсадивъ сначала крота и Пенмокъ. У ласточки были ея крылья. И шаръ взвился на воздухъ.

Волненія послѣднихъ минуть и жизнь въ тюрьмѣ такъ обезсилили Ноно, что какъ только онъ очутился внѣ опасности, онъ тотчасъ лишился чувствъ. Ему казалось, что стѣнки шара уходятъ изъ-подъ его ногъ и что онъ летитъ куда-то внизъ въ пространство.

Ноно закричалъ, дрожа и обливаясь потомъ… и проснулся въ объятіяхъ своей матери. Она стояла, склонясь надъ нимъ, и старалась успокоить его. Весь дрожа, никакъ не могъ понять Ноно, гдѣ онъ, какъ онъ очутился въ своей кроваткѣ; видитъ ли онъ это во снѣ, или все то, что съ нимъ случилось, былъ только тяжелымъ, ужаснымъ сномъ.



Долго не могъ притти въ себя Ноно, долго мать не могла успокоить и увѣрить его, что онъ вчера спокойно заснулъ на своей постели, начитавшись на ночь сказокъ. Она показала ему и книжку, которую онъ читалъ, и кроватки его сестеръ и братьевъ, и тогда только онъ пришелъ въ себя и разсказалъ ей то, что видѣлъ

во снѣ.

— Дурачекъ, — сказала ему мать, — ты знаешь вѣдь, что нѣтъ ни фей, ни волшебниковъ, ни говорящихъ животныхъ. Спи же, голубчикъ, и не думай больше обо всѣхъ этихъ глупостяхъ. — И она поцѣловала его.

А отецъ, подошедшій тоже въ это время къ кровати сына, сказалъ ему:

— Мама права. Фей нѣтъ и никогда ничего не случается, чего нельзя было бы объяснить естественными причинами. Но ты знаешь, что въ книжкахъ сказокъ за чудесными приключеніями часто скрывается истина. И въ твоемъ снѣ много было хорошаго, много такого, что тебя научитъ быть лучше и лучше понимать жизнь людей, съ которыми тебѣ приходится жить. Если ты будешь еще помнить свой сонъ завтра, то постарайся записать его. Чѣмъ будешь старше, тѣмъ интереснѣе и удивительнѣе тебѣ покажется этотъ сонъ, и много тебѣ придется надъ нимъ подумать. А теперь спи скорѣй, пора и намъ съ мамой ложиться. Ну, спи же, мой мальчикъ.

notes

Примечания

1

Автономія, самоуправленіе.

2

Единеніе.

3

Капиталъ.

4

Плутократія — господство богатыхъ.

5

Трудъ.

6

Свобода.

Измѣненное Пупэ (poupèe) — кукла.

8

Электричество.

9

Любовь.

10

Предпріимчивость, умѣніе придумать, что и какъ лучше сдѣлать что-нибудь новое.

11

Музыкальность.

12

Знающій ботанику — науку о растеніяхъ.

13

Плутусъ — повелитель Плутократіи, страны, гдѣ жили обманомъ и насиліемъ сильныхъ надъ слабыми, богатыхъ надъ бѣдными, гдѣ имѣющіе деньги заставляютъ неимѣющихъ ихъ работать на себя.

14

Монайя — городъ, гдѣ царитъ власть денегъ.

15

Во всей Франціи и других болѣе южныхъ странахъ ѣдятъ бѣлый хлѣбъ. *Пер.*